

Фуршет в эпицентре рая

18+

Павлих Мария Ч

Павлих Мария Ч

Фуршет в эпицентре рая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67360323

SelfPub; 2022

Аннотация

Великое Восточное Братство противостоит Северо-Баллистическому Пасьянсу. Из Красного Дворца Державой управляет Новое дворянство, Министерство Нападения, Элит-Кавалерия, Папатриарх Мифодий и Эффективные менеджеры во главе с Главномыслящим, – эпохальным главнокомандующим, геополитиком и великим мыслителем. Две тысячи восемьдесят четвёртый год подозрительно похож на две тысячи двадцать второй..

Павлих Мария Ч

Фуршет в эпицентре рая

Глава I

I

Центральный проспект Великого Восточного Братства проступал сквозь утреннюю тьму яркими инфосливными бачками, как суицидальный порез опасной бритвой на шее мрачного психопата.

Каждый слинфобак, размером с футбольные ворота, показывал одно и тоже изображение, – на четвероногом роботе, похожем на обезглавленного, вставшего на дыбы коня, сидел измождённый старик. Спокойный, и слегка насмешливый взгляд выражал полное равнодушие к окружающим. Расстёгнутый мундир, расшитый золотом, оголял истощённое тело и впалую иссохшую грудь. Каракулевая треуголка с желто-чёрным верхом украшала голову, с клочками редких седых волос. Мизинец правой руки круто оттопыривался и указывал далеко за горизонт. Над изображением, жирным плакатным шрифтом "Победа" переливался праздничный лозунг: "Главкомыслящий призывает в рай".

Пропаганда работала на полную катушку уже с раннего утра. Ничего удивительного, приближались две недели святой троицы, – подписание договора о неприменении кван-

тогового оружия, празднование Судьбоносного Дня Победы и десятидневные выборы с последующим нейронным голосованием.

Жаркие дни августа ядовитой шрапнелью летели на спящую Поп Державу, как выгорающий метеоритный рой. Сон работника извоза "От брата к брату" прорвался как гнойный нарыв двенадцатого августа две тысячи восемьдесят четвёртого года. Сон преследовал водителя уже месяц, но трусливо ускользал перед пробуждением, как юркий таракан в проёмах скользкого подсознания. Электронашейник совершал над мозгом лоботомию, – сверлящий звуковой сигнал фиксировал заказ из района биохимического геттополиса.

Район называли "хлопушкой", – рейды Элит-Кавалерии, налёты религиозного картеля Папатриарха и исчезновения малолетних давно стали здесь частыми незваными гостями. Поездка не сулила заработка, – закон, принятый два года назад, утверждал бесплатные выезды в районы научных и промышленных предприятий. Отказ от вызова считался уголовно наказуемым деянием и грозил длительным лишением свободы с конфискацией личного транспорта.

Водитель поднялся, как по тревоге, через пять минут он уже ехал по центральной дороге к месту клиента. Едкий запах химических реактивов проникал в кабину, даже сквозь плотно закрытые двери машины. Трассы пустовали в столь ранний час, но расслабляться не стоило, – едкие вещества образовали в дороге проруби глубиной до полуметра и ча-

сто преподносили предсказуемый сюрприз. Водитель полностью концентрировался на дороге, но не различить плакатную надпись "Каждому – по способностям" на уродливом здании биохимического завода было невозможно.

До клиента оставалось уже меньше километра, когда заказ неожиданно отменили. Водитель мысленно чертыхнулся и справедливость тут же восторжествовала, – с правой стороны появился силуэт человека в зелёной армейской куртке. Служивый отчаянно ловил попутки и по-звериному озирался по сторонам. Солдаты часто возвращались с военных баз Братства в такое время и не скупилась на комфортную поездку, лишь бы скорее почувствовать непричастность к военной истерии.

Водитель притормозил и осторожно приоткрыл окно. К предсказуемой вони биохимических отходов примешался запах металла, песка и нехарактерный для этих мест аромат восточных пряностей. Солдат резко открыл дверь и юркнул на заднее сиденье, словно раненый зверь в спасительное укрытие.

Это был первый тревожный сигнал, – служивые садились рядом и охотно делились убогими подробностями военной службы. Их дурно пахнущий словесный поток было невыносимо слушать и невозможно остановить. Странный пассажир появился ниоткуда и забился в угол кресла, словно пытался скрыться от хитрых глаз, наблюдающих за ним из слинфобачка. Зелёная армейская куртка теперь раздулась неесте-

ственным образом, стальные пуговицы доставали до переднего кресла.

– Кафе Барро, – рыкнул солдат.

Из за сильного экзотического акцента фраза прозвучала как приказ. Это было дорогое, но популярное место. Заведение считалось элитным, попасть туда было непросто. Интеллект насильовала сама мысль о появлении там солдата в военной куртке, с грязным песком в карманах и едкими масляными пятнами на воротнике.

Водитель решил, что ему нет никакого дела до этого странного обстоятельства, и медленно тронулся с места, но пытливый мозг уже запустил поиск решения головоломки. Измученные бойцы неслись домой сломя голову, как только вырывались с базы – свидание с подругой означало принятие душа и наличие чистой одежды. Уталить чувство голода в геттополисе не составляло труда, – дешёвые забегаловки с недорогой выпивкой, которую против правил продавали и в такой ранний час, зазывали посетителей через каждые сто метров дороги. Мчаться на такси в элитарное кафе, чтобы наскоро проглотить изысканное блюдо, вперемешку с грязью и порохом, среди высокомерных управленцев, казалось по меньшей мере чудачеством.

Водитель посмотрел в переднее зеркало, чтобы как следует рассмотреть незнакомца. Остроконечный капюшон надёжно скрывал голову, – солдат набросил его, как только оказался в машине. Он намеренно прятал глаза, но всё же бро-

сил взгляд на переднее зеркало. Этого мгновения хватило, чтобы прочитать в мутных зрачках озлобленного молодого человека отсутствие малейшего желания вступить в разговор.

Водитель оторопел, – рука неожиданно соскочила с руля, по спине пробежал колющий электрический разряд. Пот выступил на лбу, разъедал глаза и ручьём застилал дорогу коричневой липкой плёнкой. Машина проскочила перекрёсток на жёлтый сигнал светофора. Водитель вспомнил, что уже видел эту картину перед пробуждением, – утреннюю поездку с чужеродным пассажиром в военной форме, зловещее молчание и звериный оскал, запах стали вперемешку с карамелью, словно гадкое послевкусие от ночного кошмара.

Он посмотрел в боковое зеркало, чтобы на этот раз не встретиться взглядом с, похожим на затравленного зверя, пассажиром. По спине пробежал повторный заряд электричества неизмеримо большей силы чем первый, – из под зелёной куртки вывалился тонкий провод с толстым слоем изоляции. На солдате не было никаких отметок армейской части и рода войск.

Водителю захотелось проснуться и отмахнуться от этого утра, как от навязчивого сна. Сон ударил мельчайшими деталями в голову как insult, парализовал волю и сковал рассудок. Срок жизни водителя, ровно как и вещества вокруг пошёл на секунды. Ядовитые струи пота потекли по бледному, безвольному лбу, как токсичные черви.

Мозг бешено искал решение уже другой головоломки, где цена ошибки измерялась судьбами неизвестных людей: резко остановить, перевернуть машину крутым поворотом руля, врезаться в столб, в мчащуюся встречную машину, бросить управление и вцепиться в солдата на полном ходу. Водитель попробовал вытереть лоб рукой но не оторвал от руля даже пальцы. Мозг отключился от центральной нервной системы, тело саботировало команды, как сбежавший с военной базы дезертир.

Водитель приближался к месту назначения, – инстинкт самосохранения оставил единственно возможное решение и отверг остальные. Потусторонняя тишина проникала в поры, как угарный газ. Пять минут до кафе, – уже видна вывеска и первые посетители. Солдат достал грязную засаленную купюру, положил между передними сиденьями и открыл дверь. Водитель не отреагировал, – рабский страх намертво придавил безвольное тело к креслу. Время свернулось, как сгусток крови, пространство сжалось до жёлтого слепого пятна на зрительном нерве. Звон металлической двери вывел водителя из комы, – солдат пропал внезапно, как и появился.

II

К Кафе Барро приближался человек в грязной армейской куртке. Его звали Башир, сын Ваджиха. Мысли путались с каждым шагом, хотя цель освещала дорогу, как месяц, в родной стране Агонии. Странная мысль не давала покоя в ночь

перед вознесением: успеет ли услышать звук взрыва, прежде чем металлический осколок пройдёт сквозь череп, а двадцать килограмм тротила разорвут на куски всё живое в радиусе ста метров вместе с его жалкой плотью?

Младший брат уже ждал его на небесах. Год назад брат совершил вознесение, – взорвал детскую дискотеку на другом конце города. Это показали по всем новостным каналам. Мир стал свидетелем безжалостно спланированного теракта, – взрывной волной выбило тяжеловесные стёкла в пяти смежных зданиях, стеклянные осколки, как острые лезвия, отрезали голову семилетней девочке на глазах матери и убили ещё двенадцать человек.

Но, он, Башир, сын Ваджиха, не нажмёт на кнопку взрывателя сразу, как сделал его младший брат. Он успеет стать Богом уже в этом, худшем из миров, когда толпа посетителей покатится к выходу комом человеческих тел в безумной попытке просочиться сквозь дверные щели наружу. Он услышит мольбы о пощаде, крики помощи потерявших рассудок смертных, увидит как сходят с ума и падают в обморок от ужаса холёные посетители дорогого кафе, где одна чашка кофе стоила больше заработанных им при жизни денег.

И только потом расплавятся в воздухе стальные ножки столов, припаянные к бетонному полу, а железные шарики, терпеливо ждавшие своего часа под зелёной курткой, разорвут на куски тела завсегдаев в дорогих одеждах. Наивысшее наслаждение последних минут земного бытия, – хоть се-

кунду увидеть это чудо перед переходом в иной, совершенный мир. Там уже томятся клоны-гурии, чьи лимфы ароматны как персик и рахат-лукум, а из чрева льётся гранатовый сок, который он будет по праву впитывать каждой клеткой.

Праведная рука устраняет преграды и ведёт к истине. Как беспрепятственно доехал он до цели! Его не застрелила полиция, не схватили агенты спецслужб, он даже не вызвал подозрения у опасливого водителя. Это означает только одно, – высшие силы уже благословили восхождение, он умер для этого мира чтобы воскреснуть в мире праведном. Мать будет раздавать конфеты соседям, лицо её будет гордым и светлым, а друзья с тайной завистью пожалеют о том что выбор пал на него, – Башира, сына Ваджиха, совершить подвиг во имя Агония.

Пятнадцать метров отделяют посланника от входа в вечность. Расстояние ничтожное, чтобы вызвать подозрения даже для Воина Неба, замаскированного под солдата Братства. Страх нет, – миссия вдохновляет и укрепляет веру. Сильное сердцебиение разгоняет кровь, вены готовы взорваться от праведного гнева. Десять метров до кафе. Он ещё раз повторил фразу на незнакомом языке Братства.

Пять метров. Пульс участился, – сердце ломилось из обречённого тела, словно тестировало кожу на прочность, готовясь к триумфальному побегу. Один метр, – набрать больше воздуха в лёгкие, чтобы внятно выговорить роковое послание перед тем как посмотреть кому нибудь из них в глаза

и войти в вечность. Ручка двери мягко поддавалась огрубевшим пальцам, раздался лёгкий щелчок, похожий на лязг автоматного затвора.

III

Элис отставала от спешащей толпы, но всё же успела зайти в кафе в числе первых посетителей. За ней двигалась толпа обгоняющих друг друга управленцев. Запах синтетической хлорки перебивал скудельный кофейный аромат и сильно щекотал ноздри. Элис пришлось переступить через исполнскую швабру и держать равновесие на мокром полу, как цирковому акробату на скользком канате, чтобы добраться до торгового прилавка.

Кофе продавали на вес, разливая по разноцветным чашкам огромным медным половником. Дюжая продавщица умело управлялась с рычажными весами, используя дежурный набор чугунных гирь, отлитых в форме атомных и лептонных бомбочек. Жёлтые уточки с тонкими прямыми клювиками служили индикаторами для определения равновесия. Они раскачивались как старые детские качели, под мерзостный скрип ржавого подстроечного винта. Ещё две уточки, вместе с крошечным медвежонком, красовались на стальном геральдическом щите устройства.

Очередь продвигалась бойко, ждать пришлось пару минут. Продавщица сняла карликовую бомбочку с чаши противовеса и отпустила заказ. Бармен подвязал декоративные

ленточки, наклеил фирменный знак заведения и передал содержимое Элис.

Розовая чашка с автоматической регулировкой температуры приятно согрела руки. Элис закрыла глаза от удовольствия. Аромат пьянил, думать хотелось о чём угодно, кроме предстоящего интервью. Она прошла к свободному столику рядом с входом. Попасть на собеседование в гетто-завод на должность фотографа было всё равно что сорвать бинго в богатом игорном доме.

Вчерашний технический тест прошёл на ура, Элис чувствовала что понравилась руководству. Через двадцать минут надо было идти на второй, – провести экзаменационную фотосессию для отдела клонирования. Если бы не управленческий талон на посещение кафе, пришлось бы бессмысленно слоняться по заводским буфетам в поисках укромного места для подготовки. Теперь времени было достаточно, чтобы обдумать подходящую сцену и интерьер. Наплыв посетителей заканчивался, обстановка благоприятствовала профессиональной игре воображения.

Кафе было недоступно для рабочих, – здесь обслуживали только управленцев и средний состав. Элис получила специальный талон, действительный на дни собеседования. Она смотрела сквозь посетителей и мысленно выбирала правильный ракурс для будущей съемки. Через пять минут очередь рассосалась, – теперь Элис видела каждого входящего посетителя. Она заметила охранника из отдела трансплан-

тации, – он не решился сесть рядом и устроился за соседним столиком. У окна, со всем семейством, расположился грузный "эффективный менеджер", похожий на комодского варана. Дети раскрашивали портрет Главнокомыслящего стальными ручками в форме крылатых квантовых ракет. Жена варана отрешённо наблюдала, как самец облизывает ноздри длинным заострённым языком.

Элис с отвращением отвернулась, – картина вызывала рвотный рефлекс и желание запить увиденное благородным напитком. Кофе обжигало горло, содержимое приходилось цедить мелкими глотками. Однообразные клиенты вяло погружались в скучные профессиональные разговоры. В кафе не оставалось свободных мест. Новые посетители, уходили на кофейные поиски в соседние здания.

В запасе у Элис оставались ещё десять минут, когда в кафе резко вошел необычный чревоугодник, – смуглый молодой человек в грязной военной форме остановился у входа и, как хищный зверь, впивался в глаза посетителей, словно выбирал жертву. Кремневый запах металлических стружек распространялся по кафе, перебивал кофейные ароматы и едкие дезинфицирующие средства.

Элис поймала дерзкий взгляд из любопытства и тут же об этом пожалела, – солдат устремился к её столику. Она быстро встала и направилась к барной стойке, – вдыхать армейские ароматы никак не входило в ближайшие планы. Опасный гость подскочил к ней вплотную и грубо преградил

дорогу. Красное от злобы лицо излучало слепую ненависть к окружающим. Элис испуганно отшатнулась и толкнула в спину охранника за задним столом. Невнятные слова, исковерканные жутким акцентом, выскочили из искривлённого рта солдата как квакающие жабы.

– Знаешь.. что.. у.. меня.. под.. рубашкой..?

Элис не поняла смысл вопроса, абсурдность ситуации на мгновение ввела её в ступор. Грубая и бессмысленная фраза повисла в воздухе как смрадное облако пыли. Солдат молниеносным движением расстегнул куртку и задрал вверх зловонные отрепья. Время скрипнуло тормозами, как потерявший управление гоночный автомобиль и сорвалось в кювет, швырнув пассажира об острый, как месяц, циферблат.

Самодельная бомба, обмотанная металлическими проводами, оттягивала голое тело, как камень шею утопленника. Мутные зрачки смертника расширились по диаметру глазниц, лицо сделалось мертвенно-бледным. На Элис смотрел уже не человек, – смерть изучала её бездной чёрных бездонных скважин. Религиозный рёв самоубийцы леденил кровь, предсмертная молитва проникала острыми спицами в вены как цианит.

Элис упала в бездну, бунтарский дух вырвался на волю, мозг открыл шквальный огонь на поражение осколками детских воспоминаний. Кто то иной вёл замедленную съёмку из треснувшего пространства черепной коробки.

Воздух пропитался мертвечиной. Спазм животного ужа-

са расколол на куски восковые маски посетителей. Бармен закрыл голову руками и упал за барную стойку. Приступ безумия бросил к боковому выходу отца семейства, – несчастный рухнул на каменный пол, оставив кровавый кривой шлейф на толстом пуленепробиваемом стекле. Люди беспомощно цеплялись за жизнь, – к выходу катилось месиво из человеческих тел. Слышалась каждая нота истерических криков, звучащих в унисон из каждого угла. Смрадный запах серного дыма заполнил пространство кафе, рвотные массы растекались по кафельному полу, как вулканическая лава.

Смертник раскачивался из стороны в сторону. Рёв религиозного экстаза заглушал истошные крики о помощи. Рука начинала медленное движение к маленькому устройству, прикрепленному к поясу проводом, скрытым под толстым слоем изоляции.

Элис видела себя со стороны – она стояла глаза в глаза с террористом и сжимала в руке розовую чашку с разноцветными лентами. Она падала в бездну беспомыслия, но вдруг ясно увидела как собственная рука с силой выплёскивает из чашки кипящую смесь в глаза стоящему перед ней существу.

Душа словно вернулась в тело, события потекли с бешеной частотой, словно небесный режиссёр перевёл режим управления на скоростной.

Смертник инстинктивно схватился за лицо, – этого мгновения хватило охраннику, чтобы блокировать руки умелым

неуловимым движением. Бармен выпрыгнул из за стойки, уцепился за куртку и добрался до горла мерзавца. Через три секунды бомбист лежал на полу, – его били в висок заострённой атомной гирей с исступленным остервенением. Бомба соскочила с тела, провод отлетел от взрывного устройства вместе с пультом от детонатора.

Смертник выл, желтая пена била изо рта, как подземный фонтан. Горло террориста извергало звериные звуки, – бармен сдавил мёртвой хваткой кадык. Тело изогнулось, как электрический разряд, в последней попытке разорвать цельное пространство. Двое вдавили бомбиста коленями в пол, заставив зажать зубами чугунный противовес как бешеного пса. Смятение толпы сменилось озверением, начинался самосуд.

Солдату разорвали в клочья одежду, а самого бросили на бетонный пол. Гениталии смертника туго обматывала толстая железная проволока, на поясице сверкал тяжёлый стальной ремень.

Послышался вой сирен и визг тормозящих у входа машин. Клювики уточек перестали раскачиваться, образовав единую прямую линию. Это было последнее что успела заметить Элис перед тем как рухнуть на пол кафе Барро в шаге от лежавшей под столом бомбы.

IV

Элис очнулась от резкого запаха аммиака и звонкой ме-

дицинской пощёчины. Человек в белой одежде назойливо спрашивал слышит ли она его голос и понимает ли где находится. Элис не знала что происходит, но утвердительно кивнула. Она лежала на реанимационных носилках, в левой руке ощущалось сильное жжение от медицинского укола, на правом виске краснел ручеёк запёкшейся крови. Толпа одобрительно редела, полицейские едва удерживали заграждения.

Журналисты с нетерпением ждали своего часа, чтобы выяснить хоть малейшие детали предотвращённого теракта. Сирены пожарных машин разрывали ушные перепонки и звенели из каждого угла. Район оцепили военные, над зданием кафе завис полицейский вертолёт. Санитары рассаживали обезумевших посетителей по машинам, психологи пытались привести в чувства тех, кто пришёл в сознание.

Врач и офицер полиции вели негромкий разговор в метре от Элис. Через минуту они подошли к ней вплотную.

– Как Вас зовут? – спросил офицер, перелистывая карманный блокнот. Зловещие детали постепенно проявлялись в памяти, но Элис ещё не понимала что происходит, – каждый вздох давался с усилием, голова раскалывалась. Она ответила отрешённо, не обращая внимание на стоящего рядом сержанта:

– Мария.

Это вырвалось из подсознания, шок сместил в голове Элис временные рамки событий. Офицер побледнел от испуга, по крайне мере так показалось ей в первую секунду. Он

затравленно огляделся по сторонам, словно призывал присутствующих в свидетели и повторил вопрос с наигранной яростью.

Демонстративный истошный крик полицейского заставил замолчать даже беснующуюся толпу журналистов. Далее следовал только калечащий удар под рёбра.

Крик привёл Элис в чувства. Она с ужасом осознала что назвала властям нелегальное уродённое имя. Проступок был уголовно наказуемым по самой серьёзной статье, – библейскими именами разрешалось называть в Братстве только детей аристо-элиты. Крик офицера испугал Элис больше чем предсмертная молитва террориста-смертника.

Ошибка нередко становилась роковой. Нелегальные уродённые имена не скрывали только борцы штаба сопротивления. Незаконное имя революционера – демонстрация протеста и констатация презрения к законам Братства. Элис вздрогнула. Ошибку стоило исправить немедленно, – к штабу сопротивления она не имела никакого отношения.

– Элис, меня зовут Элис, простите офицер, Элис Найтингел.

Офицер замолчал, сделав несколько отметок в блокноте. Это был плохой знак.

Врач приложил руку к её лбу.

– У Вас был обморок. Серьёзных повреждений не обнаружили, только сотрясения мозга от падения. Мы связались с вашим отцом. Он уже в пути.

Офицер протянул Элис маленький жёлтый листок бумаги и громко щёлкнул пальцами прямо перед её носом.

– Это важно! Явиться для дачи показаний по этому адресу как только будет сигнал. Помните об ответственности.

– Мы отвезём Вас в больницу, – продолжил врач после короткой паузы.

Элис хотела сказать что подождет отца, но сознание ещё не вернулось в привычную систему координат. Она схватила сержанта за руку.

– Там бомба, офицер, под рубашкой солдата. Я ничего не могла сделать. Клянусь вам.

Офицер удивлённо посмотрел на неё и брезгливо отстранился.

– Всё под контролем. Террорист обезврежен, никто не пострадал.

Подбежавший врач быстро вколол успокоительное.

– Придите же в себя! Вы в безопасности. Если не возьмёте себя в руки, в больницу вас отправят принудительно. Вы этого хотите?

Лекарства начинали действовать, Элис изо всех сил пыталась собрать себя по кусочкам, изображая показное спокойствие. Несдержанность в разговоре с властями ещё ни помогала никому, – любое лишнее слово мгновенно вызывало подозрение и вело к непредсказуемым последствиям.

– Я подожду отца, простите, офицер, – сказала она, словно отчиталась перед командиром о выполненном поручении.

Сержант отошёл, сделав повторную запись в блокноте. Врач помог Элис подняться. Единственным желанием было скрыться от бесцеремонной толпы журналистов.

Неожиданно к ней подошёл маленький юркий человек в штатском и учтиво взял под руку. Момент был подходящий, Элис на некоторое время осталась одна.

– Настоящее геройство! Братство должно знать своих героев! – протянул он с неуместной игривой интонацией. Его проходу сквозь кордон полиции никто не препятствовал. Незнакомец возник ниоткуда, но при его появлении офицер полиции послушно отошел на почтительное расстояние, оставив их с Элис наедине. Элис почувствовала сильную боль в локте, – незнакомец сжимал сустав твёрдыми как каучук пальцами.

– Никаких лишних, и, тем более, вымышленных подробностей прессе, – продолжал неизвестный. – Всё что им положено знать уже официально озвучено в новостях. Дело государственное. С этого момента из геттополиса ни на шаг, о дальнейшем Вас оповестят в ближайшие дни. До скорой встречи.

В словах неизвестного не было никакой жёсткости, и тем не менее, они прозвучали как военный приказ. Элис не успела ответить, и даже осмыслить происходящее, как человек исчез.

В толпе журналистов, возникло движение, – отец Элис пробирался сквозь оцепление. Он был бледен, но держался,

как потомственный аристократ. Увидев реанимационные носилки, он потерял последние остатки самообладания и рванулся к дочери, сбив с ног журналиста телеканала "Братство сегодня". Корреспондент узнал профессора.

– Это профессор Вейл Найтэнгел, – послушались крики со всех сторон. Толпа ещё больше оживилась.

– Профессор, что вы почувствовали когда узнали что ваша дочь находится в заложниках?

Не сказав ни слова, профессор обнял дочь так сильно, что она почувствовала нестерпимую боль. Она попыталась освободиться, но отец отпустил её только через долгую минуту, которая сопровождалась звуками щёлкающих фотокамер. Послышался шквал аплодисментов.

– Элиссссс, – прошептал профессор гипнотическим змеиным шепотом. Я думал, что скорее сойду с ума, чем доеду до этого проклятого места! Нам надо в больницу, немедленно!

Она схватила его за руку.

– Нет, пожалуйста, только не это! Ты сам знаешь что здесь за больницы. Вот там меня точно разорвут на куски! Я дойду до машины. Отвези меня домой! Пожалуйста!

Профессор знал что через секунду дочь сорвётся в истерику. Спорить было бессмысленно и опасно, – каждое неосторожное слово, сказанное в приступе неконтролируемой ярости несло смертельную опасность оказаться в "Кричащей Тишине".

– Ты можешь идти? – спросил он, заслоняя её от галдящей

толпы.

– Я поползу, лишь бы скрыться от них, – простонала Элис.

– Осторожно иди за мной, – он взял дочь за руку показывая направление. – Сейчас нас выведут.

Элис опустила голову и послушно нырнула в образовавшийся зазор между полицейскими. Ехать в больницу не имело смысла. Профессор знал это не хуже дочери. Над медициной в Братстве одержали убедительную победу много лет назад. Систему здравоохранения фактически заменило Министерство Трансплантации, – придаток биохимического завода, штамповавший искусственные органы.

Министерство вело учёт и перераспределение мест в бесконечных очередях на хирургические операции по пересадке сердца, почек, лёгких, и даже пальцев конечностей. Место в очереди гарантировалось при условии полной занятости на одном из гетто-предприятий или в любой структуре относящейся к их функционированию. Специальный код, содержащий ближайшие даты операций для каждого конкретного жителя Братства, отображался на электронашейнике, – электронном приборе, напоминающем плотно прилегающий к шее чокер.

Ношение устройства было обязательным, – его отсутствие на шее считалось серьёзным нарушением закона и часто становилось поводом для ареста. Более тяжким преступлением считалось лишь публичное оскорбление Главногомыслёщего и изнасилование малолетней.

Даты операций не являлись фиксированными. В течении дня, они могли отдаляться от исходных на несколько месяцев или лет. Иногда это объяснялось незапланированными экстренными операциями для военных, но в большинстве случаев изменение происходило без каких либо комментариев со стороны министерства. Последние десять символов кода являлись шифром и предназначались для служебного пользования. Шифр мог измениться в любой момент, без всякой связи с датами операций. Такие странные флюктуации вызывали смутную тревогу и желание не думать о том что всё это могло означать. Перед тем как сесть в машину профессор посмотрел на код дочери. Его служебная часть изменилась до неузнаваемости.

V

Нервный срыв догнал Элис уже в машине, – шок от столкновения со смертником прошёл, оставив нервную систему наедине с ужасом пережитых минут. Попытки профессора привести дочь в чувство терпели неминуемое фиаско, – она билась в конвульсиях, сопротивляясь любому проявлению сострадания.

Он внезапно ощутил собственную вину за терзания дочери: за это жуткое смертоносное утро, за то что создал семью на мрачном заговорённом пространстве называемым Братством. Тридцать лет назад правительство не препятствовало политическому бегству в штаты Северо-Балистического

Пасьянса. Он находил тысячи оправданий, чтобы остаться, пока щит отчуждения, возникший между двумя странами, окончательно не перечеркнул эту возможность.

Профессор посмотрел на Элис, – кризис постепенно миновал. Она сидела опустив голову, – туфли из состаренной кожи, купленные для рокового интервью, ненадолго отвлекли внимание, как маленького ребёнка. Покупка стоила здоровья каждому члену семьи, – на получение талона пришлось сдавать донорскую кровь в течении трёх дней. Чтобы расплатиться, – заложить смокинг и запонки профессора.

Профессор обнял дочь и, на этот раз, сильно прижал к себе. Элис больше не сопротивлялась, она взяла отца за руку, затем задала вопрос, который не давал ему покоя с момента объявления о теракте:

– Как смертник, увешанный взрывчаткой, словно новогодняя ёлка, оказался в самом центре охраняемого района?

– Не могу этого понять, – замотал головой профессор. Возможно убудка привёз таксист, – почтальон видел как из машины выходил человек в зелёной куртке. Это объясняет как животное добралось до кафе. Но ведь до биохимического завода четверть часа езды. Если таксист в сговоре с этим выродком, то ехать стоило туда. Если нет, – лишние пятнадцать минут не сыграли бы никакой роли, раз водитель так и не понял кого везёт. Возможно, оба почувствовали неладное, убудок решил не рисковать и вышел где попало. Кафе уже было утешительным призом перед отправлением в рай

мелкими кусочками. Как бы то ни было, ни одна версия полиции не убедительна.

Элис скинула туфли и забралась с ногами на кресло сиденья.

– Перед тем как нажать на взрыватель, он спросил, знаю ли я что у него под рубашкой. В последнюю секунду своей жизни он обращался ко мне с таким вопросом, представляешь? "Знаешь что у меня под рубашкой?". Что за чушь? У него был сильный акцент, но, клянусь, фраза звучала именно так.

– Он говорил с тобой?! – профессор с ужасом посмотрел на дочь, оторвав взгляд от дороги, что едва не привело к столкновению по встречной полосе. – Этого не может быть!

Элис закрыла глаза, словно принимала аварию, как должное, затем улыбнулась, первый раз за поездку:

– Если бы этого не было, мы бы сейчас не разговаривали.

– Прости, – профессор погладил её по голове как маленькую девочку. – Благодарю того, кто вставил этому животному ген речи вместо аминокислоты. Почему я не оказался там вместо тебя?

Элис театрально вздохнула и закатила зрачки.

– Если бы ты оказался там вместо меня, навряд ли ему захотелось оголять своё тело, он бы легко подавил приступ эксгибиционизма и нажал на кнопку без лишних раздумий.

Шок от пережитого кошмара постепенно проходил, – Элис снова улыбалась.

– Знаешь, когда его бросили на пол. . .

Она осеклась, обдумывая как правильнее представить сюрреалистическую картину, увиденную перед самым обмороком:

– Когда опасность миновала, толпа озверела, началось избиение. С него слетела почти вся одежда. Так вот, его гениталии были туго замотаны проволокой. Я не помню многих деталей, но вот эта врезалась в память как осколок. Может сейчас это глупый и не самый подходящий вопрос, но я не понимаю. Для чего?

Профессор молчал, обдумывая услышанное.

– Я понял, – сказал он через минуту.

– Этот недо-воин куражился перед вознесением в задний проход вечности и прорабатывал технические детали предстоящей половой жизни в мире ином. На небесах этим недоумкам обещают двенадцать гуклонов, как бонус за самоуничтожение.

Элис вздрогнула от услышанного.

– Двенадцать кого, прости?

Профессор бросил кислый взгляд на дочь, – некоторые вещи он не обсуждал даже с друзьями. Промолчать или перевести разговор на другую тему он не мог, семейный уговор, – никаких недомолвок.

– Двенадцать гурий клонов. Сокращённо гуклонов, – клонированных индивидуумов. Отечественная разработка, Элис, можем гордиться этим паскудством. Пятьдесят лет на-

зад правительство запретило пользоваться беспроводной связью, затем ограничило количество разрешённых городских звонков до четырёх в день. Зато в этом они преуспели. Уверен, скоро увидим новую валюту для аристо-элиты, – один гуклон. Не хочу рассказывать гадкие подробности, уже наговорил на статью о словесном терроризме.

– Я впервые слышу об этом, – сказала Элис. Ты мне ничего не рассказывал.

– Я много чего не рассказывал, милая, – улыбнулся профессор. – Эта мерзость тяжела даже для моей психики. Возвращаясь к пикантному вопросу о горе-смертнике, – он не понимал чем будет ублажать свой небесный гарем гуклонок, когда самого разорвёт на куски. Поэтому и обмотал стальной проволокой самое ценное что у него было в этом мире – собственные ослородные причиндалы. Так, для подстраховки, чтобы не улетели далеко после взрыва.

Профессор зло ударил кулаком по сиденью:

– Какой же мрак в головах – наслаждаться собственным величием, зная, что через секунду превратишься в труху. На пиру и смерть красна. Или стало по-человечески страшно, – испугался нажать пальчиком на кнопку. Потерявший сексуальную мотивацию террорист-смертник -эксгибиционист со склонностью к эпатажу. Можно увольнять отдел по связям с общественностью, который вербует этих недоумков.

Бравада профессора быстро закончилась. Неудавшаяся попытка теракта оставляла больше вопросов чем ответов:

как смертник попал в Братство, как обошёл военные кордоны, как доехал до цели, а главное – почему оказался в кафе, а не на биохимическом заводе.

VI

Элис спала, профессор мрачно смотрел на дорогу. Чувство вины за судьбу дочери не оставляло его уже двадцать два года, с момента её рождения. Восточное Братство, – его тошнило от одного только названия этой проклятой территории. Тысяча лингвистов не смогли бы придумать ничего более циничного и лживого. Одна из двух сверх держав на которые окончательно раскололся мир к концу второго тысячелетия. Политическое устройство, система человеческих ценностей, идеология, медицина – всё извратилось до последнего предела.

Профессор помнил мучительное рождение и кровавую эволюцию этой, полной неразрешимых противоречий, Нерушимой Поп Державы. Братство представляло собой объединение самых крупных в прошлом стран Центральной и Восточной Евразии. Инициатором объединения выступала некогда одна из самых влиятельных стран на этой части суши.

После очередного слияния в единую сверх державу, как искры огня, вспыхивали вооруженные конфликты, переходящие в кровопролитные междоусобицы. Страны, получившие независимость, через некоторое время заново погло-

щались Братством. Войны за самоопределение объявлялись братоубийственными, их лидеры уничтожались самым жестоким образом.

Длительное военное противостояние с Северо-Баллистическим Пасьянсом предсказуемо переросло в прямое столкновение, что навсегда прервало этот кровавый порочный круг. Конфликт между двумя сверхдержавами разгорался на фоне очередного антиправительственного восстания в западной провинции Братства. Последствия столкновения оказались судьбоносными для всех сторон, детали конфликта получили высшую степень секретности до конца третьего тысячелетия. Северный Пасьянс отгородился от своего восточного соседа стальным щитом отчуждения, внутри самого Братства попытки сепаратизма навсегда ушли в прошлое. Это событие считалось самым знаменательным в истории Поп Державы.

В те времена будущий профессор был ещё студентом и находился в начале своей блестящей карьеры физика-ядерщика. Исследования в области квантовой гравитации чёрных дыр интересовали его намного больше, чем скучная политика.

Блестящая карьера дала сбой, когда талантливый молодой учёный осознал кем и с какой целью будут использоваться его гениальные разработки. Понять это было не так сложно, как признаться себе самому в негласном пособничестве режиму, с каждым годом приобретающем откровенно людо-

едские черты.

Власть в Братстве всецело принадлежала нескольким десяткам человек, входившим в верховный клан аристократической элиты (или аристо-элиты), – клан “сплотившихся”. Во главе клана стоял Главномыслящий, – эпохальный главнокомандующий и великий мыслитель. Клан сконцентрировал в руках немислимые материальные и человеческие ресурсы, – армия, тайная полиция, элит-кавалерия, пехота особого назначения и спецслужбы обслуживали единый отточенный механизм гигантской репрессивной машины для подавления инакомыслия.

Главномыслящий находился на вершине политической пирамиды Братства. Никто, даже члены аристо-элиты, не могли с уверенностью утверждать, что знают возраст лидера Поп Державы. Несложные расчёты показывали, что срок его земного существования давно выходил за рамки человеческой жизни. За последние пятьдесят лет он не изменился внешне, за исключением, разве что лица, ставшего с годами более насмешливым и усталым.

Люди из рабочих районов, старались не задумываться об этом всерьёз. Детям объясняли этот феномен любовью Главномыслящего к силовым видам спорта и неукоснительному соблюдению канонов здорового образа жизни. Техническая интеллигенция не видела в пугающем факте преодоления сто тридцатилетнего возраста ничего удивительного, – мнение о том, что каждые двадцать лет Главномысляще-

го заменяют свежими двойниками никогда не ставилось под сомнение. Это было логичное и безопасное объяснение пугающего долголетия Лидера Поп Державы. О последнем не говорили вслух. Закон, принятый пятнадцать лет назад, запрещал публично высказывать подозрения в нереальности существования главы государства.

Другие выдвигали откровенно конспирологические теории, – даже риск попасть под серьёзную уголовную статью, не останавливал от утверждения, будто сущность Главногомыслящего постоянно трансформируется в новое клонированное тело. Криминальные концепции объяснялись обрывками ни чем не подтверждённых слухов о грандиозных успехах в исследовании головного мозга, при эффективном сотрудничестве нейрохирургов и квантовых физиков.

Прошлые Главногомыслящего плотно покрывало боевое отравляющее вещество. Разглядеть что либо внятное в мутных подворотнях и тёмных дворцовых клозетах было не только невозможно, но и опасно для зрения и психики. Сплетни среди обитателей Братства расходились кардинально. Некоторые утверждали что пол века назад будущий лидер Поп Державы слыл величайшим главнокомандующим и потомственным собирателем земель, – присоединял новые территории без единого выстрела и потерь среди личного состава. Другие лезли в драку, утверждая, что шпанёнок занимал место мелкого канцелярского работника, которого вытолкнули на Олимп власти случайные политические водово-

роты, происходившие век назад. Ни те ни другие не имели никаких подтверждений бурным фантазиям.

Профессор не строил никаких догадок по данному вопросу. Пугающее долгожительство лидера сверхдержавы уже не играло никакой злой или доброй роли в судьбе дочери или его собственной. Поворотный момент в сторону мира и гармонии, в векторе развития многострадальной родины, бездарно проскочили, как казалось профессору, ещё пол века назад, когда клан "сплотившихся" получил власть невообразимых масштабов и ресурсов.

Это случилось не в один момент, количество мерзости и паскудства в обществе постепенно переходило в качество. Три десятилетия назад, волна протеста внутри Братства снесла бы правительство, как цунами, без поддержки со стороны Северо Баллистического Пасьянса

Движение талантливых молодых революционеров, не желающих мириться с тиранией Главкомыслящего и военной хунтой, привело, в конечном счёте, к возникновению Штаба Противостояния. На начальном этап развития организация работала легально. За короткий срок существования, Штаб добился огромных успехов, умело используя растущее недовольство рабочих районов, виртуозное владение информационными технологиями и личным мужеством лидеров. Это продолжалось недолго, – ряд непредсказуемых и трагических событий заставил организацию перейти на нелегальное положение и уйти в глубокое подполье.

VII

Открытие профессора Найтингела не поддавалось осмыслению, и не укладывалось в сознание даже узкого круга специалистов. То, что учёный успел показать в экспериментах до того как проект засекретили, не приходило в головы даже писателям фантастам на исходе второго тысячелетия, когда научные сенсации атаковали мир ежедневно.

Когда учёный высказал предположение, что чёрная дыра записывает и хранит события происходящее на земной поверхности, его никто не воспринял всерьёз. Когда он теоретически показал, возможность квантового анализа горизонта исторических событий, разработав при этом специальный математический аппарат, его посчитали сумасшедшим. Когда в его лаборатории был создан первый в мире квантовый проектор чёрной дыры, способный визуализировать считанную информацию гравитационных волн, за ним пришли агенты тайной полиции Братства. Полуграмотные секретные сотрудники, в отличие от коллег профессора, восприняли инновационные ядерные разработки всерьёз, с самого начала проекта, – с первых теоретических выкладок талантливого физика.

Проект получил высшую степень секретности. Профессору предложили безлимитное финансирование дальнейших разработок и предоставление необходимых условий для развития. Первое время учёный чувствовал себя счастливей-

шим из людей, титаном тысячелетия и пророком от мира науки. Уникальная возможность дальнейшего исследования самых тёмных тайн вселенной, при поддержке государства, открывала беспрецедентные перспективы изучения планеты Земля и её истории.

Проект позволял заглядывать в ранние исторические эпохи, исследовать кульминационные события прошлого, понимать истинные причины начала мировых войн и заключения мира, наблюдать за жизнью великих художников и императоров прошлого. Это вдохновляло и сводило с ума. Открытие профессора ставило историю на высший научный пьедестал, рядом с квантовой космологией и нейронным клонированием.

Жёсткий контроль со стороны государства первоначально казался учёному оправданным. Многие политические и военные события прошлого требовали строжайшей секретности и не могли являться объектом экспериментальных исследований без подписки о неразглашении.

Отчётность перед секретным отделом, внешнее управление со стороны компетентных органов, – всё было в некоторой степени необходимо. В остальном же профессор надеялся на полную свободу в действиях, – быть посредником между подчинёнными и офицерами спецслужб никак не входило в его планы.

Эйфория продолжалась недолго. Скоро профессор обнаружил что вместо продвижения науки к немыслимым высо-

там во имя мира и процветания, он де-факто работает на тайную полицию Братства. Он получал уже не рекомендации, как было заявлено при подписании договора, а конкретные приказы. С некоторого момента команде запретили самостоятельно пользоваться проектором и сканировать квантовые фрагменты исторических событий под любым предлогом.

Стало очевидно, что проект интересует высшее государственное руководство только с точки зрения пропаганды и разведывательной деятельности. Агенты спецслужб, находящиеся в лаборатории рядом с учёным, не проявляли ни малейшего интереса к истории древности. Им было плевать на Наполеона, Цезаря, ровно как и на любого исторического деятеля, кроме Главногокомыслящего.

Команду отстранили от дела когда профессор высказал желание посмотреть собственными глазами на библейские события. Присутствующий при разговоре агент безопасности передал просьбу вышестоящему начальству. На следующий день профессору провели жёсткое внушение, порекомендовав держать свои желания за зубами. Вместо библейской истории ему предложили участвовать в проекте под названием "Научные методы политической пропаганды", используя его собственный проектор квантовых событий. Профессор вежливо отказался, объяснив агентам спецслужб, что не собирается открывать пивные пробки ускорителем элементарных частиц лишь для того, чтобы распивать патриотический хмель с хмурыми мерзавцами. Его отстранили

от проекта до конца второго тысячелетия.

Крушение иллюзий привело к прозрению. Теперь опальный учёный отчётливо понимал кем на самом деле являются люди захватившие пол мира. Ему было что разглашать, намного больше чем могли себе представить агенты безопасности, каждую минуту наблюдавшие за ним во время экспериментов. Профессор обладал не только любознательностью, но и смелостью как любой гениальный учёный.

Несколько длинных ночей, втайне от приставленных к нему сотрудников спецслужб, он, рискуя собственной свободой, сканировал мрачные исторические события прошлого.

Если проект интересовал чиновников Братства как средство пропаганды, то начинать работу над ним не стоило вообще. Профессор успел посмотреть достаточно эпизодов из истории сверхдержавы, чтобы понять очевидное, – в ней нет ни одного светлого пятна. Некоторые интерлюдии шокировали, от просмотра других тошнило. Третьи разрушали оставшиеся иллюзии о человеческой природе.

VIII

Они подъехали к дому, Элис не шевелилась, – болезненный сон, единственное доступное лекарство в геттополисе, крепко вступил в свои права. Профессор не хотел будить дочь, – то что она пережила за одно утро, свело бы с ума и повредило психику любого здорового человека. Он знал подробности предотвращённого теракта, но, как оказа-

лось, плохо знал своего ребёнка, – противостоять террористу-смертнику, готовому за секунду нажать на кнопку детонатора не учили в школах Братства.

Мария, – это имя получила при рождении дочь именитого профессора. Через десять лет в Братстве вышел закон, запрещающий давать библейские имена не членам аристо-элиты. Марии получила новое имя – Элис. С ним изменилась и её дальнейшая судьба. Страсть Марии к театру, унаследованная от матери, в одиннадцать лет перешла у Элис в увлечение фотографией. Невинное хобби, в котором она достигла серьёзных успехов, в конце концов и привело на интервью в злосчастный биохимический завод. Профессор с ранних лет поощрял дочь в новом пристрастии, не подозревая, что даже невинная профессия фотографа не гарантирует спокойную жизнь, свободную от политики.

Теперь вся государственная машина пропаганды готовилась вцепиться в неё ядовитыми когтями и разорвать на плакатные лозунги о долге, отваге и жертвоприношении вождю. Интуиция учёного подсказывала профессору, что теперь их жизнь принадлежит хмурым зомби из зловонных клоак секретных ведомств. Левиафан уже подкрадывался к ним обоим, профессор чувствовал его частое дыхание вместе с холодными брызгами ржавой идеологической слюны. Их не оставят в покое, вовлекут в жесткую игру без правил под перекрёстным огнём конкурирующих сторон. Агенты спецслужб Братства наверняка связались с Элис пока он

ехал за ней в проклятое кафе. Теперь оставалось ждать когда Штаб Сопротивления свяжется с ним. Профессор знал что Штаб существует и революционеры уже ищут возможные пути контакта.

Он увидел жёлтый листок, выпавший из кармана дочери, – повестку в специальный отдел для дачи показаной о предотвращённом теракте. Даты не указывалась, – вызвать могли в любой момент. Интуиция не подвела профессора, – спецслужбы работали безукоризненно. Теперь можно ожидать любого поворота событий.

Справа от машины включился слинфобак "Будни Братство", – умирающие дети с заплаканными лицами рассказывали душераздирающие подробности своих неизлечимых болезней. Убитые горем родители умоляли о спасении чад путем пересадки поражённых органов. Они четко ставили диагнозы и оперировали сложными медицинскими терминами, как опытные профессиональные врачи. Через секунду картинка менялась, – дети весело бегали и играли в холодную войну, их счастливые родители наперебой рассказывали приятно волнующие детали хирургических операций.

Профессор с отвращением отвернулся. Несмотря на бесконечные списки пациентов на пересадку органов, найти людей, которым проводились подобные трансплантации, было невозможно. В кругу родных, друзей или близких таких счастливцев никто не встречал. Каждодневный хэппи энд, не внушал ни капли оптимизма.

Решение о переезде в геттополис биохимического завода профессор принял десять лет назад. Вдыхать отравленный запах было безопаснее, чем каждый день получать дозу радиации в соседнем геттополисе кварк-глюонного завода. Из за халатного отношения к ядерным реакторам, производящим синтетическое золото, и игнорирования базовых норм безопасности, радиационный фон в геттополисе менялся, превышая все допустимые нормы. Местные жители не могли об этом знать. Большинство, не имело представление о том что золото синтезируют с помощью ядерных реакций прямо перед их носом.

Вероятность катастрофы возрастала с каждой неделей, – требовался уже не переезд, а срочная эвакуация. Район института клонирования исключался, – специальное разрешение властей становилось непреодолимым препятствием из за параноидальной системы безопасности. Оставался единственно возможный вариант, – геттополис биохимического завода.

Свет слинфобачка разбудил Элис. Остаться в машине было невозможно, – вонь биохимических отходов становилась невыносимой.

– Последнее усилие, дойди до кровати, – прошептал профессор. – Тут уже невозможно дышать.

Он открыл дверь, влетевший тухлый воздух припечатал к стеклу жёлтый листок бумаги, как приговор. Они вышли из машины еле сдерживая подступившую тошноту. Предстоя-

ло восхождение на последний этаж блочного девятиэтажного дома.

Дом не обслуживался несколько лет. Лифт работал, но пользоваться им мог только сумасшедший, – кабина часто застревала между этажами и замуровывала человека на неопределённый срок. Каждый шаг по лестнице давался Элис с трудом. Она теряла силы с каждой ступенькой. Когда они добрались до квартиры, Элис молча прошла в свою комнату и рухнула на кровать как тяжелораненый солдат.

Жаркий августовский день продолжал преподносить опасные сюрпризы. В метре от двери лежал белый конверт. Кто-то бросил его в дверной проём, пока профессор выезжал за дочь. Профессор раскрыл его со слабой надеждой, что конверт бросили по ошибке. Сообщение звучало по военному чётко, и больше походило на приказ: “13 августа. 15:00. Бывшее Министерство транспорта. ШП.”

Фраза, составленная из вырезанных газетных букв, молчаливо подтверждала мрачные мысли профессора, – пазл дня сошёлся. Штаб Противостояния вышел с ним на контакт в связи с предотвращённым терактом, в который, волею обстоятельств, оказалась вовлечена дочь. Штаб сработал не менее оперативно, чем спецслужбы Братства. Неведомый чёрный полковник уже отдавал приказ о начале перекрёстного огня.

Ситуация не оставляла выбора. Идти на контакт профессора никто не обязывал, но в сложившейся ситуации это не

имело никакого значения, – если не пойдёт он, доберутся до дочери, и вычеркнут его из игры. Это будет ни чем иным как предательством по отношению к ней. Он знал, что письмо предназначалось для него. Элис могла находиться в больнице, – тот, кто бросил конверт, не имел над её решением вернуться домой никакого контроля.

Профессор решил не говорить дочери куда идёт. Учтывая то что произошло утром, она проспит весь следующий день мёртвым сном и не заметит его отсутствие. Дальше он будет действовать по обстоятельствам, в зависимости от того, что ему сообщат на встречи, если она состоится. Он сжёг записку и внезапно почувствовал что сам еле стоит на ногах. Дикая усталость от череды жутких утренних событий наконец догнала его и отправила в нокдаун до самого утра.

IX

Профессор проснулся поздно, Элис ещё спала, – лежала поперёк кровати, как в детстве, скинув одеяло на пол. Он укрыл дочь, стараясь не издавать ни звука. День не предвещал ничего конструктивного, – тринадцатое августа – очередное подписание соглашения о неприменении квантового оружия. Событие открывало праздники святой троицы, – за ним следовал Судьбоносный День Победы с последующими двухнедельными выборами и нейронным голосованием.

Прямое включение из Нектарии мелькало на информационных мониторах в каждой пивной сети "Судьба Патриота".

Событие затмевало даже Олимпиаду. Те, кому не хватило места в кабаке, наблюдали трансляцию через уличные слинфобачки.

Нектария возникла как отдельное государство после вооружённого конфликта между Восточным Братством и Северо-Баллистическим Пасьянсом. Ядерное напряжение между двумя сверх державами создавало пропасть в отношениях, делало невозможным подписание мирных соглашений, проведение Олимпийских игр, шахматных турниров, исключало научное и экономическое сотрудничество. После тяжёлых переговоров, обе стороны пришли к взаимному согласию о необходимости создания некой нейтральной территории для проведения встреч на высшем уровне, организации спортивных и общественных мероприятий. От Северного Пасьянса отделилась часть территории, за которой закрепили особый статус.

На территории Нектарии исключалось присутствие спецслужб, проведение военных учений и создание армейских военных баз. Страна не имела право предоставлять политические убежища беженцам и принимать эмигрантов. Въезд на нейтральную территорию разрешался исключительно высшему политическому руководству, олимпийским спортсменам и лауреатам Нобелевской Премии мира. Со временем Нектария превратилась в самодостаточную страну, больше похожую на волшебный горнолыжный курорт, чем на отдельное суверенное государство.

День встречи с профессором в штабе противостояния выбрали не случайно, – отменялись рейды Элит-Кавалерии, дабы не направить патриотический угар в сомнительное русло. Дешёвую алкогольную смесь, губительную для организма, продавали на каждом углу Братства. Смесь называли "тяжёлой водой", самым невинным побочным эффектом от употребления считалась импотенция. Это прописывалось на этикетке, но не мешало наслаждаться продуктом даже подросткам.

Профессор вышел на улицу. Полагаться он мог только на собственную интуицию, – из всех способов обнаружения слежки учёный не знал ни одного. Он спустился во двор и пересёк палисадник. Старая женщина сидела на скамейке у соседнего дома с больным взрослым сыном. Сын держался за толстую деревянную клюку и отрешённо наблюдал за переливами кислотных луж у парадного подъезда. Из ближайших кустов вывалился мертвецки пьяный человек, – несчастный еле стоял на ногах, изо рта текла слюна.

– Сынок, дай ему по горбине! – истошно закричала женщина. Дай!

Сын с трудом приподнялся и врезал пьяному по шее клюкой. Человек вздрогнул и повалился обратно в кусты. Его звали Вейц, – бывший руководитель института сейсмологических исследований Братства. Профессиональная судьба этого талантливого человека напоминала профессору о собственных разбитых иллюзиях.

Вейц разработал высокоточный датчик для определения очагов землетрясений на основе измерения ударных сейсмических волн. Проект засекретили, – технология, созданная для спасения жизней миллионов людей, превратилась в оружие массового уничтожения. Пять лет назад Вейц проводил сейсмологическую разведку земной коры на стыке двух геттополисов. Показания датчиков привели инженера в ужас, – сильнейшее землетрясение начиналось через неделю со сто процентной вероятностью. Он немедленно сообщил властям о неизбежной катастрофе.

Времени на эвакуацию людей было предостаточно. День за днём Вейц ждал ответа, но власти никак не реагировали на сигнал. До бедствия оставались уже сутки и учёный сам ринулся в город. Сейсмолог бегал по улицам, кричал людям что произойдет с ними утром, призывал властей начать немедленную эвакуацию жителей. Город потешался над сумасшедшим, – дети метко стреляли из рогаток, взрослые крутили пальцами у виска. Мэр вызвал полицию, – учёного арестовали и бросили в психиатрическую лечебницу.

Мощнейшее землетрясение испепелило город в полдень. Папатриарх окрестил территорию Содомом и Гоморрой Братства, спецслужбы переиграли версию на теракт. Правительство обвинило боевиков Северо-Баллистического Пасьянса в его подготовке и осуществлении. Новостные каналы объявили поправку – гипотеза Папатриарха не нашла должного подтверждения.

Власти бросили собственных граждан на растерзание будущей стихии намеренно, – в городе проходила встреча лидеров Штаба Сопротивления. Сейсмолог узнал об этом много позже по собственным каналам. Это сломало его жизнь.

По невероятной случайности и горькой иронии, единственными, кто остался в живых после чудовищного землетрясения оказались революционеры штаба. Тайная встреча проходила в старой башне тюрьмы – единственном здании города, построенном с соблюдением сейсмических рисков. В камере, где собрались лидеры штаба не было окон, а плотно закрытые двери не оставляли ни одного проёма. Землетрясение замуровало революционеров в камере на пять дней.

Спасателей шокировало мужество выживших узников, они отпустили героев на все четыре стороны, без выяснения причин их группового заточения. Тем не менее, холодный расчёт “сплотившихся” привёл к нужному результату, – штаб сопротивления ушёл в подполье, не желая подставлять тысячи ни в чём не повинных людей.

Через десять минут профессор оказался на главной магистрали геттополиса. Слинфобачки выставили через каждые пятьсот метров, – шёл репортаж из Нектарии. Люди в грязных одеждах и протво-радиационных сапогах толпились у экранов, как гиены в ожидании брошенной информационной падали. Толпа свистела и улюлюкала при виде развалившегося на кресле Главнокомыслящего. Свита лидера Поп

Державы поправляла галстук на рубашке бледного и улыбающегося Президента Пасьянса и строила рожи гвардейцу охраны. Это приводило толпу в состояние патриотического угара.

На этот раз произошло ещё одно весёлое событие, которое спланировал заранее и одобрил сам Главнокомыслящий. В момент подписания соглашения, охранник ловким дзюдоистским приемом подсёк ногой Президента Пасьянса. Президент упал на железный пол, но остался цел. Уже через секунду второй охранник поставил Президента на ноги и стряхивал пыль с пиджака сильными размашистыми ударами. Глава Северо-Баллистического Пасьянса глупо улыбался и извинялся за инцидент. Глубокомыслящий отстранённо смотрел на кончики ботинок и ухмылялся не проявляя никаких эмоций.

Эта хулиганская выходка не имела целью унижить Президента. Смысл состоял в перенаправление энергии возмущения и недовольства рабским существованием жителей рабочих районов Братства в правильное патриотическое русло. Падение Президента привело обезумевших от алкоголя людей в брезгливый восторг в каждой пивной "Судьба Патриота". Каждый третий повторял подсечку на соседе. В городе начинались жестокие и бессмысленные драки, сначала одиночные, потом массовые.

Проходя мимо бара "Пей до дна", профессор увидел типичную для этих мест картину. Двое рабочих сцепились у

барной стойки. Здоровый детина с головой, как помойное ведро, осознав что уступает сопернику в силе, схватил пивную кружку и вдребезги разбил об голову обидчика. В руке осталась только стеклянная ручка. Тот, об чью голову разбили кружку пошатнулся, но устоял. Тогда, видя что результат не достигнут, первый ввинтил ему ручку в горло. Через минуту появилась реанимационная служба, но доехать до места происшествия не было ни единого шанса.

Пьяная толпа остановила машину плотной массой. Три человека отлетели в сторону от столкновения, оставив на капоте и фарах кровавые отпечатки. Остальные перевернули реанимационную, достали шофёра и принялись избивать. На профессора никто не обращал внимания на фоне этой пьяной вакханалии. Главное не выделяться из толпы и не налететь на патруль. Профессор свернул за угол и прошёл два квартала до железнодорожной станции. Теперь он был в относительной безопасности. Через час ходьбы он уже приближался к условленному месту, – заброшенной постройке, которая в прошлом называлась Министерством Транспорта.

Х

Профессор ещё раз осторожно осмотрелся по сторонам, затем зашёл в пустое полуразрушенное здание. Вокруг не было ни души, – город наблюдал за глумлением Главнокомыслящего над Президентом Пасьянса. По обветшалой лестнице он поднялся наверх. Ступеньки дрожали, слышался

стук падающих вниз камней. У окна актового зала он заметил тёмный силуэт высокого худого мужчины. Через секунду незнакомец обернулся. Дружелюбное лицо революционера расслабило профессора. Секунду они стояли молча, затем медленно прошли к центру.

– Ной, – представился незнакомец.

Имя считалось незаконным по уголовно-процессуальному кодексу Братства, – протест революционера начинался с самого рождения.

– Я знаю кто Вы, профессор, для меня честь познакомиться с Вами лично. Вы мужественный человек, раз пришли сюда.

– Ну не такой, как хотелось бы, – ответил профессор, стараясь интуитивно выбрать правильный тон разговора. – Этот комплимент больше подходит Вам, чем мне.

Он заметил на поясе Ноя рацию, – разговор по беспроводной связи считался в Братстве тяжким преступлением и тянул на пятнадцать лет лагерей.

– Во первых хочу выразить восхищение Вашей дочерью, – продолжал Ной. Если хотя бы каждый десятый был таким как она, мы жили бы совсем в другой стране.

– К сожалению она у меня одна, – улыбнулся профессор. – Передам Ваши слова дочери, она заслужила похвалу.

Он выждал паузу, пытаясь предугадать ход разговора, затем спросил первое, что пришло в голову.

– Вам известны детали теракта, о которых умалчивают в

новостях? Как воин попал в Братство и почему пошел в кафе, а не на завод?

Ной ответил не сразу, профессору понял, что смертник как и сам теракт его мало интересуют.

– Мы работаем над выяснением обстоятельств. Сразу скажу, что пришёл сюда по другому поводу. Я хотел поговорить о Вашей дочери.

Ответ был предсказуем.

– Я Вас слушаю, – спокойно сказал профессор.

Ной продолжал уже более уверенно.

– Я не могу Вам сказать откуда взялся террорист, но определённо могу утверждать где Ваша дочь окажется через две недели .

Фраза не понравилась профессору.

– И что же, Вы считаете, с ней произойдет? – спросил он с плохо скрываемым раздражением.

Агрессивный тон профессора не произвёл на Ноя никакого впечатления. Он продолжил разговор спокойно, как и начал.

– Её пригласят на работу в Терема.

Профессор не ожидал такого ответа, – степенность собеседника ненадолго умерила его пыл.

– Почему Вы так считаете, – спросил он уже сдержанным тоном. Ной посмотрел в окно, словно искал там правильный ответ.

– Она предотвратила теракт.

– Плевать они хотели на теракт, – грубо прервал его профессор.

– Вы меня не поняли, – сказал Ной. – Им действительно плевать, что не пострадал ни один человек. Им даже плевать на то, как и откуда появился этот смертник. Сами они надёжно защищены от целой армии таких смертников. Дело не в этом. Главкомыслящему нравятся такие поступки. Дерзкие, не вписывающиеся ни в какие рамки поведения. Он сам сделан из такого теста. Это во-первых. А во-вторых, Ваша дочь – профессиональный и талантливый фотограф. Это Вам скажет любой, кто хоть раз видел её работы. А их видел каждый человек в этой стране. "Будни Братства" – распространённое издание. Её пригласят на работу в Терема, профессор. Я утверждаю, а не предполагаю.

Революционер не сообщал ничего нового.

– Допустим Вы правы, – успокоился профессор, – её пригласят на работу во дворец. Она хотя бы не будет дышать химическими отходами. Но вы же не рисковали своей жизнью, чтобы сообщить мне только об этом?

– Одного этого было бы достаточно, – сказал Ной. – Но, признаюсь, я искал с вами встречи по несколько другому поводу. Я пришёл, если хотите, просить у Вас помощи.

Профессор не перебивал, Ной посмотрел на часы.

– У меня нет времени рассказывать историю нашей организации. Учитывая Ваше прошлое, Вы, вполне вероятно, знаете её лучше меня. Я передам только то, для чего при-

шёл сюда по заданию штаба. Как я уже сказал, Вашу дочь пригласят на работу в Терема. Это случится, или уже случилось, пока мы тратим время на ненужные препинания. Через две недели, когда пройдёт вакханалия, связанная с выборами, голосованиями и днями победы, она будет уже во Дворце. Ваша дочь будет находиться бок о бок с самыми могущественными людьми Братства, фотографировать здания, помещения, конференции и Бог знает что ещё.

Профессор решил до последнего делать вид, будто не понимает, к чему клонит собеседник.

– Теперь я скажу то, ради чего рисковал вашей жизнью, – продолжал Ной, понизив голос. – Об этом знают только несколько человек в Штабе, но Вас я обязан посветить в силу сложившихся обстоятельств.

Он посмотрел на профессора в упор. Учёный знал, что революционер оценивает его на прочность. Прошла минута, прежде чем Ной заговорил снова.

– Во Дворце работает глубоко законспирированный агент Штаба Сопротивления, – крот. Утечка информации, исходит только от него и каждый раз подтверждается на сто процентов.

– А при чём тут моя дочь? – не выдержал профессор.

Ной продолжал, как будто не слышал вопроса.

– Это прозвучит странно, но штаб не располагает никакой информации о собственном агенте. Мы не знаем женщина это или мужчина, старик или юноша, чиновник, или убор-

щик мусора. Операция по внедрению проводилась прошлым поколением революционеров в обстановке строжайшей секретности. Возможно, агента уже нет в живых и вместо него работает *некто*, кого он завербовал и подготовил вместо себя перед смертью.

Новым обстоятельство сбило профессора с толку. Ной заметил это, но никак не отреагировал и продолжил разговор в том же духе.

– То что мы ничего не знаем о собственном агенте, в действительности не создаёт для штаба никаких проблем. Я лично вижу в этом только преимущества. Даже если кто-то из нас попадёт в руки тайной полиции Братства, агенту не будет ничего угрожать.

Ной сделал короткую паузу. Профессору молча переваривал услышанное, – вена над правым глазом расширилась и пульсировала, глаза покраснели от напряжения.

– Ваша дочь появится в Теремах и агент выйдет на связь, – продолжил Ной. Мы предполагаем это с высокой долей вероятности, – её профессия сыграет ключевую роль в этом решении.

– Вы сами только что сказали, что Элис – фотограф, – взорвался профессор. – Она не имеет никакого отношения к разведывательной деятельности и не обучена шпионским премудростям.

Ной с вызовом посмотрел на собеседника:

– Революционерами рождаются, профессор, – разведчи-

ками становятся.

– Что Вы хотите от меня? – взорвался профессор, чувствуя полную беспомощность перед обстоятельствами.

Ной оставался спокоен.

– Чтобы Вы рассказали ей о нашей встрече, объяснили что произойдёт через две недели и повлияли на её решение пойти на контакт с агентом. Ваша дочь вправе отказаться сотрудничать, но станет полноправным членом фронта сопротивления если примет предложение.

Некоторое время профессор стоял молча, его лицо сильно покраснело, на шее выступила аллергическая сыпь.

– Другими словами, Вы просите меня завербовать в вашу организацию собственную дочь?

– Да, – сказал Ной с вызовом. – Вы умный человек, профессор Найтингел. Не буду играть в детские игры, назову вещи своими именами, – мы просим завербовать в штаб сопротивления Вашу собственную дочь. У Вас есть полное право отказаться и забыть нашу встречу, выбор за вами.

Профессор хватал ртом воздух, пытаясь сдержать гнев от собственного бессилия:

– Я думаю только о безопасности своей дочери, – сказал он наконец, сдерживая внезапную нервную дрожь. – Больше ни о чём.

Рация Ноя издала стонущий звуковой сигнал. Металлический голос отдал короткий приказ. Слов профессор не слышал, – обрывки шипящих фраз сливались в монотонный

шум. Революционер не ответил и переключился на другую волну.

– Я не сомневаюсь, что вы примите правильное решение, профессор. – Мы превратим агрессивную Поп Державу в миролюбивое княжество, лишим её единственного козыря, которого она не достойна иметь – квантового оружия, тогда мир вздохнёт с облегчением и больше никогда не приблизится к краю атомной пропасти.

Он протянул профессору руку.

– Вам будет что рассказать миру, когда Братство лишится лептонных крылатых ракет и перестанет угрожать миру.

Профессор понял, что Ной говорит о проекторе чёрных дыр:

– Некоторые тайны истории лучше не знать, даже людям с такими крепкими нервами, как Ваши, поверьте, молодой человек.

– Удачи, профессор, – сказал Ной и раскрыл армейский рюкзак.

Он достал две бутылки алкогольной смеси "От Брата Брату".

– Вылейте эту гадость на себя, когда будете возвращаться. В день подписания соглашения о квантовых причандалах опасно казаться трезвым. Если налетите на патруль, они почувствуют запах и вопросов не возникнет. Победа будет за нами!

Последняя фраза прозвучала наигранно и не вписывалась

в тон разговора. Возвращение домой было мучительным. У станции профессор заметил патруль, пришлось вылить на себя смесь. Для безопасности он сделал глоток, – его сразу же вырвало. Солдаты брезгливо отошли в сторону, – болотистый запах "тяжёлой воды" перебивал даже вонь формалиновых химикатов. Алкогольная смесь разжигала кожу, аллергическая сыпь распространилась до самых плеч.

Возвращаться в квартиру днём было опасно, – негласный закон обязывал праздновать до темноты. Пренебрежение правилами грозило попаданием на нейронный полит-контроль. Уважительными причинами для отсутствия считались только две – неизлечимая болезнь и состояние крайнего алкогольного опьянения.

Игнорирование парада в честь Судьбоносного Дня Победы или празднования соглашения о неприменении лептонного оружия становилось основанием для возбуждения уголовного дела. В каждом подъезде (которые в дни праздника называли парадными) устанавливались камеры слежения. Слинфобачки сканировали эмоции законопослушных граждан во время прямой трансляции и легко вычисляли коэффициент лояльности властям. Закрывать лицо для выхода из подъезда было также бесполезно, – алгоритмы сканировали мельчайшие детали одежды; ношение балаклавы грозило тюремным сроком и умопомрачительным штрафом на несколько поколений.

Он слонялся ещё час: перешагивал мертвецки пьяных лю-

дей, слушал патриотические вопли, изображал солидарность с зомбированной толпой. Здоровый детина с перекошенным ртом подбежал к нему сзади и сделал неумелую подсечку. Профессор вырвался, – человек упал в канаву лицом вниз и больше не шевелился.

Через час профессор вернулся домой, полностью обессиленный. Элис стонала во сне, у неё начиналась лихорадка. Он ни чем не мог ей помочь. Никаких лекарств в доме не было, только обезболивающее. В ванной его ещё раз вырвало, – запах "тяжёлой воды" выворачивал на изнанку тело и мутил рассудок. Он вспомнил, что Элис не ела уже два дня. Сам он не чувствовал голода, и не вспоминал о еде уже сутки. Профессор поставил стакан воды рядом с кроватью и прошёл к себе. Усталость сбила его с ног, как гвардеец Братства – Президента Северного Пасьянса, погрузив в беспамятство до самого утра.

XI

Терема – город аристократической элиты, стилизованный под единую крепость, строился по кольцевому принципу в целях государственной безопасности. Дворец Главногокомыслящего, – неприступная цитадель в самом центре строения, – отражал мощь и монументальность Великого Восточного Братства. Башни, соединённые крепостными стенами, вложенными кольцами расходились от сердца Поп Державы, как круги от брошенного в воду камня.

Башни первого кольца принадлежали семьям "сплотившихся". Башни второго, третьего и четвёртого, – высокопоставленным чиновникам, высшему военному составу и членам аристо-элиты. В резиденциях последнего кольца коротали дни управленцы, эффективные менеджеры, директора гетто-предприятий и обслуживающий персонал. Специальная система контрольно пропускных пунктов, исключала беспрепятственный проход на территорию высшего сословия.

Геометрически строение представляло собой огромный конус. Высота башен в кольце возрастала по мере приближения к главному дворцу, который замыкал всю конструкцию на вершине. Расстояние до дворца определяло статус семьи, её политическое и финансовое влияние внутри Братства. За последним кольцом начинался сам город, больше похожий на райский сад, – десятки километров непрерывных оранжерей, водопадов, тропических джунглей и сверкающих снежных гор. Кольцевая стена километровой толщины, отделяла этот Эдем от вони заводов, болезней, нищеты и рабского труда.

Комплексы противовоздушной обороны, лептонные истребители, вертолётные площадки и космодром гарантировали высшему руководству Братства надёжную защиту от собственного населения или вторжения неприятеля в случае военного конфликта.

Космодром построили после изобретения квантового ору-

зия, как экстренное средство эвакуации на случай квантовой войны. На расстоянии нескольких десятков километров от космодрома, город защищал термохимический ров. В случае военной тревоги, ров наполнялся плазмой, серной кислотой или ртутью за считанные секунды. Минное поле в километре от рва заканчивалось радиоактивной стеной, создавая дополнительное препятствие в случае внезапного штурма города.

При первой военной тревоге аристо-элита покидала город на военных вертолётах. Главнокомыслящий имел ещё один способ срочной эвакуации помимо выхода в стратосферу, – секретные резиденции, разбросанные по всему Братству, связывались с главным дворцом сложной подземная сетью скоростных бетонированных поездов. За тридцать секунд скоростной лифт доставлял главу Поп Державы на глубокий терминал. Уже через час он прибывал в бункер, на другом конце Братства. Избыточные и параноидальные меры безопасности казались недостаточными и постоянно совершенствовались. Память о квантовом конфликте отзывалась фантомной болью в головах “сплотившихся”.

XII

Страшный рёва радиоприёмников разбудил весь геттополис. В Судьбоносный День Победы гимн просыпался с первыми петухами. Профессор посмотрел на часы, – пять пятьдесят утра. Из темноты он услышал крик Элис – державный

вой разрубил ей голову, как ледоруб. Он вбежал в комнату и не узнал свою дочь, – глаза воспалились от слёз, черты лица заострились, она похудела на несколько килограмм.

– Ты ничего не ела двое суток, – ужаснулся профессор. – Я приготовлю завтрак и приступлю к насильственному кормлению, если ты не съешь хотя бы кусок хлеба.

Элис с трудом подняла голову, каждый глоток воды отдавался ударом колокола по вискам:

– Мне уже лучше, но встать нет никаких сил, пусть отправляют в “Кричащую Тишину”.

– У тебя есть ещё час, милая, – сказал профессор. – Потом начнётся салют. Тогда не дадут покоя до самого вечера.

Он вышел на кухню, Элис впала в болезненный полудрём. Профессор склеил скудный завтрак из оставшихся яблочных огрызков и хлебных корок, поставил на кровать затем вернулся к себе, стараясь не издавать ни звука.

Начинался второй день святой троицы и самый почитаемый праздник в истории Братства – Судьбоносный День Победы. Не смотря на это, никто из тружеников геттополиса не смог бы внятно ответить на вопрос: чем знаменательна эта дата, какие ценности отстаивали, и, что самое важное, – кто же в итоге стал бенефициаром этой, так называемой, победы.

Правительственные средства массовой информации сообщали базовые сведения, без каких либо подробностей: в этот день, больше тридцати лет назад, состоялась эпическая битва Восточного Братства с Северо-Баллистическим Пасьян-

сом. Поп Держава одержала решительную победу без единого выстрела, потеряв при этом миллионы солдат, офицеров и мирных жителей. Результатом “убедительной” победы стал щит отчуждения, которым Северный Пасьянс трусливо отгородился от Братства. Абсурдность официальной версии не вызывала ни малейшего недоумения у подавляющей массы населения. Профессор знал что произошло в этот день, от начала, до самого конца, – он видел всё собственными глазами, часами сканируя квантовые фрагменты конфликта через собственное изобретение. Тайное знание день ото дня убивало его дух и насиловало совесть.

Это произошло много лет назад, когда молодой, талантливый и наивный учёный возглавлял отдел гравитационных исследований под чутким руководством спецслужб. Учёный понимал, что в конечном итоге его отстранят от руководства: проектор квантовых событий – слишком опасное изобретением, чтобы отдел возглавлял штатский профессор. У него было мало времени. Два исторических события интересовали его больше остальных, – битва Братства с Северным Пасьянсом и библейская история. Он дал себе слово, что увидит их собственными глазами.

Всю жизнь профессор будет жалеть, что расположил эти события в таком безбожном порядке. Он успел посмотреть лишь первое, – решающую битву Братства, в честь которой и отмечали Судьбоносный День Победы. На следующий день его отстранили от проекта, – Библейскую историю остава-

лось созерцать на страницах Библии. Просмотр квантового фрагмента о ядерном конфликте с Северо-Баллистическим Пасьянсом лишил его воли к жизни, – увиденное тяжким крестом прищемило профессору веру в человеческий род.

Событие, произошедшее тридцать лет назад, поставило под угрозу само существования человечества. На выборах в Северном Пасьянсе победила крайне реакционная по отношению к Братству партия. Новоизбранный президент проигнорировал дипломатические меры осторожности, сделав резкое заявление в адрес восточного соседа: Главкомыслящей лишил этот мир индульгенции перед вечностью одним лишь фактом своего присутствия в солнечной системе. Президент назвал Братство спрутом, каждое щупальце которого изрыгает смрадные человеческие пороки, как зловонная пропагандистская клоака.

Подобная риторика не раз звучала и со стороны Братства. Политики конца второго тысячелетия не считали такой ход серьёзной причиной для разрыва дипломатических отношений или сигналом для начала военных действий. Ситуация усугубилась неожиданным антиправительственным восстанием в западной провинции Братства.

Поп Держава проявила крайнюю озабоченность. Главкомыслящий срочно вылетел на место боевых действий и остановился в бункер-резиденции на территории конфликта. Войска главного дворца намного превосходили ресурсы бункер-резиденции по численности личного состава, наземных

войск и летательных аппаратов. Власть боялась собственно-го народа больше чем иноземных захватчиков.

Правительство Северо-Баллистического Пасьянса оказало восставшим неожиданную поддержку. В кратчайшие сроки генштаб разработал беспрецедентную блиц-операцию по штурму резиденции и физическому устранению лидера Поп Державы. Операция вошла в историю под кодовым названием "Моль".

Дальнейшие события развивались стремительно для обеих сторон и напоминали фантастический фильм о вторжении инопланетных пришельцев. Ранним утром следующего дня границы Братства пересёк летающий объект, похожий на грушу для игры футбол, и взял курс на бункер-резиденцию Главногокомыслящего. Объект летел на минимальной высоте, вне зоны досягаемости систем противовоздушной обороны Братства и постепенно увеличивал скорость.

Через некоторое время его обнаружили системы наземного наблюдения. В центр поступил сигнал об угрозе нападения с воздуха. Комплексы противовоздушной обороны в спешном порядке привели в полную боевую готовность, но объект уже достиг Теремов и завис над радиоактивной стеной. За считанные секунды из него сбросили десант.

Погода как нельзя лучше подходила для воздушного налёта, – плотный туман ограничивал видимость. Систему эффективного противодействия в случае штурма резиденции отработывали до секунд. Мельчайшие детали инструкции по

отражению атаки десанта знал на зубок каждый солдат, но этим утром защитников бункера ждал неприятный сюрприз.

Операция "Моль" обнуляла базовые концепции Министерства Нападения, и ржавую военную машину Братства, – к лобовой атаке резиденции готовились двуногие и четвероногие роботы со сверхсложным программным обеспечением. Радиоактивная стена оказалась бесполезным сооружением, ровно как и минное поле. В сапёрных работах больше не было никакой необходимости. Металлодетекторы навсегда остались в прошлом. Атака развивалась на предельной скорости, без временных потерь на разминирование территории. Военно-топографические карты создавались в режиме реального времени. Роботы сканировали рельеф, учитывали мельчайшие особенности местности, определяли координаты погребённых под землёй смертоносных устройств, и уверенно продвигались вперёд.

Первоначальный эффект внезапности помог роботам Альянса преодолеть минное поле под покровом тумана без малейшего сопротивления со стороны Братства. Лихорадочная активность защитников бункера стала проявляться, когда из густого белого дыма появились железные монстры, похожие на пришельцев из других миров. Маскировка военных ресурсов вокруг резиденции оказалась детской игрой в прятки, – встроенные локаторы роботов определяли скрытую технику и точное расстояние до цели. Приблизившись на дистанцию эффективного огня, они с высокой точностью

открыли огонь по артиллерийским дальнобойным орудиям, вкопанным в землю танкам и закамуфлированным пулемётным гнёздам. Ответные залпы сверхмощных снарядов не привели ни к какому результату, – роботы выдерживали попадания стальных осколков и продвигались к резиденции без потерь.

Беспомощность военной машины Братства перед армией нового поколения стала очевидна каждому генералу, наблюдавшему за развитием событий. Пять десятилетий подряд генштаб готовился к войне вчерашнего дня. Штурм происходил без участия человека. Роботы-мостоукладчики на ходу сооружали эстакаду. Термохимический ров – непроходимое препятствие для пехоты – превратился из военной преграды в обыкновенную лужу с бесполезным набором химических элементов.

Огневая мощь и ужасающая сокрушительная сила человекообразных боевых машин оказали деморализующее моральное воздействие на занявших круговую оборону офицеров и солдат Братства. Роботы давили заграждения, укрытия и посланную на перехват пехоту. Встроенные механизмы распознавания образов определяли целевые установки на захват конкретных людей в резиденции. Главным призом оставался сам Главнокомыслящий и высший военный состав Братства.

Штурм резиденции проходил по чёткому сценарию. Отсутствие человеческого фактора гарантировало точность вы-

полнения боевых приказов, исключало технические ошибки и неожиданные сюрпризы. Двухметровые стальные солдаты уходили от посланных на перехват боевых машин и легко обходили заграждения. Грушеобразный объект прикрывал стальную пехоту с воздуха, – поднятый в небо истребитель Братства принудили к посадке сразу же после взлёта.

Хаотический шквальный огонь, открытый по движущимся железным монстрам, не привёл ни к какому результату, – взрывы ручных гранат не принесли никаких повреждений. Роботы продвигались к резиденции по кратчайшей траектории. Локальное применение лептонной бомбы не представлялось возможным, – резиденция попадала в район образования квантовых дыр, что означало мгновенную гибель личного состава вместе с Главкомом.

Взлётные полосы окружали Дворец с четырёх сторон. Место высадки пришельцев превратилось в месиво бетона и земли, – артобстрелы сделали из аэродрома труднопроходимые катакомбы. Это не мешало продвижению, – алгоритмы сканировали земную поверхность и корректировали движения по кратчайшему расстоянию к Резиденции. Роботы преодолевали снарядные воронки, крутые склоны и болотистую местность с одинаковой лёгкостью. Это напоминало штурм феодального замка в средние века рыцарями в железных доспехах.

Генералы опешили от натиска, пряча собственное бессилие за пустой бравадой и чередой бессмысленных приказов.

Эвакуация по воздуху исключалась, – данные автоматической рекогносцировки роботов сопоставлялись со сведениями воздушного наблюдения.

Главкомыслящему представили план срочной подземной дислокации в северную резиденцию вместе с командным составом, но лидер Поп Державы продолжал молча наблюдать приближение стальных головорезов. Хладнокровие верховного главнокомандующего вызывало у подчинённых недоумение и страх, – генералы метались по штабу, как обезглавленные курицы при кораблекрушении.

В бой был брошен последний резерв, новейшая военная разработка Братства – "Кровавый тянитолкай Федот", – четвероногий робот с двух головами, способный вести прицельный огонь со всех направлений. Оружие часто демонстрировалось Главкомыслящему в виде короткометражных мультфильмов на секретных сходах Министерства Нападения. Тянитолкай имел особый режим функционирования, который отсутствовал у машин Северо-Баллистического Пасьянса, – "подвиг". Настал момент, когда кровавый должен был показать себя в деле.

Робот Братства пошёл прямо на железных монстров, но что-то пошло не так. Федот преодолел ров, пробежал мимо роботов Пасьянса и подорвался на минном поле, причинив вред только радиоактивной стене.

Роботы высоко оценили подвиг Федота, но продолжили продвижение; армейские подразделения Братства заняли

глухую оборону. Герметичный купол защищал космодром от прямого попадания ракеты, – оставалось единственное решение, – эвакуация в стратосферу. Главкомыслящий ухмыльнулся и кивком головы подозвал Министра Нападения. Через полторы минуты телеканалы Братства сообщили миру шокирующие новости: Поп Держава атакована, Папатриарх благословляет нацию на священную схватку. В прямом эфире появился сам гарант безопасности и принёс благую весть – жители Братства в автоматическом режиме попадают в рай после квантовой атаки.

В воздух подняли лептонные бомбардировщики, Северному Пасьянсу предъявили ультиматум с требованием остановить штурм и не предпринимать повторные атаки резиденций Главкомыслящего. В противном случае Братство начинает квантовую войну на тотальное взаимное уничтожение. Мир без Восточного Братства, по твёрдому убеждению лидера Поп Державы, не имел права на существование.

Четыре красные цифры появились на каждом слинфобачке. Жители с ужасом наблюдали обратный отсчёт до запуска лептонной ракеты, – меньше десяти минут до старта. Роботам требовалось вдвое больше времени, чтобы взять бункер-резиденцию штурмом.

Высшее руководство Братства готовилось уничтожить миллиарды ни в чём не повинных людей. Мир застыл в ожидании Апокалипсиса, – подобное развитие событий не приходило в голову не одному военному эксперту Северного Па-

сьянса. Часы начали отсчёт последних минут солнечной системы.

Теперь ужас охватил тех кто спланировал штурм, – перевод железной пехоты в режима прекращения огня занимал не менее часа. Связь с Братством прервалась после ультиматума, – через десять минут планета земля становилась нежно-жёлтым реликтовым излучением.

Штурм Резиденции продолжался, роботы никак не прореагировали на новые обстоятельства. Космическая ракета Главнокомыслящего стартовала с космодрома вместе с высшим военным руководством. Четыре красных нуля появились на слинфобачках Братства одновременно со стартом. Затем цифры пропали, и, словно в насмешку над человеческим родом, началась трансляция балета "Танец японских журавликов на озере Масю".

Дальше произошло то, что лишило профессора воли к жизни, – вместо воскрешения Христа ему было суждено наблюдать Апокалипсис.

Братство нанесло по восставшим тактический ядерный удар – месть за попытку сепаратизма, и грозное предупреждение Северому Пасьянсу – при повторной атаке резиденций или штурме главного дворца начинается квантовая война на взаимное уничтожение. Лидер Поп Державы уничтожил миллионы соотечественников, превратил территорию восстания в ядерный *котёл* и готовился расщепить на фотоны света солнечную систему. Мир столкнулся с ультима-

тумом самоубийц, – правительство Северо-Балистического Пасьянса пошло на беспрецедентные условия и навсегда отгородилось щитом отчуждения от ядерной державы-психопата.

Ценой уничтожения собственного народа Главномыслящий одержал убедительную военно-политическую победу над Северо-Балистическим Пасьянсом. День этот навсегда вошёл в историю Братства как Судьбоносный День Победы. Никто, кроме профессора, не знал какой ценой выиграли эту войну. В ядерном ударе обвинили Северный Пасьянс, правдивую информацию о конфликте с применением ядерного оружия засекретили до конца третьего тысячелетия. Народ Братства не имел права узнать правду даже через сто лет, – жизни свободолюбивых соотечественников поставили на красное, как фишки на рулетку ядерной войны.

В эпицентре взрыва Братство установило уродливый кенотаф из чугуна, – президент Северо-Балистического Пасьянса, экипированный в элегантный радиационно-защитный костюм, держал на цепи железного монстра и бросал ему атомную бомбу, как собачью кость.

Взрыв превратил роботов и грушеобразный летательный аппарат в груды металлолома. Главномыслящий благополучно вернулся на космодром главного дворца вместе с высшим военным руководством. Специальной команде разработчиков правительство поставило престижную для страны задачу – привести военные трофеи в движение.

Задача оказалось не из лёгких, – робототехника Северо-Баллистического Пасьянса на пять поколений опережала разработки Братства. После необычайных усилий военные эксперты Поп Державы подобрали ключ к простейшему интерфейсу управления, – роботы дёргали конечностями и делали первые шаги, как маленькие дети. Через пол года инженерам удалось поднять в воздух грушеобразный истребитель Северо-Балистического Пасьянса.

Двуногих роботов запрограммировали на несение почётного караула у Дворца Главногомыслящего, – роботы ловко скидывали карабины и брали под козырёк при выезде высокопоставленных чиновников из главных ворот. Четвероногого подарили Лидеру Поп Державы в знак уважения и благодарности за выигранную войну. На конных портретах, развешанных по подворотням Братства, Главногомыслящий восседал на роботе, как на верном коне и бросал вызов цивилизованному миру. Ещё десять четвероногих монстров призвали в Элит-Кавалерию для подавления недовольств на заводах державного значения. Грушеобразный летательный аппарат выкупил Папатриарх, дьячки переименовали железный воздушный шар в святонебоход.

ХШ

Элис проснулась около полудня. Салют, похожий на брызги помойной жижи, извергался из каждой подворотни и разрывал голову как шрапнель. Надо было срочно выходить на

улицу, – остаться ещё на один день дома означало поставить под удар обоих. Присутствие на параде было своеобразным причастием и демонстрацией лояльности властям. Элис оделась и прошла на кухню.

Профессор не спал, он стоял у окна и наблюдал за приготовлениями к демонстрации парада. Они молча обнялись, как будто собирались на панихиду по усопшему родственнику. Площадь хорошо просматривалась с девятого этажа. На ней разместили огромный слинфобак для трансляции мероприятий в честь Судьбоносного Дня Победы. Салют не унимался, радиоприёмник периодически вздрагивал от гимна, больше похожего на ускоренную похоронную музыку.

Они вышли из квартиры. В лифт попасть было невозможно, – на лестничной клетке уже толпились жильцы с маленькими детьми. Дети напевали патриотическую песенку, похожую на чакону Баха, в исполнении пьяного скрипача на расстроенной балалайке. Родители доставали плотные резиновые изделия из маленьких разноцветных коробочек, похожих на упаковки для презервативов марки "Ложная цель", затем натужно вдували в них вчерашние алкогольные пары, словно трубачи военного оркестра, ожидая получить на выходе праздничные воздушные шары для парада. Дешёвые предохранительные средства нехотя принимали форму ядерных и лептонных бомбочек.

Пришлось спускаться по лестнице. Взгляды, полные мутной злобы от вчерашнего дешёвого алкоголя, провожали

профессора и его дочь на каждом этаже. Запах табака "Дымовая завеса отчизны" вызывал рвотный рефлекс сильнее чем вонь, исходящая из мусорных баков, расставленных на каждом третьем этаже.

С огромным трудом им удалось выйти на улицу. Начался парад. На центральном слинфобачке, размером с футбольное поле, появились гигантские конные роботы. Через каждые сто метров они останавливались, блеяли по-козлиному и становились на дыбы, – результат ошибки в программе управления, которую техническая служба поддержки так и не сумела устранить.

За ними шла братская пехота Главногомыслящего, – похожие, как два кинжала, бородатые солдаты с грозными, но довольными лицами. Их бороды сплетались между собой, как волокна подгнившего восточного ковра. Пехотинцы выкрикивали нечто среднее между "Гав", "Валя" и "Ура".

На конном роботе появился сам Главногомыслящий. Расстегнутый ворот парадного мундира оголял крепкую седую грудь. Встроенное автоматическое седло подбрасывало короткое тело, как детская карусель, – железный монстр демонстрировал изящный манежный галоп. Лидер Поп державы приветствовал участников парада оттопыренным мизинцем правой руки, который он периодически прикладывал к каракулевой треуголке. За ним тащилась длинная колонна боемашин, – ядерные тягачи буксировали квантовые крылатые ракеты в форме двуглавых голубей мира.

Генштаб Братства и высокопоставленные чиновники аристо-элиты (дезертиры, сбежавшие в стратосферу, спасаясь от железных монстров, во время квантового конфликта) принимали парад и приветствовали мирную колонну из атомных бомб.

Братский военный оркестр рыдал гимн Поп Державы и слёзно замыкал процессию. Музыканты имитировали звукоизвлечение из странных треугольных инструментов под фонограмму музыкального генератора. Ещё один, скрытый от участников парада, создавал одобрительный рёв и шквал аплодисментов.

Музыка постепенно сдыхала. Папатриарх Братства готовился держать речь. Это была самая непредсказуемая часть Судьбоносного Дня Победы. Духовный лидер не способен был запомнить и двух предложений, поэтому говорил и думал одновременно. То что он выдавал в эфир, было загадкой даже для самого Главногокомыслящего, – слова не связывались в предложение и противоречили друг другу.

Год назад Папатриарх, рассуждая о божественном происхождении власти на земле, неожиданно закончил речь лозунгом "Разливай и властвуй!". Странную оговорку услышали десятки миллионов человек в прямом эфире, но причину понимали не многие, – Папатриарх питал слабость к высококачественной водке "Божья Роса". На этот раз духовный лидер говорил о божественном происхождении военного подвига на земле.

Он призывал не бояться идти в бой даже под взрывы лептонных гранат. Кто-то из военных рассказал духоведцу о квантовых белых дырах, которые разрывали пространство и превращали материю в антивещество. Папатриарх назвал дыры райскими воронками. После такого призыва братская пехота готовилась идти аккуратно в братские могилы.

В конце речи Папатриарх допустил чудовищную оговорку, – поздравил Главнокомыслящего с победой лозунгом "Да здравствует лузер Гоп Державы"! Духоведец провозгласил приветствие без всякого скрытого намёка, – имелось в виду, естественно "лидер". Косноязычие духовника служило оправданием собственного невежества в теологических вопросах и индульгенцией на подобные опасные несурезицы, – простить подобное можно было только блаженному алчному недоумку.

Закончилась первая часть представления под названием Судьбоносный День Победы. Во второй серии демонстрировался атомный взрыв или испытание квантового оружия. Чтобы не слишком переутомлять патриотов, был сделан перерыв на рекламу.

На высокой горе, в широкой серой шинели, во весь свой могучий рост стоял солдат Братства. Он вернулся с квантовой войны героем. Внизу пытел формалином его родной биохимический завод. Солдат смахивал скупую слезу рукой, шёл дальше и исчезал с экрана. На его место тотчас приходил следующий. Когда появлялся пятый по счёту герой, из

главных ворот выбежала девушка, одетая в строгую военную форму с игривым вырезом на ляжке. Она взбиралась на гору, чтобы скорее обнять возлюбленного. Девушка падала, скачивалась вниз, но снова поднималась и продолжала путь. Наконец она достигала самой вершины. Солдат распахивал шинель, девушка падала в его объятия. Через секунду счастливые молодые люди исчезали. Вместо них на экране появлялась рекламная надпись: "Шинель номер пять! Лучший аромат Братства!".

Реклама сменилась горным пейзажем Агонии, – южного соседа Братства. Террорист-смертник, пытавшийся взорвать кафе прибыл именно оттуда. Страну разрывали междоусобные войны, непрекращающиеся уже пол века. Братство не конфликтовало с Агонией. Маркиз а Сад, президент Агонии, избранный в условиях гражданской войны, был лучшим другом Главногокомыслящего. Налаженный поток кокаина из Агонии в Братство был взаимовыгодным предприятием и щедро оплачивался Поп Державой. Негласно скреплённый договор о поставках белого порошка был крепче мирного соглашения с Северо-Баллистическим Пасьянсом. Взамен враждующие между собой группировки Агонии попеременно предоставляли Братству территории своих политических оппонентов для испытания квантового оружия.

Люди на площади замерли перед мониторами в ожидании нового шоу, – уничтожение противника лептонной ракетой. Целью квантового удара выбрали самую высокую гору Аго-

нии – Меру. Запуск проводился в реальном времени. Профессор и Элис отошли как можно дальше от монитора, – толпа становилась неуправляемой от восторга. Так не раз случалось после демонстрации ядерного взрыва. Слева от них три человек вели оживлённую беседу.

– Это тебе не атомная фоска, – говорил один. Ща горка как баба растает.

– Эко, на, спецоперация, на, – соглашался другой.

– А ведь верно Папатриарх сказал, чё бояться то? – не унимался третий.

Горный пейзаж Агонии пропал. На мониторе слинфобачка появился Шайбу – Министр Нападения Братства. Он сидел в тёмном погребе, похожем на склад вино-водочного магазина и держался за ржавую панель управления. Министр обращался к Главнокомыслящему:

– Глубокоуважаемый, глубоко мыслящий, Верховный Главнокомыслящий. Разрешите выполнить боевой приказ по уничтожению цели?

Весело заиграл гимн.

– Разрешаю, – послушалось на всех углах площади. Цель уничтожить.

– Есть уничтожить.

Министр Нападения дрожащей рукой нажал на кнопку и перекрестился. На мониторе опять возникли пейзажи Агонии, – слышалось пение японских журавликов, гора сверкала и переливалась на солнце как огромный алмаз. Толпа за-

стыла, как под гипнозом, в ожидании скорой развязки.

Профессору перефокусировал взгляд и замер, – на вершине горы сверкнуло лицо молодой девушки. После пятидесяти лет, прожитых в Великом Братстве, галлюцинации были естественны, как улыбки младенца.

Внезапно появилась ракета. Жуткий звук заглушил музыкальные генераторы на площади. Ракета вошла в гору как пушечное ядро в детский бумажный домик. Звук резко пропал, послышался легкий шум, похожий на электрический разряд. Несколько секунд ничего не происходило. Затем гора задрожала, как при сильном землетрясении. Ещё через минуту в ней стали появляться сквозные дыры, превращающие горные породы в решето. Материя на глазах исчезала в пустоту.

Профессор взял дочь под руку:

– Пора, быстро уходим отсюда, иначе не попадём домой до утра.

Они медленно пошли вдоль площади, стараясь не привлекать внимание зомбированных существ.

На экране снова появился сырой погреб с бледным Министром Нападения. Массовый гипноз сковывал коллективный разум до конца представления.

– По вашему приказу цель уничтожена, – отрапортовал Шайбу.

Крики "Ура!", вперемешку с матерным восторгом, заполнили всё пространство геттополиса. Толпа коллективно по-

шла вприсядку, словно золотая гора не испарилась в воздухе, а осела алмазной пылью в карманах сидящих у слинфобачка людей.

Профессор с дочерью незаметно испарились с площади как гора Мера с земной поверхности далёкой Агонии.

XIV

Начиналась третья часть дней святой троицы – десятидневные выборы лидера Братства – марафон патриотических агитаций, религиозных проповедей, цирковых представлений и показательных боёв пехоты Главногомыслящего. Праздник заканчивался нейронным голосованием, – увлекательным событием со стопроцентной явкой населения и предсказуемым результатом.

Первый день начинался с религиозно-патриотической пропаганды, – записанные заранее речи Папатриарха транслировались через электронные слинфобачки на главных площадях. В этот раз духоведцу посоветовали лично совершить незапланированный вояж в один из геттополисов. Инициативу проявил бывший ассенизатор Главногомыслящего и согласовал решение на самом верху. В подчинении ассенизатора находились боевые отряды, – отказаться от предложения было невозможно.

Выбор пал на биохимический район, – подземные взрывы лептонных бомб, начавшиеся сразу после подписания соглашения о запрете на испытание квантового оружия, вызывали

сейсмические волны средней мощности на территории био-предприятия.

О визите Папатриарха не сообщалось заранее, – по графику значился показательный бой пехоты особого назначения. Бой официально не отменяли – приезд Мифодия должен был стать сюрпризом для народа. Это играло на руку Папатриарху, в распоряжении духовного лидера находился святонебоход – выкупленный трофей, доставшийся Поп Державе после битвы с Северо-Баллистическим Пасьянсом. Это позволило сделать из пришествия великое техно-театральное представление и явиться страждущему народу прямо с разорванных небес.

Профессор с Элис не планировали в этот день выходить из дома. Присутствовать при мордобое здоровенных недоумков было уже не обязательно, как в случае Судьбоносного Дня Победы. Они сидели в квартире и наблюдали за приготовлениями к новому акту святой троицы.

Профессор решил не рассказывать Элис о встрече с Ноем. В конце концов в Штабе Соппротивления могли ошибаться, – никаких предложений от правительства не поступало. Внезапно дом задрожал как при сильном землетрясении. Стены и потолок пришли в движение, из соседних квартир слышались вопли и детский плач. Казалось ещё секунда и квартира схлопнется, как картонный домик. Нарастающие подземные толчки вызывали животный страх и желание убежать из помещения на открытое пространство.

Они рванулись к выходу. Лестница переполнилась людьми, лифт не работал. Подземные толчки усилились, началась всеобщая паника. Обезумевшие от страха люди давили друг друга и скатывались по лестнице, словно играли в царя горы. Некоторые забыли даже о своих детях. Мусорные бачки перевернулись, жёлто-серая жижа текла со всех сторон, распространяя зловонный запах. Устоять на ногах было невозможно, – лестницы дрожали, ступеньки трескались и проваливались. На четвёртом этаже вдребезги разлетелось стекло, слышались истошные крики, по треснувшим стенам стекали капли крови. На втором этаже у лифта стоял маленький мальчик и заходился в истерике. Элис взяла его на руки. Через секунду подбежала мать и вырвала ребёнка, толкнув Элис в лестничный проём. Профессор чудом успел удержать дочь от падения.

С огромным трудом они выбежали на улицу. Площадь заполнилась насмерть перепуганными людьми, – первобытный страх заставил их бросить в квартирах свои семьи. Земля перестала дрожать через десять минут, многие приходили в себя и бежали обратно в здание, вспомнив о брошенных родственниках. Подземные толчки ослабели, толпа постепенно успокаивалась. Выглянуло солнце, из музыкальных генераторов зазвучала приятная мелодия.

Внезапно из расступившихся облаков появился святонебоход, увенчанный пшеницей, нарциссами и золотым чертополохом. Грушеобразный летательный аппарат плавно при-

ближался к площади как инопланетный корабль в детских фантастических фильмах. Гипнотическая религиозная музыка усиливалась по мере его приближения к земле. Это был картель Папатриарха. В сознании жителей геттополиса окончание землятресения ассоциировалось с его спасительным пришествием. Святонебоход, как и его счастливый владелец, был украшен изумрудами, – переливаясь на солнце, они убедительно эмитировали божественное свечение. Летящий трофей подавал сигналы колокольным звоном, как военный корабль, обозначая намерение приземлиться в самом начале площади.

– Папатриарх, – заорал кто-то истошным оперным голосом. Папатриарх-спаситель летете!

Толпа покорно опустилась на колени, – первобытная потребность в поклонении божеству вытеснила страх самосохранения за секунду. Святонебоход шёл на посадку. Люди расступались, ползали и давили друг друга, освобождая место небесному кораблю для спасительного пришествия. Земля снова задрожала, на этот раз от приземления картеля. Музыку уже не было слышно, её заглушал молитвенный рэп.

Огромный люк, изначально сделанный для высадки роботов, как нельзя лучше подходил для религиозной экзальтации толпы. Он подчёркивал величественность и высокую духовность замысла. Когда люк открылся, народу явился сам Мифодий. Куколь Папатриарха доставал ему почти до носа, скрывая хитрые, опухшие от чрезмерного увлечения водуш-

кой "Божья роса", глазки.

Из головы духоведца, как рог из сказочного существа, вырастал внушительных размеров крест. Крест еле проходил в люк, задевал его верхнюю часть, отчего издавал звук, похожий на удар колокола.

Профессор и Элис стояли близко к картелю, толпа вынесла их своей массой к началу площади. Крест был очень странной формы: драгоценные камни украшали вертикальную золотую ось, средняя поперечина была расширена и немного прогибалась вовнутрь. Всю её площадь занимала частая зелёная решётка. Крест равномерно вращался вокруг своей оси и издавал постукивающий звук, похожий на шум пропеллера. Он сверкал и переливался на солнце, как волшебный детский калейдоскоп.

– Чтобы со всех сторон разглядеть можно было крест животворящий, – громко прошептала своему ребёнку грузная женщина, стоящая рядом с профессором. Мальчик зачарованно наблюдал за происходящим.

Строение, растущее на Папатриархе походило на распятие с огромной натяжкой и что-то смутно напомнило профессору. Пока Мифодий вылезал из святонебохода под низкие поклоны гипнабельных граждан, учёный тщетно пытался вспомнить, где уже видел подобную конструкцию.

Под ногами духовного лидера автоматически расстелилась красная ковровая дорожка. Папатриарх вступил на неё как завоеватель. Сразу же за ним, как крысы из канализа-

ционной трубы, выбежали агенты спецслужб Братства, замаскированные под ряженных идиотов. Для устранения возможного сопротивления со стороны мужского населения было выбрано самое надёжное средство, – высококачественный алкоголь.

Ряженные сексоты подносили стаканы тем, кто ещё был способен стоять на ногах после землетрясения. Труженики, уставшие от подаваемого в пивных "Судьба Патриота" пойла, не имели ни малейшего шанса отказаться от божественно чистой водки "Божья роса" и крепкого коктейля "Молот". "Божья роса" вызывала приятные религиозные галлюцинации, "Молот" оглушал оставшийся здравый смысл. Похмельный синдром от "Божьей росы" проявлялся в непрерывном желании молиться, "Молот" звал на беспрецедентные военные подвиги.

Тех, кто ещё не был мертвецки пьян, добивали безумными народными танцами. Ряженные пошли впрыска, хватая за руки представителей сильного пола, которые ещё сохраняли стоячее положение. "А моя на рельсах ждала..", – затянули спецслужбисты братскую народную песню.

Духоведец мог спокойно работать. Люди держали за руки своих маленьких детей, стараясь во что бы то ни стало попасться на глаза духовному лидеру. Папatriарх медленно и чинно проходил по дорожке, – сапоги его святейшества не могли касаться земли по понятиям Духовной Организации Нравственных Интересов Братства. Иногда он останавливал-

ся, хлопал по щеке приглянувшегося ребёнка и вдохновенно шёл дальше. Здоровенные жлобы, сошедшие с неба вместе с Мифодием, тут же подскакивали к детям, одевали им на руки синие, красные или белые браслеты, затем уводили в святонебоход. На этот раз цветовая гамма должна была пополниться жёлтым.

Профессор неожиданно вспомнил где он видел то, что вращалось на голове у Папатриарха. В молодости он проходил военную службу в войсках противовоздушной обороны Братства. Он еще раз внимательно посмотрел на крест, – сомнения пропали окончательно. Это был прекрасный пример конгломерата науки и религии. На голове Папатриарха был установлен радиолокатор непрерывного излучения с частотной модуляцией. Локатор сканировал воздушное и наземное пространство, отслеживая вероятные угрозы нападения. Любой из дерзнувших посягнуть на святыню Братства был бы мгновенно опознан и обезврежен.

Папатриарх прошёл уже четверть площади и находился на расстоянии десяти шагов от профессора. Духовный лидер остановился, заметив белокурую девочку с ангельским лицом, которую держала за руку уже немолодая женщина. Профессор понял, что это её поздний, единственный ребёнок. Пожилой, но крепкий отец стоял позади них и заботливо перебирал волосы красавицы-дочки. Одет он был явно не по погоде, – правая рука была в перчатке, длинный чёрный плащ доходил до земли. Скорее всего, он накинул его

случайно, когда выбежал из раскачивающегося от подземных толчков дома.

Патриарх сделал едва заметное движение рукой, – к нему мгновенно подбежали два бугая. Один одел девочке желтый браслет, другой крепко взял за руку.

– Большая честь Вам. Милостив Патриарх, – сказал первый сипло-скрипящим голосом, как будто жевал пенопласт.

Второй бугай уже торопливо толкал девочку к святонебоходу, озираясь по сторонам, как вор карманник после кражи мелочи из кармана юродивой. Подобное происходило не раз с прибытием религиозного картеля в рабочие районы. Родители благословили детей на религиозную службу в Духовной Организации Братства. Некоторые делали это от отчаяния, так как не видели других перспектив, кроме рабского труда на гетто-предприятиях. Другим была обещана экстренная операция по пересадке донорского органа. Третьи безнадежно находились во власти сценического гипноза исполняемого свитой Папатриарха.

Но в этот день что-то пошло не так. Позже профессор не раз мысленно возвращался к этому моменту. Он тщетно пытался понять что же явилось причиной внезапно вспыхнувшей ярости людей на площади: жест Папатриарха, подзывающего здоровую детину к девочке, писклявый голос бугая, его вороватая походка, ангельский вид девочки или что-то ещё, что ускользнуло от взгляда. Единственное что он знал, – это была маленькая, несущественная деталь, но именно она

и явилась детонатором народного гнева.

Это было поразительное открытие. Не землетрясение, по счастливой случайности не обрушившее ни одно из зданий в геттополисе, не сам факт появления утопающего в золоте Папатриарха среди нищих и отчаявшихся людей. Просто маленькая деталь – капля воды, переполнившая дырявую чашу терпения.

То что произошло через несколько секунд профессор видел первый раз за всю свою жизнь в Братстве. Крест на голове Папатриарха внезапно поймал сигнал нападения и завертелся с невероятной скоростью, как детская раскрученная юла. Момент вращения антенны вывел Мифодия из равновесия. Со стороны казалось, будто, Папатриарх пустился в весёлый церковный пляс. Некоторые излишне впечатлительные прихожане охотно пошли вприсядку вокруг блаженного.

Бугай уже подводил девочку к люку. К Мифодию рванулась трое ряженных агентов охраны. Один из них схватил падающего Папатриарха и потащил к святонибоходу. Ещё двое бежали по направлению к отцу девочки. Чёрный плащ лежал на земле. Отец держал стальной острый прут, и медленно подходил к красной ковровой дорожке. Охранники сбили его с ног и придавили к земле.

Внезапно девочка вырвалась из рук бугая и рванулась по дорожке в сторону профессора, навстречу ей уже бежала разъярённая мать. Бугай сбил девочку с ног, она протянула руки в последней надежде, что кто-нибудь из стоящих на

площади спасёт её и спрячет в толпе. Папатриарха уже засунули в люк. Красная дорожка пришла в движение и уходила под святонебоход как скоростной эскалатор метро. Охранники, пытавшиеся обезвредить отца девочки побежали к уже закрывающемуся люку. Отец остался лежать на земле.

Бугай потерял равновесие и повалился на дорожку, придавив ребёнка всей массой. Мать упала на землю и мёртвой хваткой вцепилась в край красной материи. Её поволокло по площади прямо к люку святонебохода. Толпа, оцепеневшая от увиденного, внезапно пришла в себя, – покорность и поклонение за секунды сменилось ненавистью и озверением. В святонебоход полетели камни, бутылки "Божья роса" и коктейли "Молот". Они разрывались о броню, как гранаты, которых призывал не бояться Папатриарх. Послышались выстрелы, – толпа отпрянула, несколько человек остались лежать на земле. Ковровая дорожка въехала в летательный аппарат вместе с бугаём, девочкой и ряжеными охранниками. Мать держалась за ускользящие края эскалатора до конца, пока он не исчез под платформой, отрезав ей кисти рук.

Святонебоход готовился к старту под панические сигналы воздушной тревоги, подъехавшие полицейские машины въехали в толпу.

– Атас, – услышал профессор. Пехота!

Он схватил Элис за руку, они побежали к дому. Неизвестно откуда завизжала сирена. Святонебоход Папатриарха пошёл на взлет, отбросив стоящих рядом людей струей об-

жигающего кожу воздуха. Волна сбила Элис с ног, – профессору чудом удалось вырвать дочь из под несущейся, обезумевшей от страха толпы. Они вбежали в подъезд, лестницы шатались от натиска насмерть перепуганных людей. Дверь забаррикадировали, они с трудом добрались до последнего этажа. Люди в панике разбегались по квартирам, – внизу выламывали парадную дверь. Многие попали в подъезд случайно и пытались уйти через чердак на крышу. Профессор открыл квартиру чуть не выломав замок. До утра они были спасены.

XVI

Они проснулись от громкого и настойчивого стука в дверь. Не самый плохой знак, – при аресте, дверь выломали бы без труда. Профессор открыл, ожидая любого поворота событий, даже резкого удара в лицо. Это был почтальон, – он нагло заглядывал в комнату через плечо профессора. Удовлетворив любопытство, он протянул конверт и ручку.

Письмо предназначалось для Элис, расписаться предлагали ему, – нелепо, как и всё происходящее с ними обоими последние несколько дней. Профессор расписался. Лучше бы сломали дверь и челюсть. Ной оказался прав, – на конверте был герб Братства вместо марки, его можно было не открывать, чтобы понять содержание.

В письме, написанном золотыми чернилами, Элис выражалась огромная благодарность от Главнокомыслящего за

помощь в предотвращении теракта на территории биохимического завода, – стратегически важного объекта Братства. Её собирались представить к награде в Красном Дворце Лидера Поп Державы. На следующий день после нейронного голосования, в девять часов утра их будет ожидать правительственная машина. Элис не поверила своим глазам и запрыгала по комнате от счастья. Профессор не разделял оптимизм дочери, но понимал его природу, – молодость и амбиции никто не отменял, они выше политики и здравого смысла.

Столь бурная реакция на кислую отрыжку государственного аппарата удивила профессора, – он не рассказывал дочери и десятой части того что знал о Братстве, но и не воспитывал её в патриотическом духе, – Элис знала в какой стране живёт.

Он не собирался обсуждать штаб сопротивления и встречу с Ноем, но детский восторг Элис заставил его поменять своё решение. Награждение, – хороший повод для приезда в Терема, затем предложат остаться и работать на правительство. А ещё через месяц с ней выйдет на контакт главный шпион штаба сопротивления и Элис окажется под шквальным огнём со всех фронтов.

Профессор понимал, что не может запретить дочери принять приглашение, – если она не поедет на награждение – обоих повезут в лагерь. Но она не обязана работать на правительство; если останется во Дворце – вправе отказаться от сотрудничества со штабом сопротивления. Двойная вербов-

ка будет равносильна для Элис самоубийству, – он должен предупредить её об опасности, которая ожидает со всех сторон.

Профессор молча смотрел как радуется его ребёнок и отгонял, как назойливую муху, мысль о том, что это последний счастливый день в жизни Элис. Её наградят медалью Героя Братства, затем превратят в икону и замолят до дыр. Он решил дать дочери день насладиться внезапным счастьем и только потом рассказать о том что её ждёт, если она останется во Дворце. Она заслужила положительные эмоции даже по такому поводу, как принятие награды от Главногокомыслящего.

Из за письма они забыли о вчерашних событиях на площади. Внезапный шум за окном заставил об этом вспомнить, – к геттополису приближались два военных вертолётта. Последствия нападения на Папатриарха не заставили себя долго ждать. В шоу под названием выборы намечался жестокий незапланированный антракт.

Вертолётты зависли над площадью. Через три минуты началась высадка десанта. Пехота особого назначения, следуя заветам Папатриарха, не испугалась пустых водочных бутылок марки "Божья роса" и крепких коктейлей "Молот". Одновременно в город вошла Элит-Кавалерия. Офицер с лицом убитого питекантропа приближался к площади на конном роботе в окружении солдат в расписных мундирах. Профессор и Элис наблюдали за развитием трагедии с послед-

него этажа чудом не рухнувшего от землетрясения дома.

Дети, одетые в военную форму распевали на площади патриотические песни Братства. Пятнадцатилетний подросток дирижировал маленьким оркестром и обречённо оглядывался по сторонам. Родители предчувствовали неотвратимую месть за унижение Папатриарха и вывели детей на площадь в надежде хоть как то смягчить наказание.

Святая наивность простых людей ещё больше распалила Элит-Кавалерию. Солдаты во главе с конным роботом остановились на площади для воссоединения с десантом пехоты. При высадке из вертолёта десантники демонстрировали почти цирковые акробатические трюки. Наконец две армии соединились для начала операции против трудового населения. Офицер театрально подъехал к подростку и со всей силы ударил его кулаком в нос. Парень взвизгнул и отлетел на метр, ударившись головой о бетонное ограждение. Послышался звук, похожий на рёв охотничьего рога. Это был сигнал для начала атаки. Особая пехота организованно разбежалась по дворам. Очевидно искали отца девочки, напавшего со стальным прутом на Папатриарха, женщину с отрезанными кистями рук и тех кто атаковал святонебоход пустой стеклотарой.

Один из пехотинцев уже рыскал в палисаднике, около соседнего дома профессора. Выйдя из очередного куста он наткнулся на старушку, которая мирно сидела на лавочке со своим больным сыном. Старая женщина выплюнула прокля-

тия и показала пальцем на внезапно появившегося пехотинца. Профессор и Элис с ужасом наблюдали эту сцену из окна. Сын тяжело приподнялся, опираясь на клюку. Пехотинец подскочил и, с подчёркнутой жестокостью, ударил большого ногой в челюсть. При этом солдат Главнокомыслящего сделал сальто и приземлился на другую ногу. Удачно совершив посадку, он с боевым криком переломил клюку на две части. Старушка завопила на весь геттополис, так что звуки долетели до квартиры профессора. Она по-старчески бросилась на пехотинца и вцепилась в него немощными, синими от вспухших вен руками. Пехотинец схватил её за волосы и с остервенением потащил по земле. Сын лежал без движения, под его головой медленно разрасталась тёмно-красная плотная лужа.

Родители на площади бросились к своим насмерть перепуганным детям. Солдаты в расписных мундирах хватали случайных людей и валили на землю отточенными садистскими движениями. На другом конце площади уже приземлился вертолёт. Схваченных людей бросали в пассажирскую кабину и запирали как скот в железных клетках, подгоняя ударами под рёбра. К лежавшему на земле подростку подбежала мать. Его нос превратился в кровавое месиво, из ноздри торчала кость, правый глаз почти вывалился из переломанной глазницы. На мать накинули удавку и вместе с сыном потащили к вертолёту.

Послышались короткие автоматные очереди. Из второго

вертолѐта вели прицельный огонь по тем, кто потенциально мог оказать сопротивление. Люди прижались к земле. Несколько человек показательно избивали стальными прутьями до смерти. Другим засовывали в рот разбитые бутылки божьей росы, разрывая щѣки до ушей.

Через пять минут профессор увидел отца девочки, совершившего нападение на Папатриарха, – пятеро пехотинцев быстро вели его к вертолѐту. Перед посадкой ему натянули на голову чѣрный мешок. Ещѣ через три минуты вывели женщину, которая цеплялась за красную ковровую дорожку святонебохода, пытаясь спасти свою единственную дочь. Еѣ руки туго перевязали рваные серые бинты, чѣрно-красные ручьи крови шлейфом тянулись за пехотинцами как ковровая дорожка за великим духовным лидером. Мать девочки толкнули в вертолѐт, люк захлопнулся вместе с жизнями тех кто остался внутри. Мотор заревел, вертолѐт взлетел и завис над площадью на небольшой высоте.

Пехотинцы построились клином, обеспечивая выезд Элит-Кавалерии из города. Железные канаты вылетели из вертолѐта, как щупальца небесного чучела, – эвакуация пехотинцев заняла считанные секунды. Вертолѐт быстро набрал высоту, из боковых установок вырвались ядовитые струи, – площадь покрылась плотным туманом нервно-паралитического газа. Яд проникал через кожу даже на высоте девятиэтажного дома. Честь и достоинство Папатриарха были спасены.

XVII

В геттополисе был введён комендантский час и запрет на выход из дома до дня нейронного голосования. Мера была избыточная, – появиться на улице после бойни, учинённой силовыми структурами, мог только сумасшедший. Мрачные события последних дней ещё больше убедили профессора в решении рассказать Элис о встрече с Ноем. Она имела возможность увидеть своими глазами – что скрывалось за красивыми фразами, написанными золотом на дорогой бумаге с водяными знаками Братства. Это упрощало задачу профессора, – деградацию и разложение Великой Поп Державы силовые структуры наглядно продемонстрировали прямо перед их носом.

Они почти не разговаривали, – нервно-паралитический газ приковывал к постели тяжёлым сном. Чтобы не сойти с ума они смотрели первый канал Братского телевидения, – кроме бессмысленных военных баталий и пожирающих навоз динозавров, смотреть было нечего. О бойне, учинённой Элит-Кавалерией, из-за провального визита Папатриарха, не сообщалось ни слова.

В новостях появился сюжет о предотвращенном теракте, – молодая девушка брала эксклюзивное интервью у самого Главнакомыслящего. Был задан вопрос по существу: какие меры принимаются "сплотившимися" под руководством лидера Поп Державы, чтобы защитить жителей Братства от

тераптов "Воинства Неба" (организации, строго настрого за-
прещённой в Поп Державе). Лицо Главногомыслящего оза-
рилось праведной театральной злобой так, что восковая мас-
ка треснула под правым глазом выпустив гнойную мутную
жидкость:

– Преследуем по всей необъятной и по одному затопим
в моём собственном мобильном био-нужнике! Еще и свечи
повставляем, извините, сами знаете куда!

Девушку восхитила чёткость продуманной стратегии
борьбы с терроризмом, она восторженно аплодировала и
подобострастно смотрела на своего кумира. Решение было
нетривиальное – игра действительно стоила свеч.

Познавательное интервью с первым *лицом* государства
плавно перешло в осмысление исторических уроков минув-
шего века. Профессор с ужасом наблюдал как распорядились
его гениальным изобретением – проектором горизонта со-
бытий чёрной дыры. Военные битвы прошлого, полученные
из проектора методом квантового сканирования, подавались
вырванными из общего контекста эпизодами, без объясне-
ния дат, смысла и целей спецопераций. Правдивая история
прошлого никого не интересовала, ровно как и вымышлен-
ная. То что народу Братства разрешали знать о прошлом
сконцентрировалось в одном единственном дне, – Судьбо-
носном Дне Победы. Беда заключалась в том, что и этот день
истории был покрыт для них мраком.

Близился великий день чести, мести, совести и похмель-

ного самосознания – День Выборов. Нейронное голосование стало возможным благодаря прибору, получившему название "нейронный детектор правды". Устройство изобрёл один из талантливых нейрохирургов под кураторством спецслужб Братства. Прибор не имел ничего общего с детектором лжи, который использовали много лет назад, когда Поп Держава еще не существовала. Принцип работы нового изобретения основывался на понимании механизмов устройства человеческой памяти.

Инновационная технология исключала любые ошибки в подсчёте голосов. Предыдущий опыт показывал, – простые люди часто скрывали свой настоящий выбор от самих себя, стесняясь полностью распахнуть душу полюбившемуся претенденту. Научно этот феномен был доказан ещё сто пятьдесят лет назад неким учёным-психологом-психопатом, родившимся в области, которая много лет спустя вошла в состав Северо-Баллистического Пасьянса. Новая технология исправляла эту неточность.

Изобретатель показал, что извлекаемая мозгом информация о некотором пережитом опыте, с каждой новой попыткой складывается в визуальный образ не совсем точно, – существует некоторый коэффициент искажения. Это не мешает человеку хранить и воспроизводить в памяти переживания, живописные пейзажи или страницы математических формул, – погрешность компиляции фрагмента пренебрежительно мала.

Тем не менее, данное свойство мозга можно успешно использовать для оценки достоверности нейронного фрагмента памяти. Вымышленные или намеренно искажённые воспоминания увеличивают ошибку до критической величины. Обмануть нейронные процессы невозможно, даже если годами представлять себе никогда не происходившие в действительности события.

Устройство не требовало никаких настроек или конфигураций под конкретного индивидуума, – детектор правды использовал специальные электроды, которые, в прямом смысле слова, залезали в голову подозреваемого и просвечивали нейронные контуры, как рентгеновские лучи. Результат выдавался мгновенно и фактически служил приговором, – определить врёт человек или говорит правду о реальном событии было также легко, как понять происходило оно в действительности или намеренно создавалось силой воображения.

В случае голосования эту технологию было сложно переоценить, – тайное волеизъявление народа наконец становилось явным. Нейронный детектор правды устранял кривотолки и противоречия, связанные с традиционным подсчётом голосов, – научные методы делали фальсификацию пережитком старых времён.

Результат всегда колебался от 99.97 до 99.99% в пользу Главнокомыслящего. Больше кандидатов на пост главы Поп Державы не было, – бессменный лидер одерживал тяжёлую

победу над собой. Сотая доля процента не в его пользу служила лишним доказательством демократии и свободы выбора в Братстве.

Времени до отъезда в Терема оставалось совсем немного. Профессор решил поговорить с дочерью о штабе сопротивления и рассказать о ядерном ударе Братства по собственному народу. Элис должна переварить услышанное и пережить крушение всех оставшихся иллюзий о Поп Державе, прежде чем принять решение о сотрудничестве со штабом. Это далось профессору с огромным трудом, – он чувствовал, что сам наносит ядерный удар прямо в сердце дочери. Когда он закончил, она ушла в спальню и закрыла дверь ни сказав не слова, – правда проникла в кровь, как радиация, запустив процесс распада патриотических чувств на клеточном уровне.

Наступил день нейронного голосования. Надо было выходить из дома и идти на линию электродных ячеек. Профессор не получил никакого ответа от Элис по поводу её намерений после награждения. Он решил не насиловать психику дочери и не заводить с ней разговор о политике. Прошло слишком мало времени с тех пор, как она узнала правду о войне с Северо-Баллистическим Пасьянсом, – Элис могла закрыться и навсегда уйти в себя.

Линия электродных ячеек была апофеозом унижения личности и надругательства над здравым смыслом. Она напоминала профессору конюшню, где людей доили как коров,

высезивая из них последние капли человеческого достоинства.

В каждой ячейке, больше похожей на стойло, висел портрет Главногомыслящего. Под портретом, из стены торчали электроды с небольшими иглами на конце. Член наблюдательной комиссии вставлял их в голову несчастного избирателя. Затем иглы извлекались из ума и человеку грубо указывали на дверь.

Самым унижительным было то, что электроды находились очень близко к полу ячейки. Чтобы прикрепить иглы к голове, приходилось нагибаться, кланяясь портрету, или вообще вставать на колени. Это был единственный выбор, который предоставлялся голосующему. Иногда профессору казалось, что в этом и состоит истинный смысл голосования. Тот кто встал на колени – считался преданным лидеру державы, кто изображал поклон – лояльным. Тот же кто нёс голову к электродам с достоинством, без малейшего намёка на поклонение вождю, – попадал под подозрение, подвергался нейронному полит-контролю и, в конечном счёте, подлежал уничтожению. Профессор относился к третьему типу, к нему же принадлежала и его дочь.

Профессор почувствовал чей-то пристальный взгляд и обернулся. Молодая девушка смотрела на них не отводя глаз. Миловидное ангельское лицо, атласная разглаженная кожа, – профессор понял, что она прибыла из Теремов. Может быть принадлежала к аристо-элите. На ней была наци-

ональная религиозная одежда Братства. Этому было только одно объяснение, – прилетела с Папатриархом. Тогда почему не улетела обратно вместе с картелем? Не успела из за возникшей суеты или осталась намеренно? Девушка не принадлежала ни к силовым структура, ни к спецслужбам. Это было видно по утончённой фигуре, но главное – по взгляду. В нём чувствовалось желание немедленно прийти на помощь, сообщить нечто чрезвычайно важное, предупредить. Профессор видел это лицо совсем недавно, но никак не мог вспомнить где и при каких обстоятельствах. Он чувствовал, что начинает терять нить происходящего. Девушка сделала шаг в их сторону, но затем резко отвернулась и быстро скрылась из виду.

В этот момент на них в упор наткнулся маленький юркий человек. Было очевидно, что сделал он это намеренно.

– Профессор! – воскликнул он панибратским тоном, как будто встретил старого друга. Мои поздравления, – воспитать такую дочь! Дорогого стоит!

Слова произносились с издевательским пафосом, профессору потребовалось три секунды чтобы понять что перед ним сексот – секретный сотрудник Братства. Учёный решил не реагировать на унижения и равнодушно наклонил голову, давая понять, что принимает поздравления.

– Не хочу вас долго задерживать, – продолжал сексот. Завтра в девять утра у подъезда будет ждать машина. Хотел лично удостовериться, что Ваша дочь будет на месте.

Сексот пристально посмотрел на профессора. Потом перевёл взгляд на Элис. Они молчали. Профессор понял, что последняя фраза была сказана ему, как предупреждение. Ответственность за отъезд дочери теперь возлагалась на него. Сексот выждал паузу, его лицо резко изменилась. Ему явно не понравилось, что в ответ не прозвучало ничего, кроме звенящей тишины .

– Быть! – рявкнул он, как будто неожиданно выстрелил в затылок.

Это уже был приказ. Сексот ушёл не прощаясь, толкнув учёного плечом. Удар развернул профессора в сторону девушки, – она бесследно исчезла.

Элис взяла отца за руку.

– Я видела его раньше, – сказала она морщась от отвращения. – Он подходил ко мне с такими же дурацкими поздравлениями, когда я лежала на носилках перед кафе.

– В этой стране по наследству передаётся либо власть, либо повестка в прокуратуру, – подумал профессор и обречённо обнял дочь.

XVIII

Профессор заснул только под утро. После разговора с Ноем прошло две недели. Тогда ему казалось что у них с Элис ещё куча времени. Он всё разложит по полочкам, всё успеет объяснить, ответит на вопросы, на которые сам не знал ответов. Но завтра утром её уже забирали в Терема. Он боль-

ше не поговорит с дочерью. Может быть не поговорит уже никогда. Братство отнимало последнее, что осталось. Было ещё здоровье, с которым бы он с лёгкостью расстался, лишь бы не забирали дочь.

Он вспомнил отца белокурой девочки на площади, – человек в чёрном плаще шёл на явную смерть, замахнувшись на самого Папатриарха, лишь бы отстоять свою семью. Сейчас его пытаются в “Кричащей Тишине”, – главной тюрьме Братства. Его жена держалась за ребёнка до последнего, пока ей не отрезали конечности. Она вступила в бой голыми руками, не задумываясь о последствиях.

Ночь наводила профессора на сумрачные мысли, – смог бы он взять в руки стальной прут и убить им хмыря, который столкнулся с ними на площади? А потом всех остальных, кто посмеет приехать за его дочерью? Что может остановить человека от подобного поступка? Профессорская степень, присвоенная теми же людьми, которые хотят отнять у него дочь? Четкое осознание последствий? А может страх, совесть, решительность имеют конкретный химический состав и у многих людей нервная система просто не способна запустить реакции на клеточном уровне для их образования?

Профессор вдруг вспомнил, что по одной из версий, бомбист, пытавшийся взорвать кафе, где была Элис, приехал на место теракта на такси. Что если таксист понял кого везёт, но не смог преодолеть свой страх и привёз смертника прямо к намеченной цели? Если бы он знал, что везёт террориста в

кафе, где сидит его дочь, то наверняка нашёл бы выход.

Засыпая профессор решил, что отложит решение до утра. Он проснётся с ясной головой, за несколько часов до приезда сексота и ещё раз всё обстоятельно обсудит с дочерью.

Элис разбудила профессора за час до приезда правительственной машины.

– Папа, нам скоро выходить, – сказала она, как будто они опаздывали в зоопарк.

– Да, уже собираюсь, – засуетился профессор.

Он чувствовал, что не сможет сдержать эмоций, если поймает взгляд дочери; хотелось закрыть глаза и промотать время на много лет назад, когда он поставил собственные амбиции выше интересов семьи и остался в Братстве работать на правительство.

Элис засовывала в рюкзак любимые игрушки, профессор не мог на это смотреть. Они бросили бессмысленные сборы и вцепились друг в друга, как двое влюблённых перед вынесением смертного приговора. Это была последняя попытка остановить время.

Черная машина, больше похожая на катафалк уже ждала внизу. Они вышли на улицу, профессор обернулся, словно просил помощи у соседей в последней надежде спасти дочь. Жильцы молча припали к решётчатым стёкла, как арестанты, провожающие соратников на виселицу.

Охранник, сидевший рядом с водителем, открыл им заднюю дверь. В салоне уже находился сексот, с которым они

встретились на площади вчера вечером. Он похлопал рукой по сиденью, как будто звал в кабину любимую собаку. Они сели рядом, как провинившиеся домашние питомцы. На спинке кресла висел портрет Главнокомыслящего, по периметру лобового стекла блестели серебряные монетки с изображением лидера державы, сидящего на конном роботе, как на гимнастическом козле.

– Через двадцать минут будем на военном аэродроме, – сказал сексот, обращаясь к профессору. Даю пять минут на прощание с дочерью.

Профессор не удостоил хмыря ответом и взял Элис за руку. Он знал, что ублюдка раздражает его молчание. Это была единственно возможная месть за унижение, которое профессор испытывал последние пятьдесят лет и двадцать минут, пока они ехали до аэродрома. Машина остановилась, охранник открыл им дверь. В ста метрах от машины они увидели вертолёт.

– Пять минут, – издевательски подмигнул сексот и отошёл от профессора, намеренно толкнув его плечом.

Элис бросилась к отцу. Он обнял её ещё сильнее, чем в день теракта, когда они стояли в оцеплении около кафе Барро.

– Время! – гавкнул хмырь.

Охранник грубо тронул Элис за плечо, профессор ослабил объятия и отпустил дочь. Она направилась к вертолёту, сексот с охранником шли вплотную и скалились, как дикие

собаки, стащившие добычу у старого больного льва. Все трое сели в кабину, заревел мотор.

Профессор вздрогнул. Он вспомнил чёрный плащ, прут, отрезанные пальцы рук, красную ковровую дорожку Папатариха. Элис уже не было рядом, – она протягивала руки из вертолѐта, как маленькая девочка, украденная жлобом-спецслужбистом во время визита духовного лидера в геттополис. Внутри что-то щёлкнуло и оборвалось, – профессор рванулся к дочери в приступе панической атаки, словно хотел поймать вертолѐт руками. Водитель догнал его, сбил с ног и с садистским удовольствием вдавил лицом в асфальт.

Элис стала маленькой точкой в мутном небе Великого Братства. Через минуту горизонт вычеркнул её из жизни профессора.

Глава II

I

Элис не могла видеть, как отец корчился на земле в припадке безумия, пытаясь схватить руками вертолѐт, – хмырь посадил её с противоположной стороны от входного люка, рядом с крошечным иллюминатором. Охранник сел слева, сам сексот расположился напротив. Откинув раскладной столик, он аккуратно выкладывал документы, напечатанные на гербовых бланках.

Любопытство, как надёжный спасательный круг, не поз-

волило Элис утонуть в собственных слезах и сойти с ума от расставания с самым родным человеком. Возможность увидеть геттополис с высоты птичьего полёта захватила её целиком, заставив на некоторое время забыть о происходящих в её жизни стремительных переменах.

Она жадно прильнула к иллюминатору. Геттополис оказался разноцветным, как запачканный случайными красками детский акварельный лист. Гигантская статуя Главногомыслящего верхом на конном роботе приковывала взгляд с любой точки пространства. Уроdlивое каменное изваяние возвышалась даже над главным зданием биохимического завода и его смердящими трубами. Колючая проволока змеилась по смотровой площадке, построенной на мизинце лидера Поп Державы, по всему периметру ограждения. Проволоку натянули после серии странных самоубийств, – молодые люди шагали в бездну с трёхсот метровой высоты, не оставляя предсмертных записок.

Элис вспомнила, что давным давно поднималась туда по встроенной внутри статуи лестнице, вместе с матерью и сестрой, – поход назывался “Возвышением”. С высоты трёхсот метров биохимическое гетто-предприятие было видно как на ладони. Мрачный вид завода ковырял ещё не сформировавшуюся психику и мутил детское воображение эпизодами трудовых подвигов.

Трубы поражали мощью извергаемых нечистот, создавали ощущение причастности к чему-то безмерно великому, – то-

му, что её детский мозг ещё не мог осознать, но уже пропустил сквозь податливые поры в молодую артериальную кровь. Она держала за руку младшую сестру, стараясь скрыть радость от матери, и чувствовала тайную гордость за происхождение, – им посчастливилось родиться в Поп Державе, а не в Северо-Баллистическом Пасьянсе или Нектарии.

Запах едкого дыма странным образом усиливал детскую эйфорию, хотя дышать было невыносимо из-за постоянно подступающей тошноты и мокрого кашля. Отца с ними не было, профессор наотрез отказался идти и был категорически против подобного семейного мероприятия. Элис поняла это, вспомнив ссору родителей незадолго до дня “Возвышения”. Через несколько дней у них с сестрой начались сильнейшие астматические приступы. Министерство Трансплантации внесло их в лист ожидания на пересадку бронхов.

Элис отвела глаза от статуи, чтобы прервать падение в мрачные воспоминания детства. Она окинула взглядом всю видимую с вертолёта территорию, вплоть до горизонта. На геттополисе лежала печать экологического бедствия. Чёрная дымка тлеющих мусорных свалок ложилась на уродливые железные мосты, пустые парадные площади и сливные информационные бачки, размером с футбольные ворота. Ветер гнал жёлтые от химических отходов ручьи, прибивая мусор и мёртвых птиц прямо к жилым постройкам. Элис увидела, как люди убирали нечистоты лопатами и самодельными насосами, строили заграждения, прорывающиеся новыми по-

токами беснующихся зловонных масс.

На дорогах химические реактивы образовали огромные проломы глубиной до нескольких метров. Трубы лопались прямо на глазах, из них вырывались тонны биохимических веществ. Токсичный зелёный шлам заливал площади стадионов и строительных площадок. Ядовитые красные и желтые тучи, нависшие над районами, рассыпались кислотными дождями, оседая на дома, сады и старые ржавые машины. Огромные партии отходов отгружались на специальные полигоны всего в нескольких километрах от завода.

Хмырь, сидевший напротив, и до этого момента не обращавший внимание на Элис, внезапно закрыл шторку иллюминатора. Он закончил возиться с документами, аккуратно собрал их в стопку и пододвинул к краю стола.

– Через пол часа будем на аэродроме. Ознакомьтесь с материалом, подпишите на каждой странице. Чем быстрее управитесь тем скорее сможете сесть в военный самолёт. Ждать больше сорока минут Вас никто не намерен.

Он сказал это таким тоном, будто они виделись впервые. Ёрничество и сарказм пропали, голос звучал сухо и формально, как в бухгалтерском отделе. Элис посмотрела на стопку документов высотой с энциклопедический словарь. Это было ещё одно издевательство со стороны сексота, – пол часа было недостаточно, чтобы прочитать даже десятую часть лежащей перед ней макулатуры, не говоря уже о том чтобы вникнуть в содержание.

Она открыла первый попавшийся документ. Мелкий шрифт, резал глаза, сливаясь в единую чёрную линию; без лупы читать содержимое было бесполезно. Судя по странным химическим формулам, речь шла о согласии на проведение профилактических медицинских процедур. Незвестное Элис слово "прививка", повторялось в документе с добрый десяток раз. Хмырь заметил конфуз и с наигранным дружелюбием пришёл на помощь.

– Облегчу задачу, – дело чисто формальное. Чтобы попасть в Терема необходимо пройти обычное обследование и провести несколько необходимых медицинских актов. Остальное не так важно, – правила поведения в Теремах, сведения об ответственности, правах и обязанностях во время нахождения во Дворце. Ничего сверхсекретного и необычного. Можете смело подписывать.

Он странно хмыкнул, протянул Элис обгрызанную с заднего конца ручку, похожую на переломанную крылатую ракету, пролистал несколько страниц и указал на поле для подписи. Сексот не оставлял выбора. Надо было либо подписывать вслепую каждый документ, либо сходить с вертолёта. Элис задумалась на несколько секунд, делая вид, что вникает в суть написанного, затем поставила инициалы в правом нижнем углу страницы. Тоже самое они проделали с остальными листами. Хмырь показывал пальцем где должна стоять подпись, странно ухмылялся и пролистывал несколько страниц до следующего документа. Элис подписывала почти не

глядя, неумело делая вид, что читает документ и понимает содержание.

Довольный хмырь собрал документы, заботливо убрал в папку и спрятал в чёрном портфеле. Такие уродливые кейсы, похожие на приплюснутые гробики, Элис видела раньше только у работников похоронных бюро. Глупая мысль проскочила как бредовый фрагмент болезненного сна, – спецслужбы кремируют её заживо в трубах биохимического завода.

Вертолёт приземлился на военный аэродром, охранник вежливо показал рукой на выход. Элис прошла вперёд, чувствуя как идущий позади хмырь скользит по ней взглядом с ног до головы; захотелось развернуться и дать ему по морде. Она сдержала глупый импульсивный порыв, решив плюнуть ему в лицо перед посадкой, если он останется в геттополисе и не сядет в самолёт вместе с ней. Терять уже было нечего.

У выхода из вертолёта их ждала военная машина, самолёт находился в километре от дороги. Охранник помог Элис сесть и устроился рядом, на заднем сиденье. Хмырь передал охраннику портфель с документами и остался стоять у выхода из вертолёта. Сидевший за рулём молодой сержант сделал хмырю приветственный знак. Было видно что они хорошо знакомы.

– Ты с нами?

Хмырь загадочно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Что так?

Хмырь махнул рукой, тон разговора опять стал панибратским.

– Погощу ещё, попрыгушку одну поймать надо. Шипко проворная оказалась.

– Понятно, – сказал сержант. – Ещё одна.

Для Элис этот разговор не имел никакого смысла, – ей было всё равно, кого собирался ловить хмырь, главное, что она больше не увидит его слюнявую морду. Она вспомнила, что собиралась плюнуть ему в харю, но было уже поздно, – машина тронулась с места по направлению к самолёту.

– Четыре часа полёта, – сказал сержант и протянул Элис прозрачный пакет, похожий на морскую медузу. – Если плохо переносите сверхзвуковые рейсы, рекомендую принять снотворное.

– Пять минут назад я совершила свой первый в жизни воздушный полёт, офицер, – улыбнулась Элис.

Сержант посмотрел на неё с наигранным удивлением.

– Тогда настоятельно рекомендую выпить залпом всё содержимое. Полёт будет совсем не таким увлекательным, как предыдущий, уверяю. Это не пассажирский лайнер, может стать плохо уже при взлёте, – тошнота, рвота, головокружение, Бог знает что ещё. Я не врач, но побочные эффекты определять умею.

Элис прошла в кабину, – вид кожаных кресел, железных ремней и стальной нарастающий шума мотора вызвал

паническую атаку сознания. Она выпила залпом сладкую жидкость, представив, что это бокал шампанского "Брызги Братства". Расслабление наступило почти мгновенно, – Элис провалилась в небытие ещё до того, как её судьба совершила неожиданный поворот со скоростью сверхзвукового военного самолёта.

II

Элис проснулась от неприятного плачущего звука, исходящего из передней части самолёта. Кто-то тронул её за плечо, она через силу открыла глаза. Сержант, передавший несколько часов назад спасительное снотворное, сидел рядом и зачарованно смотрел в иллюминатор.

– Посмотрите направо, – сказал он и протянул Элис бутылку воды. – Зрелище незабываемое, такое можно увидеть лишь перед посадкой, больше шанса не будет.

Элис не расслышала ни единого слова. Она сделала несколько жадных глотков, морщась от ржавого привкуса тягучей сладковатой жидкости. Слух частично вернулся, отчего плачущий звук стал ещё более невыносимым. Через несколько секунд он пропал, оставив как напоминание о себе нестерпимую головную боль.

– Я всё проспала, – сказала Элис первое что пришло в голову, лишь для того, чтобы понять слышит ли свой голос. – Сны пролетали со сверхзвуковой скоростью, не запомнила ни один.

Сержант молча указал рукой на иллюминатор: ковёр из диких, поражающих воображение цветов, расстился перед посадочной полосой на несколько километров, серебряная речка блестела на солнце, как россыпь нетронутых отчеканенных монет. Сержант рассмеялся, увидев, как пассажирка чуть не катапультировалась от восторга вместе с креслом.

– Только не пытайтесь составить из них букет, если представится такая возможность. Тех кто пытался это проделать, разрывало на мелкие кусочки, – под нами минное поле. И в речке купаться тоже не советую, – это термохимический ров. Похоже сейчас он заполнен ртутью.

– Голова раскалывается на части только от одного взгляда на эту убийственную красоту, – улыбнулась Элис и схватилась пальцами за виски.

Сержант достал маленькую белую таблетку и протянул Элис вместе с армейской флягой.

Причина столь корректного поведения по отношению к её персоне была не вполне понятна. Элис вырвала таблетку из рук сержанта и проглотила не запивая. Через несколько секунд ей стало заметно лучше. Охранника в пассажирской кабине не было, – это её расслабило. Элис благодарно посмотрела на своего спасителя.

– Как просто можно избавиться от мигрени. У нас это лечили кровопусканием, пересадку головы Министерство Трансплантации ещё не придумало.

Сержант мрачно улыбнулся:

– Во первых я в этом не уверен, а во вторых не советую шутить подобным образом в присутствии штатских, когда выйдете из этого самолёта.

Элис вспомнила про чёрный портфель, – она подписала пачку неизвестных документов, а статью за словесный терроризм никто не отменял. Повисла неприятная тяжёлая пауза.

– Это просто добрый совет, – прервал молчание сержант. – Я лишь исполняю свой долг, к политике отношения не имею.

Элис почувствовала что он хочет сказать еще что-то, но не решается. Плакающий сигнал объявил о себе с ещё большей настойчивостью. Сержант протянул Элис армейский пакет:

– Идём на посадки. Лучше одеть маску.

Элис повиновалась. От перепада давления головная боль снова возобновилась. Она посмотрела на сержанта, – он понял её без слов и достал ещё несколько таблеток. Иллюминатор озарился солнечным светом. Такие яркие переливы лучей последний раз Элис видела только в раннем детстве. Через несколько секунд она почувствовала сильный толчок, – самолёт приземлился в Терехах.

Сержант посмотрел на дверь кабины пилота. Убедившись, что она плотно закрыта, он взял Элис за руку.

– Я родом из ваших мест, из "Хлопушки", моё имя Стэл. Не думаю, что мы когда-нибудь увидимся, просто помните, – там где мы находимся любая мелочь может либо убить, либо спасти Вам жизнь.

Из кабины вышел охранник, не дав сержанту договорить. Чёрный портфель в его руках распух почти вдвое. Сержант замолк и протянул Элис пачку белых таблеток.

– Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпания, – лыбился охранник, явно переоценивая собственное чувство юмора.

Элис сдёрнула маску и, от внезапного приступа злобы, бросила на пол. Люк самолёта открылся, впустив тёплую струю воздуха в пассажирскую кабину. От букета неожиданных свежих ароматов Элис чуть не потеряла сознание. Первый раз в жизни она не ощущала в воздухе привкус биохимических реактивов. В горле пересохло, она отхлебнула из фляги, оставленной водителем, и медленно прошла к выходу, держась за армейские ремни.

Охранник взял её под руку, они спустились к перронному автобусу. Аромат цветов с минного поля оказал на Элис почти наркотическое воздействие, – головная боль прошла, в таблетках больше не было необходимости.

Автобус проехал сто метров по идеально ровному плацу и остановился у стеклянных разноцветных ворот с гербом Братства. Делегация из трёх человек уже ждала их у огромного здания, больше напоминающего старинный замок, чем аэровокзал. Первым подошёл маленький моложавый мужчина в круглых очках, похожий на умного кролика. Охранник молча передал ему чёрный портфель. Двое других, врач и полицейский, остались стоять за его спиной. Незнакомец не

представился, что было несколько необычно.

– Добро пожаловать в Терема, Элис, – сказал он учтивым тоном.

Элис еле стояла на ногах, но это, по-видимому, никого не волновало. Она устало улыбнулась в ответ, давая понять, что находится в предобморочном состоянии после полёта.

– Прекрасно понимаю, – продолжал незнакомец. – Перелёт, стресс, акклиматизация. С удовольствием отправил бы Вас отдыхать прямо сейчас, но, увы, не мы устанавливаем правила. Приходится следовать протоколу, хотим мы этого или нет, – формальности несколько утомительны, но не смертельны.

Незнакомец похлопал ладонью по чёрному портфелю.

– Вы сами имели возможность в этом убедиться.

– Всё что угодно, – улыбнулась Элис, но если я не выпью кофе и не съем хотя бы ломтик хлеба, исход будет именно смертельным.

Кролик взмахнул руками и сделал знак полицейскому. Через несколько секунд тот уже бежал с подносом как услужливый официант.

Все четверо прошли в небольшое кафе "Наедине с Братом". Кролик выдержал паузу, дав Элис насладиться едой и перевести дух после перелёта, затем достал из портфеля документы, передал доктору и указал рукой на полицейского.

– Офицер оформит Вам временный паспорт, это займёт не более получаса, затем небольшое медицинское обследо-

вание, и после этого мы будем рады видеть Вас в Теремах, Элис.

Офицер встал, за ним поднялись все остальные. Элис поняла, что долго отдыхать не придётся, – все уже прощались с кроликом.

Он пожал Элис руку.

– Не волнуйтесь, процедуры чисто формальные, Вам не о чем беспокоиться. Уверен всё пройдет благополучно и мы очень скоро увидимся.

Офицер уже приглашал проследовать за ним. Они вышли из кафе и по узкому коридору прошли в служебное помещение. Доктор не отступал от Элис ни на шаг. Через несколько минут она обнаружила, что служба безопасности Теремов знает о её личности больше, чем она сама. Ей выдали готовый паспорт с фотографией. Пластиковую карточку нацепили, как ошейник, на время медицинских проверок.

Элис не могла вспомнить, когда фотографировалась последний раз. Снимок был сделан без её ведома, – очевидно за ней следили через камеры наблюдения, когда она ещё находилась в геттополисе. Это пугало и вселяло чувство полной беспомощности. На обратной стороне карточки Элис с удивлением обнаружила исчерпывающую информацию о своей личности, включая группу крови и код Министерства Трансплантации.

В полицейской комнате сняли отпечатки пальцев. Элис знала, что делалось это с единственной целью – оказать мо-

ральное давление, лишний раз напомнить где находится и чего стоит. Отпечатки всех её пальцев, на руках и ногах, на-верняка лежали в железных сейфах службы безопасности. Через несколько минут в комнату внесли нейронный детектор правды. Элис вспомнила, что не глядя подписала согласие на прохождение теста, но не смогла скрыть удивления. Офицер заметил её волнение:

– Вас предупреждали о прохождении этой процедуры, не так ли? Вы подписали документ.

Элис пришла в себя.

– Да, конечно, всё в порядке, офицер.

– Тогда не будем терять время. Всего пару вопросов и я передаю Вас в руки благородных людей в белых халатах.

Офицер уважительно посмотрел на доктора, затем подмигнул Элис.

– Никаких волнений, процедура чисто формальная. Мы не светим яркой лампой в лицо и не устраиваем перекрёстных допросов с пристрастием. Сами проходим подобные проверки раз в месяц, так что для Вас не сделано никаких специальных исключений.

Элис знала, что если не возьмёт себя в руки прямо сейчас, то окажется в одиночной камере "Кричащей Тишины" вместо Теремов. Инстинкт самосохранения пришёл на помощь в нужную минуту, – она почувствовала полное расслабление.

– Никаких проблем, офицер, делайте всё что необходимо. Мне ужасно интересно.

Офицер оживился.

– Я задам несколько вопросов, отвечайте коротко и по существу. Даже если один и тот же вопрос прозвучит дважды, отвечайте как есть.

Он сделал знак доктору. Элис прицепили электроды, доктор быстро настроил прибор. Послушался лёгкий щелчок, похожий на звук электрического разряда.

– Как Вас зовут?

– Элис.

– Откуда Вы прибыли?

– Из биохимического геттополиса.

– Цель приезда?

– Награждение.

– Кто вы по профессии?

– Фотограф.

– Сколько Вам лет?

– Двадцать два года.

– Имя данное Вам при рождении?

Элис на секунду задумалась.

– Мария.

– Вступали ли Вы когда нибудь в контакт с членами Штаба Сопротивления?

– Нет.

– Как зовут Вашего отца?

– Вейл Найтингел.

– Как зовут Вашу мать и младшую сестру?

Раздался громкий щелчок, ответ застрял в голове, как пуля от выстрела в затылок; Элис молчала, словно окончательно лишилась дара речи. Следующий вопрос последовал незамедлительно, как будто предыдущий был задан по-ошибке:

– Вы первый раз в Теремах?

– Да.

– Цель приезда?

– Награждение.

Доктор выключил прибор и помог снять электроды.

– Прекрасно справились, – сказал офицер. – Как видите ничего страшного. Обычная формальность. По-моему, на этом у меня всё, передаю Вас в руки медицины. Ещё раз спасибо, что согласились на проведение теста.

Доктор поднялся, Элис поняла, что с этого момента находится в его власти. Несколько подписанных документов он отдал офицеру, бланк с результатами теста оставил при себе. Затем равнодушно посмотрел на Элис:

– Офицер проводит Вас в медицинский центр. Я буду ждать там. До встречи.

Путь в центр лежал сквозь тёмные узкие коридоры, похожие на тоннели метро, они спускались на бетонированных лифтах, поднимались вверх по крутым лестницам. Элис казалось, что она бродит по внутренностям огромного каменного организма, – аэродром являлся лишь вершиной айсберга, глубоко под землёй скрывался целый военный город. Если бы охранник бросил её хоть на минуту, выбраться нару-

жу не было бы никакой возможности, – она навсегда бы заблудилась в этих мрачных катакомбах и блуждала во тьме до конца третьего тысячелетия. Доктор не мог добираться таким же путём; очевидно существовал более короткий и лёгкий способ добраться до центра. Смысла этих странных игр оставался загадкой.

Они пересекли подземную площадь, и подошли к обшарпанной белой двери, похожей на вход в ватерклозет. Охранник постучал, им открыла кислотица коротконогая женщина с квёлым раздражённым взглядом. Белый халат в жёлтых разводах вымученно сидел на жировых складках бесформенного тела. При ходьбе тело дёргалось, как полурастаявший, брошенный на тарелку холодец из дерьма. Пряди волос торчали на голове, как штормовые нагоны при цунами. Она была больше похожа на кухмистера, чем на медсестру. Существо отступило за дверь и нехотя предложило войти внутрь помещения.

Охранник бросил на стол стопку документов как раскрытые игральные карты:

– Полная на въезд.

Медсестра вытащила несколько листков грязными культишками, остальные отдала обратно офицеру.

Элис обвела комнату взглядом: огромное кресло в середине помещения напоминало миниатюрный электрический стул, железные шкафчики с белыми стеклянными дверками, доверху забитые тёмными пузырьками, ватой, бинтами,

ми, стальными зажимами и резиновыми трубками тянулись вдоль серых кафельных стен с жёлтыми разводами. На медицинском столике, в жестяных коробках, лежали стеклянные шприцы с красной разметкой и толстыми железными иглами. В правом углу находилась небольшая газовая плита. Весы, стоявшие в метре от неё, были устроены по такому же принципу как и те, что Элис видела в злополучном кафе, – площадка для взвешивания на другом конце уравнивалась стальной чашей, вмещающей в себя гири в виде атомных бомбочек. Уже знакомые Элис клювики жёлтых уток служили указателями для определения равновесия. Комната больше походила на пыточную, чем на медицинский офис.

Офицер удалился. Женщина одела синие перчатки, больше напоминающие спецодежду уборщицы, чем экипировку медсестры. Она ещё раз посмотрела на отобранные из пачки документы.

– Раздеваемся, взвешиваемся, садимся на кресло.

Голос, похожий на звон битого стекла, звучал как судебский приговор. Элис разделась и встала на весы. Клювики уток пришли в плавное движение. Медсестра сняла несколько чуточных бомбочек с чаши противовеса, – клювики остановились, образуя единую прямую линию.

Без одежды Элис чувствовала себя полностью незащищённой, она сошла с платформы и направилась к креслу. Женщина сделала запись в одном из документов, затем остановила её грубым жестом.

– Сядешь, когда я скажу.

Она развернула Элис лицом к двери и подошла к ней вплотную.

– Наклоняемся вперед. Медленно.

Элис заметила, что голос медсестры звучал уже не так уверенно. Она осталась стоять неподвижно, – циничное поведение существа в белом халате разрывало её нутро. Медсестра взяла непослушную пациентку за шею и с силой надавила на выйную область. От боли Элис подалась вперед, и согнулась как тростник. Медсестра присела на корточки и раздвинула ей ягодицы.

Бездумно поставленные подписи в документах, подсунутых хмырём, начинали красноречиво напоминать о себе. Медсестра часто задышала, Элис почувствовала, как что-то влажное касается её ануса, она попыталась вырваться и сделала шаг вперед. Женщина поднялась, Элис показалось что у медсестры кружится голова.

– Проходим на кресло, – существо с силой толкнуло её в спину.

Элис вспомнила про доктора, он должен был ждать в центре. Она хотела спросить про него, но передумала, – выяснение ненужных подробностей могло ещё больше разозлить существо в белом халате.

Элис находилась на обследовании всего несколько минут, а ей уже хотелось бежать по мрачным катакомбам куда глаза глядят, лишь бы вырваться из пыточной камеры. Она об-

речённо села в кресло, ожидая самого худшего. Медсестра устроилась рядом с ней и сняла перчатки. Последняя надежда была на доктора, но он не появлялся.

Через несколько секунд Элис с ужасом осознала, что подвергается грубой и бессмысленной гинекологической процедуре. Медсестра отвернулась и закрыла глаза, – она явно получала удовольствие от процесса. Узаконенное изнасилование, на которое Элис сама дала согласие, безответственно подписав ряд документов, продолжалось несколько минут. Медсестра задрожала и остановилась. Несколько секунд она сидела без движения, затем перевела дух и вяло потянулась к стопке листов, оставленных офицером. Существо отрешённо перелистывало страницы, до Элис ей не было никакого дела.

– Согласие на шесть прививок. Аллергии нет, – берём кровь.

Элис вспомнила про свою астму, но обсуждать это было уже поздно, – медсестра ставила на плиту жестяную банку со шприцем и толстой металлической иглой:

– Сразу предупреждаю, чтобы не пускала слюни – побочные эффекты вывернут на изнанку. Это я обещаю. Галлюцинации, лихорадка, свистуха, – с твоим уморенным здоровьем может много чего ещё. Но жить будешь, сдохнуть не дадут.

Бежать было поздно, – даже если бы за стеной не находился охранник, вырваться наружу без проводника не представлялось возможным.

– Я не стану! – взмолилась Элис, хорошо осознавая абсурдность своих слов.

Медсестра уже снимала кипящие шприцы с газовой конфорки.

– Поздно, милочка, поздно. Попасть в Терема без прививок ты не можешь, вернуться обратно тоже. Надо было прочитать хоть несколько страниц, прежде чем подписывать; сама дала согласие на участие в награждении, – теперь это не право, а обязанность.

Самое паскудное в словах старой развратницы было то, что она перешла на “ты”. Надо только пережить этот проклятый день и попасть в Терема живой.

– Я могу одеться? – бросила Элис с явным вызовом.

Медсестра, как будто, забыла, что пациентка сидела в кресле абсолютно голая. Она нехотя кивнула головой, бросив сальный взгляд на молодое обнаженное тело.

Элис быстро оделась, к ней частично вернулась самообладание. Медсестра усадила её перед медицинским столиком и перетянула левую руку резиновой трубкой. Толстая игла вошла в вену, Элис отвернулась. Она почувствовала, что теряет сознание. Резкий запах нашатыря вернул её к жизни, как в день теракта, когда её судьба изменилась необратимым образом.

Медсестра убрала колбу, разложила на рваном бинте шесть ампул и зло посмотрела на Элис.

– Ты дала согласие на все шесть прививок. В документах

значится, что ты понимаешь их действие и риск для организма.

Элис не поняла, являлась сказанная фраза вопросом или утверждением и никак не отреагировала. Медсестра достала из жестяной банки второй шприц, затем стянула с руки резиновый жгут.

После издевательств, завершившихся кровопусканием, Элис предстояло испытать на себе действие неизвестных галлюциногенов. Каждый из них теоретически мог вызвать аллергический шок и отёк бронхов. Формальные медицинские проверки, как утверждали хмырь и кролик, на деле представляли реальную угрозу её жизни. Бездумно подписывая документы, Элис полностью отдала себя в руки неизвестных людей, которым было плевать на Гиппократа, её саму, и на всю медицину в частности.

Она пыталась сконцентрироваться, включив последние остатки здравого смысла: умереть не дадут, для этого не стоило катать её на военном самолёте через всё Братство, как на туристическую экскурсию; побочные эффекты будут длиться несколько дней; перед Главкомыслящим она обязана появиться цветущей, как киноактриса, – значит будет достаточно времени чтобы восстановиться и прийти в себя.

Нехитрые наивные мысли придали немного сил. Временный прилив бодрости притупил страх перед пыточными причиндалами, – она дерзко протянула руку для экзекуции. Медсестра сделала шесть уколов не меняя иглы, затем под-

писала несколько листов. Сразу же после этого в комнату влетел офицер. Элис поняла, что всё это время он наблюдал за ней из какого-то тайного укрытия, видел как медсестра раздвигала ей ягодицы и насиловала на гинекологическом кресле. Медсестра отдала ему стопку бумаг, оставив несколько листов у себя.

– Полит-карантин, – сказала она, даже не взглянув на вошедшего.

Элис не знала что означало это слово, она потеряла интерес ко всему, что происходило в серых стенах вонючего медицинского склепа. Последний укол вызвал непреодолимое желание принять горизонтальное положение.

Она легла на холодный кафельный пол, не обращая внимание на присутствующих рядом с ней изуверов и неожиданно проваливаясь в белоснежную бездну глубокого болезненного сна.

III

Снег выпал в конце ноября. Коньки в геттополисе редкость, – отец купил одну пару, сдав донорскую кровь вне очереди, как бывший научный работник Теремов. Младшая сестра, Анна, вне себя от счастья, – ей выпал жребий первой встать на лёд. Она гладит коньки руками, даёт каждому своё имя, разговаривает с ними, стараясь чтобы не заметил отец.

Они выходят на улицу, Анна кружится, как лучшая фигуристка Нектарины, разбрасывая в стороны жёсткий оранже-

вый снег. Она смеётся и бежит к катку. Элис хочет догнать сестру, отец что-то кричит им вдогонку. Смех Анны сливается со звуком колокола. Он бьёт всё сильнее, переходя в набат. На сполох сбегается толпа людей. Элис не понимает куда пропала сестра, вместо неё она видит только стоящую в оцепенении толпу. Она оборачивается, – отца нигде нет, пропали даже следы. Элис зовёт Анну, но слышит только собственный хрип, задыхаясь от сильнейшего приступа астмы.

Элис проснулась от панической атаки на холодной кровати, в полумраке комнаты, похожей на дешёвый гостиничный номер. Бельё намокло от пота, – организм боролся с лихорадкой, которая и отправила её в глубокий болезненный сон. Она перебралась на сухую половину. Встать не было сил, – мысли намертво сплелись липкой верёвочной головоломкой.

Элис вспомнила расставание с отцом, затем полёт на военном самолёте. Мерзкие подробности принудительной вакцинации проявились не сразу, – память оберегала психику несколько минут. Она поняла, что в какой-то момент отключилась в медицинском центре и потеряла сознание от переутомления.

Шторы наглухо закрывали окна, – утренний свет еле прорывался сквозь маленькие щели тонкими снайперскими лучами. Элис не могла пошевелиться, – полная неизвестность происходящего в странном гостиничном номере оказалась страшнее, чем кровопускание через железную иглу в пыточной медицинской комнате. Полумрак сводил с ума и выво-

рачивал на изнанку психику. Она собралась силами, резко встала с постели и рывком раздвинула края плотной материи.

Яркая вспышка дневного света больно ослепила глаза через толстое звуконепропускаемое стекло. Разочарованию не было предела, – вид из окна не сообщал никакой информации о местонахождении. Бетонная стена с проходящими электрическими проводами была единственным убогим пейзажем, открывающимся из комнаты.

Глаза привыкали к дневному свету: кровать занимала почти всю площадь спальни, над небольшим письменным столом висел сливной информационный бак. Похожие слинфобачки, встречались на каждом углу биохимического геттополиса. Выход из спальни вёл в гостиную, – слинфобак, размером в стену, висел в ней напротив портрета Главногомыслящего. Окна вплотную упирались в бетонное ограждение. Небольшой столик для еды, диван для отдыха и внушительных размеров холодильник, доверху набитый едой, составляли всё убранство салона.

Входная дверь была наглухо закрыта. Справа от неё Элис увидела вход в небольшое помещение, оборудованное необходимыми женскими принадлежностями, – миниатюрный слинфобачок находился даже там. Всё это недвусмысленно говорило об одном, – ей предстояло провести несколько дней в полной изоляции. Элис вспомнила странное слово, брошенное медсестрой охраннику в медицинском центре – "по-

лит-карантин". Теперь его смысл был более чем понятен.

Слинфобачки подали признаки жизни одновременно во всех комнатах. На экране появился герб Братства, – жёлтая уточка-дицефал с кепочками вместо корон. Кепочка, – символ законности, – выражала факт, известный всему мировому сообществу, – Великая Поп Держава живёт чисто по понятиям и конкретно отвечает за свои слова. Уточка умиленно крикала, подчёркивая исключительное миролюбие Восточного Братства и умение вести дипломатические переговоры на высочайшем уровне.

Одновременно с появлением уточек, заиграл лёгкий патриотический джаз. Знакомый с детства *оперно-нравоучительный* голос затянул популярную патриотическую песню Братства:

Поле, минное поле...

Сколько дорог прошагать не пришлось!

Встречусь с тобою, ты – моя доля.

Всё не сбылось, в жизни всё не сбылось!

Выключить изображение или регулировать громкость не представлялось возможным, – пульты управления отсутствовали, на раме слинфобачка не было ни одной кнопки, даже для регулировки звука. Элис посмотрела на часы, – время шло к девяти утра. Ждать оставалось недолго, – через несколько минут она получит исчерпывающую информацию

о сроке и причинах своего заточения.

Приступ сильного голода возник, как внезапная судорога, – за последние сутки она съела только бутерброд, случайно предложенный кроликом. Ни одно элитное заведение в родном геттополисе не могло похвастаться таким обилием деликатесов, которые Элис нашла в холодильнике обычного гостиничного номера Теремов. Кряканье уток разогревало аппетит, – она жадно набросилась на еду.

Сливной информационный бачок разразился гимном Братства ровно в девять ноль ноль. Элис оторвалась от завтрака и, на всякий случай, сделала непроницаемое лицо. За ней наверняка вели наблюдение, хотя камер слежения она нигде не обнаружила.

На экране появилась надпись: "Добро пожаловать в Терема!". Через минуту гимн стал стихать, его заглушил приятный, почти сказочный женский голос: "Дорогой друг, огромную радость доставляет нам приветствовать Тебя в столице Великого Братства, – Теремах. Один лишь шаг отделяет Тебя от полноправного участия в великих свершениях, происходящих в самом сердце нашей Поп Державы. Мы рады познакомить тебя с нашей великой историей, духовной жизнью, эффективным политическим устройством, сильнейшей в мире армией, показать как самоотверженно трудятся жители Братства на лучших в мире гетто-предприятиях."

После короткого, но внушительного приветствия послышались аплодисменты, затем голос зазвучал снова: "Благода-

ря самоотверженному труду..". Элис пропускала мимо ушей патриотическую патетику, фильтруя из бессмысленного набора фраз лишь то, что непосредственно касалось её пребывания в загадочном здании, обнесённом бетонным забором.

Все догадки оказались верны, – ей предстояло пробыть в номере три дня, в полном одиночестве. Ровно столько времени, по мнению слинфобачка, требовалось иммунитету, чтобы выработать эффективную защиту от ряда инфекционных болезней после вакцинации. Самое неприятное было другое, – в течении всех трёх дней, с утра до ночи, с небольшими перерывами, неизвестный голос из сливного информационного бака обязал Элис слушать курс лекций по истории Братства, политическом устройстве, работе гетто-предприятий и чорт знает о чём ещё. Это была плата за изысканную, по меркам геттополиса, еду, и мягкую тёплую кровать.

С другой стороны, и из этого обстоятельства можно было извлечь пользу. Элис многое знала о Братстве от отца, но о многих важных аспектах жизни Поп Державы имела весьма поверхностное представление. Получить ценные сведения можно даже из государственного слинфобачка, главное – отключить мозг от пропаганды, фильтровать патриотическую шелуху и выделять между строк полезную информацию.

Первая лекция началась уже через несколько минут после затянувшегося приветствия. Её можно было пропустить без всякого ущерба для интеллекта, – лекция сообщала об-

щие сведения о Теремах, известные всем со школьной скамьи. Без фекальных пропагандистских удобрений, суть сводилась к следующему: Терема – культурный, духовный, военный и политический центр Братства. Отсюда происходит управление и организация работы крупнейших гетто-предприятий Поп Державы, отдаются военные приказы, ведутся политические переговоры на высшем уровне, решаются международные проблемы. От отца Элис знала, что, помимо всего перечисленного, из Теремов осуществляется контроль за умами граждан и планируются самые жёсткие акты устрашения против собственного населения. В последнем она лично убедилась несколько дней назад, наблюдая за действиями Элит-Кавалерии и спецназа из окна своей квартиры.

Небольшого перерыва хватило, чтобы сварить кофе, найденное в одном из шкафчиков гостиной. Этот шоколадно-карамельный аромат с привкусом бивня циветты Элис запомнила на всю жизнь. Сорт кофе, оставленный неизвестными доброжелателями, оказался на вкус таким же, что продавали на развес в злополучном кафе Барро. Нелепая случайность или продуманная деталь психологического давления? Кому и зачем понадобилось расшатывать её нервную систему таким дешёвым и глупым образом? Если её пригласили в Терема для вручения награды, то подобная игра аффектами в ворота её психики не имела никакого смысла. Её, напротив, должны оберегать всеми возможными способами от нерв-

ных срывов. Мозг отказывался давать ответы на подобные вопросы.

Вторая лекция оказалась более содержательной, речь шла о промышленном устройстве Поп Державы. Элис решила прослушать её от начала до конца, – подобная информация могла быть полезной для понимания экономических основ существования Братства. На слинфобачке появились огромные чёрно-коричневые трубы, – пейзаж, знакомый Элис с детства. Писклявый голос, полный брезгливого оптимизма, прославлял тружеников геттополиса, прикрепленного к биохимическому гетто-предприятию. Голос утверждал факт победы над медициной с помощью бесперебойного производства жизненно важных искусственных органов, доступных для каждого рабочего. Дети, играющие во дворах Братства в холодную войну вместе со своими довольными жизнью родителями, по версии писклявого рассказчика являлись лишним тому доказательством. Связь была совершенно не очевидной, но создателей ролика это никак не смущало.

Следующие пол часа были посвящены Министерству Трансплантации и его выдающейся роли в мониторинге состояния здоровья жителей Поп Державы. Возможность предоставления учетной записи на пересадку поражённого органа преподносилась, как великое завоевание Судьбоносного Дня Победы, и, по версии рассказчика, являлось тем, что отличало Братство от Северо-Баллистического Пасьянса и Нектарии, – заботой о физическом здоровье и облике мо-

рали своих законопослушных налогоплательщиков. Всё это патриотическое кваканье Элис пропускала мимо ушей.

От биохимического геттополиса повествование плавно перешло к его ближайшему соседу, – геттополису кварк-глюонного завода. Элис жила там некоторое время вместе с отцом, пока радиационный фон не стал превышать все допустимые нормы. Завод синтезировал искусственное золото из ртути с помощью ядерных реакторов. Война шла за каждый грамм, как утверждал писклявый голос в информационном стенде. Братских старателей, – людей, занятых в индустрии производства синтетических драгоценных металлов, он называл магами от науки, волшебниками, превратившими Братство в великую Поп Державу.

От отца Элис знала, предприятие было не просто убыточным, но и смертельно опасным для всех жителей геттополиса. Пренебрежение всеми нормами безопасности несколько лет назад привело к взрыву одного из реакторов. Последствия катастрофы не показали ни по одному каналу, сообщалось лишь о краткосрочном повышении радиационного фона в прилежащих районах. Голос рассказывал о базовых принципах ядерного синтеза, называл ничего не говорящие Элис цифры и подчёркивал исключительную важность процесса для всей Поп Державы.

Наконец лектор подошёл к самой интересной для Элис теме, – заводу клонирования. Вокруг этого загадочного предприятия был выстроен целый геттополис. Отец ничего не

рассказывал ей о нём, за исключением случайно брошенной фразы о гуклонах, когда они возвращались домой после неудавшегося теракта. Здесь Элис также ждало разочарование. Писклявый голос сообщал лишь общие сведения, – предприятие играло первостепенную роль в научном исследовании процесса человеческого мышления и нейронных гиперсетей сознания. О гуриях-клонах не было сказано ни слова.

Слинфобачок объявил о десятиминутном перерыве. Элис решила привести в порядок мысли. Чтобы представить к награде, за ней пригнали в Братство целый военный самолёт. Три дня её мозг шинкуют примитивной пропагандой, рассказывают фейковую от начала до конца историю Братства, знакомят с деталями его политического и экономического устройства. Всё это вряд ли сделано только для того, чтобы отправить домой сразу после церемонии. Ей предложат остаться в Теремах на неопределённый срок в качестве фотографа, как и говорил отец. Судя по нравам тех, с кем Элис уже имела честь познакомиться, от этого предложения отказаться будет невозможно. Если не умрёт от аллергического шока в течении недели, факт работы на правительство можно считать свершившимся. Над всем, что произойдёт дальше, она не имеет никакого контроля.

Единственное предостережение, данное отцом, исходило от штаба сопротивления, – Элис категорически запрещалось строить собственные догадки о том, кто в действительно-

сти мог являться законспирированным агентом штаба, и не при каких обстоятельствах не пытаться самой выйти с ним на связь. Теоретически кротом мог оказаться любой член аристо-элиты, или неприкасаемый из клана “сплотившихся”. Исключить можно было, разве что, самого Главногокомыслящего.

Слинфобак снова подал признаки жизни, разразившись лёгким военным гимном. Следующая лекция посвящалась политическому устройству Братства. Все знания Элис в этой области ограничивались базовым фактом, – во главе Поп Державы стоял Главникомыслящий, ему подчинялся клан “сплотившихся” и члены аристо-элиты. Она с удивлением узнала, что в Братстве действовала многопартийная политическая система.

Принадлежность членов аристо-элиты к той или иной партии определялась сферой их профессиональной деятельности, а не политическими убеждениями. Все, кто в той или иной степени имел отношение к клонированию, входили в партию “уклонистов”, – самую влиятельную в Братстве. Уклонисты традиционно создавали политические проблемы, особенно несколько семей живущих в башнях, слева от красного дворца. Их называли “левыми уклонистами”.

Владельцы и управленцы биохимического завода, штампующего человеческие органы, составляли ядро партии “Органы Государственной Безопасности”. Кварк-глюонный завод объединял всё высшее руководство в ячейку “Золото

Партии".

Элис внимательно прослушала всю лекцию до самого конца, но так и не увидела никакой логики в политическом устройстве Поп Державы. Решения по всем ключевым вопросам в конечном счёте принимал сам Гравнокомыслящий. Все остальные, включая “сплотившихся”, могли только кратко предлагать ему свои рекомендации. Давая советы лидеру Братства, чиновники в первую очередь пытались понять его собственное мнение по обсуждаемому вопросу, исключая таким образом возможность принципиальных разногласий.

На экране появилась Скрепная площадь – огромный плац перед Красным Дворцом Главнокомыслящего, мощёный цирконом и розовым гранатом. Начиналась смена почётного караула, – двуногие стальные роботы, брошенные Северным Пасьянсом во время ядерной спец операции, под нервный колокольный звон принимали вахту у двух братьев перед воротами дворца. Это всё, на что были способны бывшие монстры, созданные для уничтожения целых армий, оказавшись в руках инженеров Братства. Смысл костюмированного представления оставался неясен; скорее всего настоящей целью церемонии было напоминание всему цивилизованному всему миру о сидящем во дворце сумасшедшем, готовым в любую минуту расщепить на атомы всю солнечную систему.

Элис почувствовала сильное недомогание, – прививки

снова давали о себе знать. У неё начинался жар. Ей показалось, что невидимый оператор специально усилил звук в информационном стенде, – голос что-то бубнил о пастыре Сучковском, разведчиках Братства и государственной безопасности. На экране один за другим демонстрировались страшные теракты против мирного населения. Разрушенные здания сменялись горными пейзажами Агонии. Этой дикой и несчастной стране отводилась отдельная лекция. Элис попыталась забыться сном, это оказалось невозможно, – писклявый голос будил её всякий раз, когда она мерно проваливалась в бездну беспомыслия.

Информационный щит замолчал только в восемь часов вечера. Всё это время Элис находилась в сомнамбулическом состоянии, информация вызывала отторжение и гипнотизировала одновременно. Заснуть удалось не сразу, перенасыщенный пропагандой мозг рождал мрачные галлюцинации и третировал нервную систему тревожными предчувствиями, как при тяжёлом утреннем похмелье.

На следующий день всё повторилось заново. Гимн разбудил Элис в шесть утра, до девяти её мучали военные марши, иногда их ненадолго сменяли религиозно-патриотические песнопения, исполняемые тощими юношами, с бледными парафиновыми лицами. Затем на экране появилось уродливое тёмно-серое здание с маленькими решётчатыми окнами, обнесённое радиоактивной колючей проволокой. Это была самая знаменитая тюрьма Братства – “Кричащая Ти-

шина”.

В нескольких метрах от неё, над въездными воротами, возвышалась странная скульптура: огромная чёрная сова одним крылом закрывала рот белому дельфину, коготь другого крыла она подносила к своим губам. Тсс..! Не пищи – не получишь пищи, как бы говорила сова нерадивому морскому млекопитающему, выступая как наставница и защитница.

На экране один за одним появлялись опасные государственные преступники, собранные со всей Поп Державы. Почти все они, за исключением небольшого числа реальных террористов из Агонии, оказались талантливыми учёными или лучшими профессионалами в своей области; их лица были умны и просветлённы. Некоторые из них показались Элис знакомыми, – сколько она себя помнила, представители технической интеллигенции всегда были частыми гостями в их маленькой квартире. На примере своего отца ей не сложно было догадаться, в чём состояла их настоящая вина, – в отказе от сотрудничества со спецслужбами. На маньяков и конченных душегубов, напротив, смахивали охранники и вся администрация тюрьмы.

Весь оставшийся день, находясь в мутном вязком полудрёме, Элис слушала душераздирающие подробности терактов, совершённых “воинами неба” на территории Братства. Иногда рассказ прерывался описанием жизнеустройства самой страны Агонии, откуда прибывали террористы. Оно было ещё страшнее чем демонстрация последствий от взрывов

самодельных бомб, испаряющих в воздухе железо, вместе с человеческой плотью.

Одичавшие от междоусобных войн военные кланы этой, скатившейся в средневековые части света, охотно предоставляли Братству территории своих политических оппонентов для испытания квантового оружия. Это была уже не часть света, а часть тьмы. Последствие испытаний погружало целые жилые районы в античеловечный, первобытный вселенский хаос, где антивещество превращало пространство в решето из белых дыр. Братство находилось в дружественных отношениях с Агонией. Испытание сверхмощных лептонных бомб было лишь вершиной айсберга, крошечной частью того, что скрепляло кровью два людоедских государства. Взаимовыгодное сотрудничество шло и в ряде других сфер, о которых писклявый голос слинфобачка красноречиво умалчивал.

На следующий утро Элис почувствовала себя заметно лучше. Если верить администрации Теремов, наступил последний день её заточения. После традиционного гимна и обязательных пропагандистских внушений, уже ставших для Элис неотъемлемой частью утренней трапезы, на экране стенда появилась шахматная сборная Поп Державы.

Элис не интересовала эта тема, но отец был страстным и вполне приличным игроком. От него она слышала странные подробности о международных турнирах, на которые сама не обратила бы ни малейшего внимания.

Одним из друзей отца был известный математик и страстный любитель шахмат – Штейн. Друг часто заходил к ним и засиживался до поздней ночи, обсуждая с отцом философские аспекты игры. В один прекрасный день он бесследно исчез, пропал, как битая фигура с шахматной доски. Его дальнейшая судьба не была известна даже ближайшим родственникам.

Через некоторое время в шахматном мире стали происходить странные и пугающие перемены, – сильнейших гроссмейстеров мира в одночасье стали теснить молодые, никому неизвестные игроки Братства. Это произошло через месяц после международного политического скандала, который косвенно повлиял на шахматный мир Поп Державы.

Несколько лет назад Братство обвинили в похищении человека из Нектарики. Это было серьёзное и обоснованное обвинение. Страна считалась Меккой международных отношений и фактически являлось гарантом мирного сосуществования всех вменяемых государств. Северо-галактический Пасьянс заявил об убийственных санкциях, которые незамедлительно последуют в качестве ответной меры на беспредел восточного соседа.

Адские санкции не заставили себя долго ждать, – Братство отключили от всемирного шахматного интерфейса. Через месяц после приведения этой грозной меры наказания в исполнение, в шахматном мире стали появляться игроки невообразимой силы. Все они являлись гражданами Поп Державы.

вы и были похожи друг на друга, как две пешки из одного комплекта шахматных фигур. Хмурые неразговорчивые хмуры спортивного телосложения, немногословные и не дающие никаких комментариев о сыгранных партиях, начали побеждать на всех турнирах, демонстрируя исключительную филигранную технику.

Формально никаких претензий предъявить к ним было невозможно. Многочисленные проверки, тесты и скрытые наблюдения не выявили никаких нарушений. Было досконально установлено что хмурые гроссмейстеры, больше напоминающие своим атлетическим видом дзюдоистов, не пользовались во время игры никакой посторонней помощью. Хотя играли они действительно странно – простейшие и гениальные ходы делали с одинаковой скоростью, часто не смотрели на доску и рассчитывали варианты глядя куда-то вдаль. Ещё одна странность состояла в том, что новоиспечённые дарования наотрез отказывались играть блиц и никогда не соглашались на ничью, заканчивая игру когда на доске оставалась всего лишь пара королей.

Приблизительно в это же время была развёрнута специальная кампания по дискредитации быстрых шахмат. Сама идея игры с укороченным временем объявлялась оскорбительной для вековой шахматной традиции Братства. Гордый козлиный голос, летящий из каждой комнаты, прославлял великую шахматную школу Поп Державы. На международных турнирах, традиционно проходящих каждый год

в Нектарии, теперь принимали участия только гроссмейстеры Братства, вытеснив игроков Северо-Баллистического Пасьянса, Агонии и Нектарии. Этот парадокс безуспешно пытались разгадать многие эксперты, по-настоящему ценившие шахматное искусство, но Элис не было до этого никакого дела.

Рассказ о спортивной жизни Братства продолжился демонстрацией военно-патриотических учений для подростков, – будущих пехотинцев Главкомыслящего и бойцов Элит-Кавалерии. Одетые в герметичные защитные термотулупы, они разминировали минное поле и преодолевали химический ров, который Элис ошибочно приняла за серебряную речку, любуясь волшебными цветами из окна иллюминатора. Выживший в конкурсе победитель получал право участвовать в церемонии награждения и удостаивался чести принять почётный приз из рук самого Главкомыслящего.

Дети старались на совесть, рвение с которым они топили друг друга в ртутной жижи поражало. Почти ежеминутно требовалась помощь спасателей, наблюдавших за ходом учений. Выбывших из игры приходилось реанимировать, вылавливая из рва как дохлых рыб. Им одевали кислородные маски, ставили живительные капельницы, иногда был необходим прямой массаж сердца. Даже находясь на реанимационных носилках, они бессознательно махали руками, отгалкивая санитаров, принимая их за недавних соперников.

Главнокомыслящий наблюдал схлёст юнцов в бинокль из откатных ворот арочного укрытия для квантовых бомбардировщиков, находясь на безопасном расстоянии от бойни. Родители, чьи чада шли к намеченной цели по головам своих бывших товарищей, окружали его плотным полукольцом, и кротко выражали восхищение, происходящим на их глазах изуверством.

Радиационная стена была заранее выведена из строя специальной учебной группой альфа-сапёров – будущих военных инженеров и создателей нового поколения квантового оружия. Отдельная учебная команда, заградбригада Главногокомыслящего, работала между радиационной стеной и минным полем, подбадривая не слишком отчаянных юных пехотинцев длинными электрошоковыми копьями.

После немислимых патриотических злоключений двое подростков одновременно добрались до аэродрома. Оба елестояли на ногах и победоносно улыбались Главногокомыслящему. По правилам соревнования победителем становился только один. Возник небольшой конфуз; после недолгого совещания, был найден интересный и зрелищный выход из положения.

Вышедшим в финал подросткам дали десятиминутный отдых. За это время на аэродроме наскоро склотили две деревянные виселицы. Конкурс назывался "Пуповина Родины". Проигравшим считался тот, кто первым потеряет сознание и повиснет на петле без движения. Это было «серьёз-

ное испытание на выносливость». Санитары реанимационной службы уже расположились неподалёку и с интересом наблюдали за происходящим. Родителей поставили в известность, они с радостью и пониманием отнеслись к необходимому мероприятию.

Мальчиков поставили на деревянную скамью. Толстый краснолицый бугай, попискивающий от удовольствия, выбил опору из под ног несчастных, уже мало что соображающих претендентов. Подростки повисли на верёвках, как выловленные из пруда караси. Один дёргался в конвульсиях всем телом, второй сучил ножками, словно пытался убежать от своих мучителей. Пуповина родины мертвой петлёй держала сыновей за горло.

Через несколько секунд спазмы у висельников прекратились почти одновременно. Дитина, выступавший в роли то ли судьи, то ли палача, объявил победителя, но подбежавшие родители имели на это счёт собственное мнение. Началась потасовка, – мамы вцепились друг другу в волосы, их ожиревшие супруги толкались мамонами, словно подвыпившие борцы сумо. Из за возникшей суматохи служба спасения не смогла вовремя снять детей с петли. Послушались истеричные крики, затем картинка резко пропала с экрана.

Всё оставшееся время слинфобак посвящал этике поведения во Дворце, технике безопасности и административному кодексу Поп Державы. Это был хороший знак – срок заточения, очевидно, близился к концу. Элис чувствовала се-

бя уверенней, приступы лихорадки не возобновлялись, страх перед церемонией награждения ещё не дразнил нервную систему. Несколько дней, проведённых в одиночестве, позволили ей полностью восстановиться физически. Астматические спазмы, измотавшие её волю в биохимическом гетто-полисе, бесследно исчезли. Она ещё не успела привыкнуть к одиночеству, – желание услышать живую речь проснулось с новой силой и возрастало с каждым часом, проведённым в гостиничном номере.

Информационный сличфобачок замолчал на несколько часов, на экране, застыло изображение Теремов. Тишина оглушила Элис, – хотелось кричать, но это запрещалось правилами поведения и административным кодексом. Ей начало казаться, что вместо гостиничного номера она находится в камере "Кричащей Тишины".

Пространство комнаты разорвал уже знакомый Элис сказочный голос: "Дорогой друг! Сердечно благодарим Тебя..". Она пропустила слова мимо ушей, – на экране стенда появился длинный гостиничный коридор с красными стенами, обвешанными портретами Главнокомыслящего. Два человека неторопливым шагом направлялись к её номеру.

IV

Входная дверь вздрогнула, десюдепорт замигал дискотечными лампочками, рисуя портрет Лидера Поп Державы, под щёлканье личиночных огнеупорных замков. На пороге по-

явился кролик в сопровождении эксцентричной пучеглазой толстушки. Ещё не успев войти в комнату, они начали громко и дружно аплодировать. Элис показала, что в отличии от кролика, женщина делала это искренне. Элис не успела вымолвить и слова, как толстушка подбежала и обняла её как лучшую подругу.

– Мадам Пердю, – представилась чиновница. – Твоего гда я отправила обратно в свой люкс для нищих. Беру тебя под своё шефство, и личную ответственность.

Она улыбнулась и загадочно покосилась на кролика. Элис интуитивно чувствовала, что главный в комнате он, но непринуждённость и дружелюбная интонация, с которой Пердю произносила каждое слово мгновенно расслабили её. Про себя Элис радовалась, что наконец может перемолвиться с кем-то живым словом и, судя по весёлому нраву пузаньи, не взвешивать каждую мысль дважды.

Кролик поздравил Элис с успешным прохождением полит-карантина, учтиво извинился за причинённые неудобства, и выразил уверенность в том, что лекции были познавательными для вновь прибывшей гостыи. От него Элис узнала, что Пердю лично подбирала ей еду по группе крови и избавила от ещё одного дня заточения, решив лично подготовить Элис к церемонии награждения. Пердю почтительно наклонила голову, выражая кролику благодарность, последний не прощаясь удалился.

Они остались вдвоём в гостиничном номере. Запах ду-

хов "Шинель номер 5" мгновенно распространился по комнатам. То что творилось у Пердю на голове скорее напоминало атомный полигон или торт из белых червей, чем причёску. Этого было достаточно, чтобы понять её принадлежность к аристо-элите. Вишенкой на торте был птичий помёт, аккуратно красовавшийся в самом центре головы.

Эта неожиданная деталь женского туалета смутила Элис, – она вызывала одновременно приступ рвоты и желание находиться подальше от собеседницы. Тем не менее Пердю, как будто специально, держалась на расстоянии поцелуя. Запах духов был не так противен как газовая атака, идущая изо рта этого суетливого существа. На секунду Элис показалось, что она опять попала в биохимический геттополис.

Несмотря на это, Пердю вызывала в ней симпатию. Несколько предложений, сказанных этой толстушкой, было достаточно, чтобы исключить её из списка подозреваемых агентов штаба сопротивления. Так искусно играть простушку не смог бы ни один актёр, и уж тем более, шпион без прикрытия.

Если Пердю действительно взяла над ней шефство без тайного злого умысла, для Элис это был выигрыш в бинго. Чиновница оказалась необычайно словоохотливой и жадной до сплетен. Всего через четверть часа Элис знала чуть ли не все подробности её жизни в Теремах, включая самые пикантные.

Человек, которого Элис мысленно называла кроликом,

оказался одним из самых влиятельных чиновников в Теремах. Он входил в состав сплотившихся и являлся главным советником Главногокомыслящего по всем политическим вопросам. От Пердю она узнала его настоящее имя – Кирка. Оно волшебным образом оказалось созвучно с кличкой, придуманной Элис.

Пердю разъяснила причину, по которой высокопоставленный чиновник оказывал столь пристальное внимание к её скромной особе. Кирка сделал головокружительную карьеру в Теремах не только благодаря собственному уму, интуиции и дару политтехнолога, но и врождённой педантичности. Он лично имел отношение ко всему, что происходило во Дворце. Убедившись персонально, что на награждение прилетела Элис, а не замаскированный воин неба или шпион Северо-Баллистического Пасьянса, он позволил чиновнице взять на себя дальнейшие хлопоты.

Пердю с супругом жили в третьем кольце башен Теремов. Они принадлежали к аристо-элите, но не входили в состав “сплотившихся”, что, как казалось Элис, огорчало чиновницу, больше, чем бесплодие и язва желудка. Вместе с мужем они отвечали за функционирование башен Дворца, их ремонт и обслуживание.

Пердю ненавидела свою должность уже несколько лет. В ней не было, по её же словам, никакой движухи и возможности изменить собственный государственный статус, – войти в высший круг аристо-элиты, – круг “сплотившихся”. В Элис

чиновница увидела свежие уши и возможность безнаказанно изливать планы на будущее, не стесняясь в выражениях и описаниях конкуренток по политическим интригам. Пердю оказалась набожной натурой, но набожность имела горький привкус политических фабул.

Бегая чуть ли не каждый день в теремок-исповедальню, она каялась в том, что неволью оказывалась свидетельницей экспоненциального грехопадения остальных претенденток на посвящение в круг избранных. Можно было легко предположить в какие инстанции отправлялись эти духовные откровения после тайной исповеди. С присущей ей душевной простотой Пердю считала, что представленный компромат на соперниц должен носить исключительно сексуальный характер. С Элис она взяла слово посетить теремок вместе с ней, как только представится первая возможность.

От мадам Пердю, первый раз за всё время полит-карантина, Элис услышала правдивую лекцию о нравах и движущих мотивах поведения людей, населявших Терема. Политическое устройство Братства напоминало обрывистую скалу-муравейник, восхождение на которую зависело от прочности выстроенной интриги, а не крепости рук или страхового каната. Штурмующий новую высоту мог полагаться только на себя и работал без страховки. Плохо сплетённая интрижка могла лопнуть в любой момент, и тогда сила тяжести государственного устройства обрекала на смерть всю семью полит-альпиниста.

Над скалой, как зоркий двуглавый орёл, парил сам Главнокомыслящий. На её вершине находились те немногие, с кем лидер Братства был готов обсуждать самые лихие операции спецслужб. Они называли себя “сплотившимися”. В касту избранных входили высокопоставленные чиновники, представители спецслужб и высший военный состав Братства. “Сплотившиеся” являлись членами аристократической элиты, или сокращённо аристо-элиты, как и остальные представители “нового дворянства”, стоящие рангом ниже на иерархической лестнице.

У самого подножья находились управленцы и “эффективные менеджеры”, – директора гетто-предприятий. “Эффективные менеджеры” отличались от управленцев профессиональной непригодностью и абсолютным нежеланием участвовать в производственном процессе. Управленцы, в отличие от “эффективных менеджеров”, не являлись членами высшего общества, но потенциально имели возможность примкнуть к его рядам. Достаточно было проявить выдающуюся услужливость перед кем-либо из “сплотившихся” или удачно сконструировать интригу против зарвавшегося члена аристо-элиты.

На земле и под её поверхностью находились все остальные, – обычные жители Братства. Аристо-элита называла их крестопьянами. Кресотпьяне не могли стать членами аристо-элиты, – принадлежность к аристократии передавалась по наследству, что гарантировалось конституцией Братства.

Сами члены высшего сословия, подобно муравьям, поднимались и падали с муравейника чуть ли не каждый месяц. Их перемещения легко отслеживались по скандальным новостям "Братство Сегодня". Аресты одних и яркий взлёт других были нормой и стимулом в выстроенной системе. За всё время существования муравейника, только одному члену аристо-элиты удалось попасть в касту "сплотившихся", – бывшему ассенизатору Главногокомыслящего.

Показательным было и то, что ни один управленец не входил в элитарный состав Братства. Пердю объясняла это подчёркнутой отстранённостью бывших талантливых бизнесменов от любых политических интриг. Они хорошо понимали цену за проигрыш, несопоставимую с любым дивидендом от членства в обществе алчных психопатов. К последним, вопреки логике, Пердю себя не причисляла.

Из за её болтовни они уже час находились в гостиничном номере. Элис терпеливо ждала, когда чиновница предложит ей, наконец, выйти в Терема и осмотреть окрестности. Когда на щите снова заиграл гимн Братства, чиновница вспомнила истинную причину своего визита и схватила Элис за руку:

– Знаешь что самое важное в процедуре награждения?

Пердю сделала загадочное лицо и выдержала паузу, подчёркивая собственное интеллектуальное превосходство. Затем сама ответила на вопрос:

– Самое важное – это преподнести правильный подарок Главнюку после официальной части церемонии! Я покажу

тебе кое-что. Оно в моём кабинете.

Глаза чиновницы сверкнули болезненным блеском. Любой житель геттополиса, кто посмел бы назвать Главногомыслящего Главнюком, получил бы десять лет лагерей, наследуемых ближайшими родственниками в случае преждевременной смерти обвиняемого.

Элис было всё равно куда идти, лишь бы поскорее вырваться наружу, – от речей чиновницы у неё начиналась агорафобия. Надежда на прогулки по вечерним улицам Теремов не оправдалась, – у выхода из ворот отеля их ждала правительственная машина. Точно такой же чёрный саркофаг доставил Элис несколько дней назад из геттополиса на военный аэродром.

Они проехали несколько пропускных пунктов и неожиданно остановились в аквариуме. Водитель выпрыгнул из машины, поклонился мадам и мгновенно исчез. Элис не поверила своим глазам, – вокруг неё плавали психоделические кальмары, морские черти, утконосые химеры и малоротые рыбы-попугаи. Аквариум поднимался вверх, как всплывающая на поверхность хрустальная подводная лодка. Пердю искоса посмотрела на Элис и по-свойски толкнула локтем в бок:

– Акво-лифт! Теперь и в третьей башне! Моя затея, дорогая!

От удивления Элис не могла вымолвить и слова. Маленькая вертикальная кунсткамера в блочном девятиэтажном до-

ме её родного биохимического геттополиса тоже называлась лифтом. Даже старожилы испытывали мучительные приступы клаустрофобии в этом узком гробике, едва вмещающем двух человек.

В девять лет Элис стала свидетельницей трагедии, – лифт разорвал на части соседа по лестничной клетке, – маленького мальчика, с детства мечтавшего вступить в пехоту Главногомыслящего. Его зажало внешними дверями, когда он, удовлетворяя своё детское любопытство, всматривался в безмолвную черноту шахты. Десятитонная кабина снесла ему пол головы, выплюнув мозги на лестничную клетку. Тело несчастного оставалось в вертикальном положении пол дня, пока приехавшие санитары морга не сбросили тело в тоннель подъёмника, чтобы не тащить вниз с девятого этажа. С тех пор Элис предпочитала ходить по лестнице и пользоваться любым видом подъёмных устройств только при крайней необходимости.

Акво-лифт доставил их прямо в кабинет Пердю, вместе со служебной машиной. Чиновница с гордостью указала Элис на своё рабочее место. Огромный стол, стилизованный под дубовый, был сделан из золота и покрашен в тёмно-коричневый цвет. Пердю заявила об этом, ещё не успев выйти из машины. В доказательство своих слов она показала Элис широкую жёлтую царапину на левой балясине.

На столе стоял бюст "Главногомыслящий на конроботе". Пердю называла бюст кентом, будучи абсолютно уверена,

что “кент” является сокращением от слова кентавр. Чиновница объяснила Элис, что, согласно древней мифологии двадцатого века, кентавр – бессмертное существо с башкой и торсом человека на туловище конробота.

Над столом висел портрет лидера Братства. Главномыслящий сидел на стальном четвероногом монстре как на огромном пудр-клозете. Мизинец Главнюка был величественно устремлён за горизонт. Портрет назывался "Позыв в рай". Ещё один кент, размером с человеческий рост, стоял в углу, справа от портрета.

Кабинет был наглухо отделён от окружающего мира и природы толстым звуконепроницаемым стеклом, в него не проникал ни один шорох со стороны. Музыкальный генератор имитировал шум дождя, листьев, грозы или щебетание птиц, в зависимости от погоды или прихоти чиновницы. Каждый час он прерывался, чеканя гимн или патриотические ритмы.

Пердю неожиданно вздрогнула и рванулась в дальний угол комнаты как сумасшедшая.

– Ах ты гадёныш! – иступленно заорала чиновница и выхватила длинный золотой шест с закреплённой на конце авоськой из за статуи Главнюка.

Элис подняла глаза и увидела пустую, раскачивающуюся из стороны в сторону клетку. Чёрная мощная птица, похожая на огромного орла, бешено заметалась по комнате, задев Элис острыми как нож крыльями. Элис вскрикнула от неожиданности и бросилась под стол. Пердю запрыгала

по кабинету, пытаясь достать беглеца самодельным золотым сочком. Она зычно причитала, как будто хоронила кого-то из близких. Орёл неистово гадил на чиновницу, конных роботов и самого Главногомыслящего. Отточенными искусными движениями ей в конце концов удалось загнать птицу обратно в стойло.

Элис вылезла из укрытия и осторожно подошла к клетке. От увиденного, она чуть не потеряла дар речи, – огромный двуглавый Беркут пытался разорвать стальные прутья мощными клювами и острыми, как заточка, когтями. Его головы смотрели в противоположные стороны и дырявили пространство грозными сверлящими взглядами.

Как профессиональный фотограф, Элис прекрасно разбиралась в редких птицах. Мадам Пердю не отдавала себе отчёт в том, какой опасности подвергла себя и своих гостей. Её свободолюбивый питомец мог одним лёгким укусом разорвать жертве сонную артерию или перебить лапами позвоночник.

Пердю открыла небольшую алмазную шкатулку, голыми руками достала из неё несколько длинных склизких червей и бросила в клетку. Две головы стали жадно бороться за пищу, не понимая, что находятся в одном теле.

Прийдя в себя, чиновница рассказала Элис историю своего необычного домашнего питомца. Она вложила в проект целое состояние. Путём сложных исследований и многочисленных экспериментов в области генной инженерии,

группе биологов удалось получить эмбрионы двуглавого орла. Из десяти тысяч особей, произведённых на свет, только один преодолел эмбриональную стадию развития и дожил до взрослого возраста.

Пердю, была уверена, что птица должна стать самым подходящим подарком Главнюку к церемонии награждения. По неизвестно откуда полученным, и плохо проверенным данным, чиновница решила, что двуглавый орёл был когда-то символом империи, где много лет назад родился Главнокомыслящий.

Эмбрион усиленно кормили, дрессировали, пытались научить человеческому языку, заменяя аминокислоты геномом речи. Зародыш постепенно превращался в величественную красивую птицу с огромными чёрными крыльями и забористыми когтями. Говорить он так и не научился, но мадам, на всякий случай, решила вырвать ему оба языка. После этой варварской экзекуции двуглавый Беркут стал буйным и мстительным. Он пытался вырваться из клетки при каждом удобном случае и гадил по всем углам кабинета. Ему уже требовался собственный ассенизатор, как и самому Главнокомыслящему.

Элис была не в восторге от увиденного. Беркуты были почти неотличимы от орлов-могильщиков, что могло сыграть с мадам очень дурную шутку. Более того, прошлое Главнокомыслящего было спрятано под семью замками. Это знал чуть ли не каждый школьник. Никто из живущих в Братстве,

включая “сплотившихся”, не мог точно утверждать где и когда родился будущий лидер Поп Державы.

Сведения, добытые Пердю, не выдерживали никакой критики. Элис показалось, что мадам хотят грубо подставить. Со стороны это было совершенно очевидно. Она не могла сказать это вслух, чиновница всё равно не услышала бы её доводов.

– Успех – это исключение из правил, Эля, – торжественно объявила Пердю. – А традиции исключений не существует даже в Теремах.

Из сказанного Элис поняла лишь то, что эта нехитрая мысль не принадлежала мадам. Её внушил ей кто-то другой. Именно он и решил подставить чиновницу, убедив сделать рискованные вложения в дорогостоящий идиотский проект.

– Прекрасная идея, – аплодировала Элис, пытаясь придать наигранному восхищению, хоть немного искренности. – Но птице потребуется успокоительное, иначе последствия будут непредсказуемыми.

Чиновница вытаращила глаза от удивления, от чего стала чем-то похожа на своего выкорымыша.

– Норм. В непредсказуемости и есть весь смысл. Уж Главнюк это точно оценит. Его самого, поди предскажи.

Как Элис и предполагала, спорить не имело смысла. Подготовка к церемонии награждения, похоже, заканчивалась на знакомстве с двуглавым пугалом.

Комната, которую Элис ошибочно приняла за рабочий ка-

бинет мадам, на самом деле была жилищем двуглавого Беркута, или, выражаясь официальным языком, – “комнатой для помёта”. Настоящий “кабинет” включал в себя рабочую комнату, несколько спален, спортзал, кинотеатр, гараж, ангар для одежды, зал для молебн и зубной кабинет.

Всё это было в распоряжении Элис до завтрашнего утра. Церемония награждения была назначена на полдень. Чиновница хотела собственноручно подобрать Элис одежду для встречи с Главнюком, но, к счастью, еле стояла на ногах после борьбы с Беркутом. Перед тем как удалиться, она подошла к Элис и растянула ей десна в разные стороны, как растягивают их лошадям, для осмотра зубов перед заключением торговой сделки.

– Перед “Самим” улыбаться будешь, зубки блестеть должны.

У Элис не было сил сопротивляться, по сравнению с медицинским осмотром эту выходку можно было считать пожеланием спокойной ночи. На этой деликатной ноте инструктаж к церемонии был окончен.

IV

Элис проснулась и не поверила своим глазам, – две молодые гувернантки одевали мадам, как маленькую девочку. Последний раз она видела нечто подобное в исторических фильмах про аристократов девяностых годов прошлого века. На Пердю затягивали электронный корсет, используя ди-

станционные пульты управления. Чиновница визжала как поросёнок и материлась; визг сливался с криком Беркута. Птица предчувствовала фатальный поворот в судьбе хозяйки и своей собственной.

Элис наотрез отказалась от каких либо услуг камеристок и занялась приготовлениями к церемонии. Через час они были готовы к выезду. Выкормыш будто сошёл с ума, его пришлось силой запереть в непроницаемый кожух и поместить в багажник.

На акво-лифте они спустились к распашным воротам Башни. Уже через несколько минут машина выехала на Скрепную площадь. Мощёный драгоценными камнями плац переливался всеми оттенками красно-коричневого. Они подъезжали к святой святых Братства – Красному Дворцу Главнокомыслящего, где и должна была состояться церемония награждения.

Золотые узорчатые ворота отворились как по команде, двуногие роботы автоматически взяли под козырёк. Гостей остановила охрана, – долговязый детина в кирасирской барашковой шапке всунул седую голову в машину.

– Пропуск бы предъявить, барыня.

Пердю показала пальцем на Элис, как на музейный экспонат.

– Сопровождаю представленную к награждению.

Из багажника доносились стоны двуглавого, это насторожило гвардейца. Он вопросительно посмотрел на мадам. Чи-

новница похлопала его по бороде, как барана, и дала в зубы десять рваных. Гвардеец пробурчал слова благодарности, не выпуская денег изо рта, и убрался восвояси.

Теперь Элис узнала истинную причину своего опекунства высокопоставленной чиновницей, – Пердю не значилась в списке приглашённых. Попасть на церемонию в качестве сопровождающей одного из номинантов был её единственный шанс. Если подарок придётся по душе Главнюку, мадам делает головокружительную карьеру не прилагая никаких усилий и войдёт в состав “сплотившихся”.

Черный катафалк пронёсся через подземный тоннель и въехал в акво-подъемник неизмеримо больших размеров, чем лифт третьей Башни дворца. Почувствовав близкое присутствие орла-полицефала, мелкие морские гады шарахнулись от них, как от огня. Длиннокрылые акулы и плащеносные змеи, напротив, бились в стёкла до крови, сопровождая машину до последнего этажа. Элис вжалась в кресло, ей стало не по себе от подозрительных взглядов морских чудовищ; чиновница, напротив, весело хихикала.

Из за суеты с птицей они опаздывали на протокольно-церемониальный фуршет. Все были в сборе в ожидании неизвестной Жанны д'Арк, спасшей сотни людей, предотвратив гетто-теракт.

Морские люфт-монстры были лишь жалкими червями по сравнению с настоящими, – теми кто ждал наверху. Подъемник плавно въехал в огромный актовый зал. Пердю взяла во-

дителя за ухо, как нашкодившего кота.

– Займись птицей! Чтобы до конца церемонии не пикнул. Шкуру спущу с обоих.

Водитель воровато выполз, достал кожух с выкормышем и удалился. Лицо мадам изменилось, от волнения на нём стали проявляться слабые признаки интеллекта. Чиновница достала из сумочки золотую манерку, сделала несколько глотков, затем передала Элис.

– Пристегни ремни, Эля. Сейчас самое время.

Пердю умнела на глазах. Элис оценила шутку и допила остатки. Они вышли из машины, лифт опустил катафалк обратно в акво-шахту.

Фуршет был в самом разгаре. Толпа чиновников, разноцветная, как пластиковые мусорные отходы, присматривалась к изысканной жратве и строила планы на алкоголь на фоне огромных узорчатых ворот, украшенных мелкими брильянтами.

Молодой юркий официант умело управлялся с острой восточной саблей времён крестовых походов. Заметив новых гостей, он театрально опустил голову, встал на одно колено и вручил саблю чиновнице, совершая потешную акколаду. Десять бокалов шампанского балансировали на алмазной искривлённой рукояти, как светящиеся цирковые кегли. Елмань, украшенная дорогими камнями, манила пещерными моллюсками с белыми трюфелями. Мадам приняла дары и разделила их со своей подопечной. Официант поклонился и

пошёл прочь.

Из центра зала к ним приближалась низкорослая сгорбленная женщина с перекошенным от злобы лицом. Пердю ткнула Элис локтем.

– Мелюзина, – патриотическое воспитание молодёжи, первая Башня, партия "Органы государственной безопасности". Входит в состав "сплотившихся" уже пять лет. Жуткая стерва, ненавижу.

Элис вспомнила, что, согласно кельтской легенде, фея Мелюзина была осуждена за отцеубийство и, в качестве наказания, каждую неделю превращалась в змею.

Женщина подошла к мадам вплотную, не обращая на Элис никакого внимания, и зло посмотрела на чиновницу.

– Зубы ей проверяла? Крестопьянку привезла, не забывай! Хоть пятнышко будет, голову оторву и в очередь на пересадку запишу. Поедешь вместе с ней в геттополис на трансплантацию.

Элис подумала, что Пердю выплеснет шампанское Мелюзине прямо в лицо, но чиновница даже не повела бровью.

– Норм, сама проверяла, комар не подточит.

Лицо Мелюзины было похоже на скомканный клочок использованной туалетной бумаги. Элис поймала на себе взгляд, полный унижения и немотивированной злобы. Мелюзина подошла к ней вплотную, превращая первое знакомство в жёсткий бойцовский стердаун.

Пердю молчала, бросив подругу на произвол судьбы. Элис

не знала как реагировать, столкнувшись с внезапной, слепой агрессией. Она робко приподняла уголки губ и опустила глаза, стараясь утихомирить злую фею притворной кротостью поведения. Это сработало, – чиновница первой Башни ослабила натиск.

– Улыбайся, когда смотришь на солнце! – бросила она Элис, убираясь восвояси.

– Эта гнусина вся состоит из испанского стыда, – прошептала сквозь зубы Пердю. – Ей стыдно за всех кроме себя. Ну скоро ты у меня совой запоёшь, погоди немного, первая Башня. Скоро обезбашенной останешься, у крестопьянок милостыню будешь кланчить.

Тем временем стоящие вокруг чиновники начали проявлять интерес к необычной гостье. К ним подошёл высокий крепкий человек лет шестидесяти с лицом слесаря, одетый в парадную кавалерийскую форму. Он поздоровался с мадам, соблюдая все официальные приличия, затем повернулся к Элис.

– Слышал, это, о Вашем, ну, подвиге. Выражаю, как бы, благодарность ото всей, на, кавалерии и от себя, на, лично, на.

Он сухо пожал Элис руку, по военному развернулся на триста шестьдесят градусов и достойно удалился.

– Артур-Аурофоб, – прошептала Пердю. – Генерал-фельдмаршал Элит-Кавалерии. Ядро сплотившихся, ячейка "Золото Партии". Клептофоб, всю жизнь боялся

украсть что-либо, даже игрушки у друзей в детстве не воровал. Зато как взял под контроль Кавалерию сразу стал бороться с болезнью. Теперь крадёт у солдатиков всё что под руку попадётся, – капусту, картошку, даже знаки отличия, – надеется излечиться таким образом. На всякий случай смотри за карманами.

Элис не очень интересовали подробности, но мадам доставляло удовольствие проявлять свою осведомлённость.

Элис увидела хмыря, отвечавшего за её высылку из геттополиса. Он стоял с двумя туполицами, коротко постриженными ребятками, похожими друг на друга как две отстрелянные гильзы. Они разговаривали громко, словно хотели, чтобы их услышали. До Элис доходили короткие обрывки фраз.

– Поймал попрыгушку?

– Куда ж денется, взяли тёпленькую.

– А что с этим? – один из туполицых изобразил гонщика.

– Вся любовь и сиськи набок, – ответил хмырь и взял себя за горло, изображая повешенного.

Все трое громко заржали и взяли по бокалу с сабли вовремя подоспевшего официанта.

Пердю заметила, что Элис следит за спецслужбистами.

– Двое из ларца, – прошептала она на ухо Элис и сильно толкнула в бок локтем, словно предупреждала об опасности. – Легендарные личности. Советую остерегаться. Здоровее будешь.

Хмырь не проявлял к Элис никакого интереса, он смотрел

сквозь неё равнодушным взглядом, как будто они не были знакомы вовсе.

– Посмотри налево, у второго стола, – прошептала Пердю. – Только не пялься. Шайбу – министр нападения.

Элис начинала хмелеть, ей стало смешно от имени столь важной особы.

– Он что, любит играть в хоккей? – спросила она игриво и нагло уставилась на министра.

– Ха ха, – рыгнула мадам. – Алкоголь начинал действовать и на неё. – Я его с детства знаю. Когда-то в одном дворе росли. С врождённой психрофобией и приобретённой в детстве хионофобией, он даже на лёд ни разу не вышел. Зато орал громче всех, как резаный: Шайбу! Шайбу! Вот и заслужил погоняло. А как должность министра нападения занял, ещё и баллистофобию заработал!

К Шайбу подошёл высокий человек с лицом насмерть удивлённого чибиса и глазами конченного психопата.

– Потрох-Петруша, – еле слышно сказала Пердю. – Глава службы безопасности Братства. Второй человек после Главнюка. Считай что находишься в пяти метрах от полубога.

Шайбу и Потрох-Петруша о чём-то оживлённо беседовали. До Элис долетали лишь отдельные слова: "нагнетание обстановки", "поставки вооружения", "кокаин", "Агония".

Справа от Элис послышался громкий смех. Небольшая толпа окружила пожилого жирявого человека, напоминающего огромную болотную жабу. Красный шарообразный

нос делал своего обладателя похожим на невесёлого клоуна. Рядом стояла молодая девушка спортивного телосложения. Жирявому явно нравилось находиться в центре внимания. Толпа покатывалась со смеху от каждого слова. Пердю взяла Элис за руку.

– Жирноносый – придворный глумотворец. Этот – классический эргофоб, ни дня не работал в своей жизни. Рядом с ним Мафушка – одна из лучших агентов спецслужб. Вот этого стоит послушать. Пойдём ближе.

Пердю потащила Элис к компании.

После третьей рюмки "Божьей росы" на глумника снизошла шутовская благодать, – паяц заходился пикантными подробностями из жизни разведчиков Братства. После глумления над управленцами гетто-предприятий, это была самая любимая тема.

Шута уже обступила гогочущая толпа чиновников в предвкушении очередной истории, которую можно было услышать из первых уст. Речь шла о пастыре, которого послали за границу для работы под прикрытием. Пастыря раскрыли спецслужбы Северо-Баллистического Пасьянса и вынудили работать против Братства. Его пылкая деятельность причиняла Поп Державе огромный ущерб. Согласно доброй традиции спецслужб, Главнокомыслящий лично вынес ему смертный приговор, который немедленно подлежал исполнению. И здесь возникли проблемы.

Первая группа исполнителей потерялась в Пасьянсе,

осматривая волшебные достопримечательности, – соборы, дворцы, колокольни, – все что попадалось под руку. На помощь вылетела группа поддержки, которая отнеслась к поставленной задаче более профессионально. Спецслужбисты нашли дом пастыря и заложили бомбу, используя дверной колокольчик, как детонатор.

Проблема была в том, что колокольчик оказался чисто декоративным. В Пасьянсе уже сто лет не пользовались даже электронными звонками. Зарытая у входа бомба заржавела через три месяца, на четвёртый её извлекли строители, перестраивающие пастырю крыльцо и утилизировали на запчасти, приняв за устаревшее ассенизаторское устройство. Третья группа вообще не смогла доехать до места операции, поддавшись плотским искушениям, коих в Пасьянсе было предостаточно.

Тогда к делу подключилась Мафушка. Она легко вошла в контакт с пастырем. Учитывая пристрастие “святого отца” к дорогом вину, надо было лишь высыпать ему яд в бутылку, но сделать это оказалось архисложно. Об этом и рассказывал Шут, когда подошли Элис с Пердю.

– Шпион этот, завербованный, знал, что его отравить хотят. Никак к нему подступиться нельзя было. От Мафушки, он, конечно, этого не ждал, – влюблён был в неё по уши. Но протокол есть протокол, её тоже шмонали дай Бог. Она что только не делала. Штопоры, дорогие, приносила, отравленные, – не использовал. Бокалы золотые дарила, – чуть ли

на экспертизу их отправлял. Один раз свой бокал ядом намазала, выпила из него и ренегату предложила, так он даже не пригубил. Мафушке потом зазря противоядие пришлось принимать, здоровье своё гробить.

Шут оглядел чиновников, обступивших его уже вплотную. Они понимающе цокали языками и кивали лысыми головами в поддержку Мафушки.

– Но нашла Мафушка выход, – торжественно продолжал шут. Чисто женский.

Шут подмигнул Мафушке, она стояла рядом и улыбалась во весь рот.

– Приходит к нему Мафушка как-то вечером, с дорогушей бутылкой вина, конечно. Её, как полагается, обыскали с ног до головы.

Шут внезапно заржал, как вздрюченный конь.

– Поняли, да? С головы до ног обыскали, а трусики проверить забыли. Да если и проверили бы, всё равно ничего бы не нашли. Всё хитрее было.

Все с восхищением посмотрели на Мафушку.

– Мафушка шприц маленький спрятала, по женской части, с иголочкой, – продолжал шут. – Садятся они за стол. Он на Мафушку смотрит, слюной исходит. Ну, надо бутылку открывать, а она все штопоры заранее повыкидывала, мол ты их не используешь, вот я и обиделась. Он давай охрану просить, – штопор несите, а Мафушка, – не надо, милый, я сама сейчас ножом открою, веселее будет. И раскромсала всю

пробку в дорогушее вино, так что пить невозможно стало из за крошек. Пастырь, конечно стал марлю искать, – вино процедить. Но откуда марля по-заказу возьмётся в романтической обстановке? Марлю, конечно, не нашли.

– Вот тут самое интересное наступает, – облизнулся шут. Мафушка смотрит на него сальными глазами и говорит, – мои трусики, как марля, кружевные, возьми их, а потом меня. Вот тут он и прокололся, поплыл. Мысленно на речном трамвайчике с Мафушкой поплыл в Нектарию. Потянул к ней ручонки свои. Но доплыть ему было не суждено, потому что *Мафушка уже развела пастыря*. Развела в бокале вина. По полной. Мафушка напряглась, и из шприца укольчик сделала иголочкой в подушечку, которую на трусики заранее прикрепила. Затем вино в хрустальные бокалы через них процедила. Ей даже самой пить не пришлось, он от страсти залпом два бокала выпил.

Толпа, окружавшая шута, загоготала и захрюкала вместе с Мафушкой.

Теперь Элис стало ясно в чём состоял истинный смысл церемонии награждения, – в этих шутовских историях. Шут транслировал послание аристо-элите от Главногомыслящего, – в случае предательства, возмездие придёт неизбежно. Где бы ренегат не находился, даже в стратосфере.

Сзади Пердю окликнул плотный лысый человек. Он взял чиновницу под локоть и отвёл на несколько шагов. До Элис доносились лишь обрывки разговора.

– Сделали как я сказал? Птица с Вами? – спросил чиновник.

– В кожаной у водителя, только буйный очень, – ответила Пердю.

Чиновник пожал мадам руку.

– Поздравляю. Остальное дело техники. Уверен ему понравится.

Он ушел даже не взглянув на Элис.

– Ассенизатор, – сказала Пердю. Пехота Главного мышлящего плюс личные боевые отряды. Сделал головокружительную карьеру. Изобретателен, подонок. Кожей чувствует обстановку.

Теперь Элис поняла кто надоумил чиновницу произвести на свет двуглавого уродца.

Чиновники продолжали прибывать. Из аква-лифта вылез кролик, за ним появились владельцы гетто-предприятий с жёнами.

Как профессиональный фотограф, Элис сразу же уловила общие особенности во внешнем виде и поведении всех членов аристо-элиты. Ей часто приходилось снимать на камеру редких животных и рыб, так что ассоциации с существами обитающими во Дворце приходили сами собой. Мужчин Элис разделила на два вида.

Свилень, или свинья-олень, идеально подходил к описанию первого. Толстый боров, с маленькими, острыми как край бумаги ушами и мутными сытыми глазами. Шея почти

отсутствовала. Ноги неестественно короткие по сравнению с туловищем. При знакомстве с таким экземпляром, изображение автоматически дорисовывало недостающие тупые бивни и кривые рога, растущие прямо из ноздрей, богатых растительностью. Обильное потоотделение, вкуче с передозировкой духов “Шинель номер 5”, вызывало у собеседника галлюцинации и головокружение.

Характерной особенностью представителей этого вида являлось перманентное состояние похмелья. Белая горячка могла начаться в любой момент. Иногда горячка становилась чёрно-жёлтой, что делало их одержимыми непредсказуемым патриотизмом. Они были малообразованны и мстительны. Понять что они думали о тех с кем общались или строили совместные интриги было невозможно. Речь их была тыкающая и рваная, похожая на агонию выхлопной трубы раритетного автомобиля. Иногда они резко переходили на ласково-циничный или панибратский тон, переносить который было ещё сложнее, чем угарный газ от их обычной речи.

Все они, как правило, являлись владельцами гетто-предприятий и были близкими друзьями Главногомыслящего. Формально свилени отвечали за выручку, поступающую в казну от собственных гетто-предприятий. В действительности же, они никак не могли влиять на прибыль производства, так как были абсолютно профнепригодны и взваливали всю рутину на управленцев.

Второй вид напоминал Элис страусов, или, скорее, нан-

ду, – нелетающих птиц с когтями на крыльях и тремя пальцами на каждой ноге. Представители этого вида имели, как правило, маленькую голову с вытянутым носом, похожим на клюв и неестественно длинную шею. Их острый взгляд, словно рентгеновский луч проявлял тайные мысли собеседника, а клюв, как нейронный “детектор правды”, насквозь просвечивал черепную коробку.

Они были умны, деликатны и дипломатичны в общении, хотя улыбка была такой же редкостью, как умение нанду летать. К алкоголю относились умеренно, предпочитая, в основном, коньяк. Их речь была хорошо поставлена, но ориентирована на функционал государственной системы. Они имели обыкновение наклонять голову вбок, если считали обсуждаемую тему важной, отчего долгая шея казалась завязанной на несколько узлов.

К виду нанду принадлежали чиновники, занимающие самые ответственные посты в государственном аппарате Братства. Некоторые из них являлись прямыми консультантами Главнокомыслящего по важнейшим политическим вопросам.

Среди женских особей, обитающих во дворцах, можно было выделить несколько видов, но два из них являлись особо выраженными. В детстве Элис часто ходила с отцом в музей мирового океана, который в то счастливое время находился недалеко от их дома. Она хорошо помнила свой первый детский испуг от необычной рыбы, внезапно и агрессив-

но появившейся среди остальных. У рыбы было почти человеческое лицо, расплывающееся во все стороны, как после неудачной косметологической инъекции.

Позже Элис узнала, что это была рыба-капля, – самая отвратительная и малоизученная. Жёны свиленей выглядели в точности, как эти водные твари. Их парафиновые одутловатые лица с глазами на выкате не выражали ничего кроме плохо скрываемой алчности. Они мало двигались под тяжестью безвкусных украшений, занимаясь исключительно политическими интригами.

Их повседневным и основным занятием была тайная исповедь. Они каялись в том, что невольно становились свидетельницами грехопадения своих конкуренток по политической борьбе или их родных. Всё что говорилось ими на тайной исповеди, на следующий день уже лежало на столе у Потроха-Петруши. Пикантная история могла попасть и на стол Главногокомыслящему, если в ней усматривался опасный политический контекст. Самым искусным из них удавалось таким образом продвинуть своих мужей на важнейшие государственные позиции, устраняя конкуренток. Для Элис они не представляли опасности из за отсутствия конфликта интересов.

Женщины второго вида были похожи на пятнистых жёлто-чёрных гиен. Худые и паскудные, они передвигались как на ходулях, каждую секунду грозя сорваться в слюнявую патриотическую истерику. Казалось, их постоянно мучала

державная диарея. Лица были намертво искажены недовольством и праведной патриотической злобой. Они с пристрастием льстили Главкомыслящему. При этом их ноющие физиономии приобретали неистовые патриотические черты, от чего становились еще нелепее и уродливее.

«Они считают себя интеллектуалами лишь потому, что не мочатся прилюдно» – думала Элис глядя на их, искривлённые моральными принципами, вякающие хари.

Из акво-лифта вынырнул лимузин, раскрашенный в чёрно-жёлтые клетки. Здоровенные жлобы, похожие на подвыпивших дзюдоистов, резко вылезли из машины, сплёвывая на вымощенный драгоценными камнями пол. Шахматная команда Братства явилась на награждение в полном составе. Шахматисты рванулись к крепкому алкоголю, расталкивая окружающих, как не опохмелившиеся игроки в шешби к рюмочной.

– е2 успели, – крикнул им Жирноносый.

Никто не оценил шутку, кроме Элис и Кролика. Шахматисты хмуро оправдывались, сетуя на жёсткий спортивный график.

Через мгновенье заиграл гимн. Громкий, поставленный голос чеканил каждое слово изо всех углов фуршетного зала:

«Лидер Поп Державы Восточное Братство – глубоко уважаемый, глубоко мыслящий, верховодный главнокомандующий – Главкомыслящий». Голос замолчал, потом добавил: «Верхом».

Красная ковровая дорожка, украшенная ларимаром и жёлтым александритом, величественно проступала сквозь открывающиеся арочные золотые ворота. Главногомыслящий болтался на исполинском конном роботе, приветствуя собравшихся чёрно-жёлтой каракулевой треуголкой. Робот дёргался на месте, демонстрируя неумелое пиаффе. Вовремя подоспевшие охранники помогли Главнюку слезть со стального коня, *подняться с колен* и прочно встать на ножки.

Фуршет был окончен, начиналась церемония награждения. Высокие награды вручал лично Главногомыслящий. Чиновники встали по стойке смирно, уронив бокалы, их жёны спешно допили остатки и застыли как мумии.

Первой награды принимала Мафушка. Она прошла по дорожке под шквал аплодисментов, смущённо опустив голову. Главногомыслящий принял медаль "Герой Братства" из рук гвардейца и нацепил на Марфушку. Это была уже вторая плакетка спецслужбистки. Главнок пожал ей руку, – шквал аплодисментов повторился с ещё большей силой.

Далее на очереди были шахматисты. Медаль "Герой Братства", отчеканенная в форме офицера с хоботом слона, была вручена каждому из них, под одобрительный рёв номинантов. Главногомыслящий крепко пожал руку каждому игроку, затем громко спросил всю команду:

– В чём сила?

– В слонах, нах, – хором ответили гроссмейстеры.

Следующими были двое из ларца. По непонятной причи-

не Главногомыслящий не награждал их лично. Он брезгливо отошел в сторону, предоставив саму процедуру вручения гвардейцу охраны. На этот раз обошлось без рукопожатия. Главнок хитро улыбнулся и поздравил номинантов кивком головы.

Несколько чиновников и владельцев гетто-предприятий получили медаль "За заслуги перед Братством". В их случае рукопожатия не происходило вовсе. Все они целовали руку Главногомыслящего, встав на одно колено. Элис сказала себе, что не будет унижаться таким образом даже ради отца, тем более, что Пердю не давала по этому поводу никаких инструкций. Глумослову Жирноносому, как и Пердю, награда не полагалась, Потрох-Петруша и Кирка в ней не нуждались.

Элис чувствовала, что её выход не за горами, – нервная дрожь в коленках уже давала о себе знать. Громкий голос ведущего объявил к награждению Мелюзину. Она прошла рядом с Элис, шатаясь и держась за окружающих. Сильный запах алкоголя заглушал вонь духов "Шинель номер 5", – чиновница была пьяна и еле держалась на ногах. Пердю ехидно посмотрела на Элис и больно ткнула её локтем, едва сдерживая смех.

Мелюзина подошла к ковру; должностное лицо первой башни дрожало, как бибабо на пальце пьяного проезжего шарманщика. Увидев вдали Главногомыслящего, она сложила руки в молитвенном экстазе и упала на колени. Королева испанского стыда ползла по красной дорожке, как дер-

виш на Галгофу.

Чиновники невозмутимо наблюдали за представлением, все ожидали реакции охраны или самого Главногомыслящего, но он оставался спокоен, как будто происходящее было в полном порядке вещей. Мелюзина беспрепятственно доползла до святыни и поцеловала ей кончики ботинок. Гвардеец охраны с трудом поднял её на ноги и прицепил медаль. Двое из ларца ловко взяли чиновницу и вынесли из зала, как труп животного.

Заиграл гимн Братства. Элис услышала своё имя изо всех углов зала. Пердю резко толкнула её в спину. Послышался шквал аплодисментов. Элис шла по дорожке как в тумане, не чувствуя своего тела. Она приблизилась к Главногомыслящему на метр и остановилась в недоумении.

На неё смотрел маленький, почти лысый человек, похожий на хитрого рыночного торговца. Зеленоватые гематомы, словно трупные пятна, выступали на лице даже сквозь толстый слой белил. Элис показалось, что лицо вот-вот взорвётся, как выкрашенный штукатуркой воздушный шарик, наполненный грязной болотистой тиной.

Огромные каблуки не делали его даже человеком низкого роста. Лидер Поп Державы был карликом. Пиджак сидел на нём, как смирительная рубашка, что-то сильно раздувало его на уровне солнечного сплетения. Элис испытала приступ панической атаки, – ей показалось, что стоящий перед ней человек рывком расстегнёт пуговицы и покажет самодельную

бомбу, как это сделал смертник в кафе Барро.

Ей пришлось сильно наклоняться, чтобы принять награду из рук, больше похожих на щупальца головоногого моллюска. Медаль "Герой Братства" повисла на ней, как самодельная бомба на теле террориста-смертника. Она не помнила, как возвращалась обратно. Пердю смотрела на неё с укоризной, изображая кислую гримасу. Элис вспомнила, что от страха забыла улыбнуться вождю. Музыка стихла, завершилась официальная часть церемонии.

– Вот теперь всерьёз, – прошептала Пердю.

Чиновники рассаживались за столики, Главномыслящий восседал на огромном серебряном троне в окружении гвардейцев охраны на расстоянии двадцати метров от подданных. Слуги поочерёдно подносили ему дары от своих хозяев. Элис увидела ассенизатора, – шофёр мадам передал ему кожух с птицей. Он подошёл к Главнюку и поставил подарок рядом с тронem, показывая рукой на Пердю. Лидер сверхдержавы кивнул и передал клетку гвардейцу. Мадам облегчённо вздохнула и победоносно сжала кулаки.

На сцене готовилось представление. Официант, разносивший шампанское, подошёл к Элис и вручил ей кинокамеру. Пердю ввела Элис в курс дела, – ассенизатор готовился преподнести вождю по истине античный подарок.

Пройдохе удалось найти хрычовку которая имела с Главномыслящим интимную связь пол века назад. За относительно небольшое вознаграждение она сообщила, что, в

молодости, будущий глава Братства любил то, что в сфере половых отношений называют “золотым дождём”. Звериное чутьё ассенизатора подсказало что делать дальше. Подарок, преподнесённый лидеру Поп Державы, мог придумать и, так сказать, ввести в эксплуатацию только человек, хорошо чувствующий нравы высших чинов нового дворянства. Это было попадание в яблочко из стрелы (или точнее сказать струи), пущенной за километр от цели.

Подарок назывался “Золотой Дождь Афродиты”. Фонтан, похожий на римский амфитеатр, медленно поднимался из шахты аква-лифта, вырастая до величины двухэтажного здания. Юные девочки с ангельскими лицами застыли на нём в откровенных позах на медленно вращающейся многоэтажной центрифуге, выполненной из красного берилла.

Девочки обильно мочились в разные стороны, создавая игривый фонтан из разноцветных шарообразных капель. Брызги, летевшие по всем направлениям, собирались в эфемерную патриотическую символику и подсвечивались струями ароматного воздуха, исходящего из специальных отверстий по всему диаметру центрифуги, так что ни одна капля не попадала на сидящих в зале.

В каждый момент времени в видимой части фонтана находилось двенадцать девушек. Центрифуга вращалась с такой скоростью, что каждая находилась на ней около минуты. Проехав весь путь от правого края до левого, девушки спускались вниз по специальному эскалатору, чтобы набраться

сил для следующего выхода. На их место, вверх уже поднималась замена. Перестановка участниц была скрыта от сидевших в зале, так как происходила в задней части фонтана и никак не мешала любоваться прекрасным творением. Счастливый наблюдатель видел только череду золотых струек разных диаметров исходящих из чрева прекрасных юных созданий, сменяющих одна другую.

С первых же секунд стало ясно, что подарок пришёлся по вкусу Главкомамыслящему. На его вечно насмешливом лице появились признаки умиления происходящим. Возникла пауза, чиновники пытались понять отношение хозяина к увиденному, затем послышались аплодисменты. Находящаяся рядом с первым лицом Братства аристо-элита почувствовала настроение Лидера и его молчаливое поощрение ушлomu автору проекта. Главкомамыслящему передали жёлтую папку с именами юных прелестниц, их личными данными и рабочими фотографиями.

Струи фонтана не иссякали. Всё новые и новые девушки появлялись на центрифуге, как солдаты, поднимающиеся в атаку из бесконечных окопных укреплений. Некоторые из них, те кто постарше, игриво отдавали честь верховному главнокомандующему.

Это был прекрасный финал торжества который обещал задать новый тренд в дворцовых церемониях. Ассенизатор торжествовал. Он был вызван на ковёр во дворец, что означало посвящение в состав ядра “сплотившихся” и назначе-

ние на одну из ключевых должностей в Братстве. Три месяца стараний прошли не зря: похищения девочек, их слёзы, истерики, побеги и самоубийства в конечном итоге приносили немислимые дивиденды.

V

Вручение фотокамеры для съёмок "Золотого Фонтана Афродиты" на неофициальной части церемонии награждения стало для Элис неформальным предложением долгосрочного профессионального сотрудничества со стороны администрации Теремов. Для прохождения трёхмесячного испытательного срока её разместили в башне последнего кольца, вместе с управленцами и обслуживающим персоналом.

Первое профессиональное задание повергло Элис в шок. Она рассматривала фотографии фонтана и не верила своим глазам. Шок был вызван не столько умопомрачительной идеей ассенизатора, сколько реакцией на неё высокопоставленных чиновников. На их лицах читалось искреннее восхищение происходящим. Если среди них находился агент штаба сопротивления, то он был по истине гениальным актёром. Это означало, что в список подозреваемых можно было внести и саму мадам Пердю.

Чиновница назначила с ней встречу на следующее утро после церемонии. Элис не знала причину, по которой ей надо было вставать в шесть утра в свой законный выходной день, но затем вспомнила, что обещала мадам совершить совмест-

ный вояж на тайную исповедь к попу.

У Элис промелькнула надежда, что поп и является агентом штаба сопротивления. После знакомства со всеми высокопоставленными чиновниками аристо-элиты к этому решению можно было прийти простым методом исключения.

Капитальная исповедальня, выполненная из чёрного дерева и щедро украшенная алмазами с платиновой резьбой, находилась в самом конце игорного дома, расположенного между первым и вторым кольцом. Судя по странным звукам, поп был уже внутри, – чиновница сообщила о желании новой обитательницы дворца приобщиться к обряду тайной исповеди.

– Покайся, что невольно стала свидетельницей сотворения себе кумира, – прошептала ей Пердю. – Расскажи про Мелюзину и её грехопадение на церемонии награждения.

Элис пропустила этот бред мимо ушей, она ждала встречи с агентом штаба и продумывала важнейшие детали разговора.

– Сейчас, – сказала Пердю и втолкнула Элис в маленькую тёмную комнату, с небольшим решётчатым окном.

Резкий запах ударил её в нос, рвота мгновенно подступила к горлу. В исповедальне пахло калом и мужскими гениталиями. Лицо Элис оказалось прямо напротив оконца. Что-то кражистое и осклизлое ударило её по щеке. Элис отпрянула от решётки, – огромный член извивался и трясся перед её глазами, как бешенный оголодавший червь. Она выскочила

наружу, чуть не сбив чиновницу с ног и побежала прочь, забыв о элементарных правилах поведения во Дворце. Утренняя месса удалась, – по крайней мере одного человека можно было исключить из списка агентов штаба со сто процентной вероятностью.

VI

После одобрения Главногокомыслящим затеи с живым фонтаном, идею сразу же подхватили члены аристо-элиты. Однако создать подобную роскошь для свальных греховных приёмов оказалось непростым предприятием. Сложность состояла не в создании сложной технической конструкции, и даже не в стоимости дорогих камней, которые украшали экземпляр фонтана, представленного Лидеру Братства. Высокопоставленному чиновнику не составляло никакого труда отлить центрифуги из золота и покрыть каждый миллиметр сапфирами.

Проблема оказалась в поиске молодых девочек, готовых, и главное способных выполнять подобные пикантные услуги. Приглашённым для отбора кандидаткам не объясняли в чём именно им придётся участвовать. Юные создания не сомневались, что проходят кастинг на обыкновенный аква-стриптиз. Когда же прояснялись недостающие подробности, половина наотрез отказывалась участвовать в предлагаемом мероприятии.

С остальными ситуация была не лучше. Девушки не мог-

ли мочиться прилюдно, – некоторые стеснялись присутствующих, у других развивался парурез. Попытки преодолеть стеснение алкоголем улучшали ситуацию ненадолго. Некоторые не стояли на ногах после первой бутылки шампанского, у других начиналось обильное мочеиспускание, но алкогольное опьянение делало их неуправляемыми.

Как удалось ассенизатору за три месяца собрать слаженную команду девочек и обучить их всем премудростям нового необычного ремесла, оставалось загадкой. Одним из объяснений мог быть возраст участниц фонтана представленного Главкомыслящему, – все они были несовершеннолетними; самой младшей на вид было около десяти лет, самой старшей – около пятнадцати. Возможно стыд легче подавлялся юными созданиями под воздействием наркотиков, но это были только догадки.

Также было непонятно, как удалось будущему члену ядра “сплотившихся” заполучить несовершеннолетних детей в собственное свободное распоряжение. Закон о совращении малолетних двухсотлетней давности допускал много послаблений для членов аристо-элиты, если речь шла о детях крестопьян, но суть его никто не отменял.

Найти выход из непростой ситуации поручили учёным фармацевтам – в кратчайшие сроки разработать препарат, вызывающий и продлевающий обильное мочеиспускание с лёгким наркотическим воздействием и минимальным набором побочных эффектов. Проект получил статус государ-

ственной важности и высшую степень секретности.

Несмотря на беспрецедентно короткие сроки, препарат всё же был разработан. Тяжёлое наркотическое вещество оказывало губительное воздействие на не окрепшие организмы молодых людей, – разрушало почки, вызывало аритмию, сахарный диабет и целый букет психических заболеваний. Несмотря на это препарат был принят в качестве первой версии. Семьи участниц проекта определили в первую тысячу списка на пересадку жизненно важных органов.

Сложнее обстояло дело с возможностью использования совсем юных девочек для участия в команде Фонтанов Афродиты. Лоббировать определённый закон для столь интимной цели было почти невозможно из за сложности формулировки. Оставалась единственная возможность – подключить к делу Папатриарха Мифодия с его отлаженными методами привлечения молодёжи для участия в религиозных службах Братства. Эта задача также была не из лёгких.

Каждый прилёт Мифодия в рабочие районы стоил баснословных денег и, кроме того, являлся опасным мероприятием. Всё больше людей, отдавших детей в его руки, начинали сомневаться в истинной причине пребывания своих чад на религиозной службе Братства. Обещанные встречи с детьми постоянно переносились, что вызывало ещё больше подозрений. Необходимо было предложить духоведцу нечто, во истину грандиозное, чтобы вынудить его отдать часть своей добычи аристо-элите.

Папатриарх достиг настолько высокого положения в иерархии Братства что фактически подчинялся только Главнокомыслящему. Влиять на решения святейшего было практически невозможно. Подкупить служителя культа также не представлялось реальным. Состояние Мифа исчислялось цифрами, которые не выговаривались вслух из за количества сопутствующих нулей. К тому же, сферы интересов духоведца лежали за пределами понимания даже самых искушённых членов аристо-элиты. О материальном вознаграждении не могло идти речи – приманка должна была лежать в сфере духовной.

Чтобы получить добро на поставку живого материала для фонтана, необходимо заинтересовать Папатриарха необычным религиозным предприятием. Тогда, в качестве бонуса, можно кротко просить небольшую услугу. Спасение нашлось неожиданно быстро.

VII

Путь Мифодия от обыкновенного ряженного дурачка до Папатриарха был тернист, грешен, наполнен криминалом на каждом этапе восхождения. Предшественник Мифидия, Патриарх Уепсий, был найден с черепно-мозговой травмой, совместимой с жизнью только в мире ином. По оперативным данным тело нашли в женской уборной. Затем последовало опровержение. Официально сообщалось, что святейший замолился за грешников Братства до смерти. На слинфобачке

часто появлялись изображения последнего пристанища Патриарха. Его безгрешная плоть, вместе с крайней плотью, лежала перед золотым алтарём странной формы, глядя на который первая версия казалась более правдоподобной.

По дворцу ходили слухи, что Миф имел самое прямое отношение к последней молебне своего предшественника, помогая блаженному совершать челобитие об алтарь, отлитый, по всей видимости, в виде золотого биде. Доказать это не представлялось возможным, ибо все религиозные архивы закрыли до конца третьего тысячелетия по указу Главкомыслящего.

Миф начинал, как мелкий религиозный мародёр: ещё будучи дьячком в коммерческой исповедальне, он проник на аварийную территорию квантовой атомной станции, якобы для совершения божественной литургии облучённых, и безбожно сливал в цистерны тяжёлаю воду из разорвавшегося ядерного реактора.

Его подельники, уставшие от изнасилований молодых прихожанок на тайных исповедях, охотно помогли будущему духоведцу Братства построить небольшой заводик для производства дешёвого алкоголя для крестопьян. Из за отсутствия воображения у духовного лидера, продукт так и назвали, – "тяжёлая вода".

Первоначально от употребления алкогольной смеси умирали целые монастыри. Это помогало Мифу понять необходимое количество перегонок, необходимых для минимизации

ции количества смертей. О побочных эффектах, – импотенции и лучевой болезни, никто даже и не думал.

На деньги, полученные от успешной реализации алкогольного проекта, духоведец закупал в Агонии компоненты для создания народного табака "Курево Патриота". О том, из какого материала в действительности сделан табак, ходили странные слухи. Причина появления кривитолков была связана с местами, из которых шли поставки, – территории испытания квантового оружия с огромным количеством жертв мирного населения.

Табак дешёво стоил, крепость не имела аналогов в мире. Мифодий заполнил этой гадастью всю Поп Державу, заработав достаточно денег для покупки высшего религиозного титула.

Теперь запросы Папатриарха зашкаливали даже по меркам самых алчных членов аристо-элиты. Вскоре Пердю рассказала Элис то, что было известно каждому обитателю Теремов: новоявленный духовный лидер писал Новейшую Библию Братства, где позиционировал себя полубогом – единственным из смертных, кто видел Христа через проектор квантового сканирования.

Идея создания современной версии святого писания родилась на самом верху и была доведена до сведения Папатриарха через третьих лиц. Высокопоставленный чиновник из ядра сплотившихся, пожелавший остаться неизвестным, рекомендовал пересмотр заповеди "не убий". Заповедь, без со-

мнения, сохраняла свою релевантность по отношению к аристократии, но требовала некой доработки для клонов и крепостьян.

Мифодий подхватил идею с воодушевлением, – замысел в высшей степени соответствовал его духовным амбициям. Очень скоро выяснилось, что помимо удовлетворения религиозного честолюбия, проект может принести огромное материальное вознаграждение. Смелый помысел Папатриарха открывал чиновникам беспрецедентный шанс увековечить собственную личность в Евангелии Третьего Тысячелетия.

В тайне друг от друга, слуги народа платили Мифодию немислимые деньги в обмен на возможность быть упомянутыми в новом библейском сценарии. Духовному лидеру пришлось создать специальный прејскурант цен, что существенно упрощало распределение ролей, вместе с годовой бухгалтерской отчётностью. Библейские патриархи, пророки большие и малые, цари, первосвященники, – всё имело свою цену и расходилось на ура.

Предприятие процветало, но вскоре Мифодий с грустью обнаружил, что в замысле не хватает самого главного, – жертвенного подвига, подобного тому, что совершил Христос. Войти в третье тысячелетие полубогом было уже недостаточно, требовался масштаб. Духоведец посетовал на это обстоятельство одному из чиновников, будучи сильно подшафе.

Болтливость Папатриарха была на руку тем, кто хотел втя-

нуть духовного лидера в совсем бездуховные игры. Тайные религиозные желания Мифодия стали явными, чем мгновенно воспользовались члены аристо-элиты, желающие купить франшизу на "Золотой Дождь Афродиты" и построить собственные фонтаны бренда для корпоративных вечеринок.

Элис получила своё первое официальное задание от дирекции Теремов, – сделать серию фотографий на конференции "Наука и религия Братства". В числе приглашённых – Папатриарх Мифодий, чиновник второй Башни Дворца и молодые учёные-экспериментаторы, из института клонирования, работающие в области квантового сознания нейронных гипер-сетей.

Духовный лидер восседал в центре огромного золотого стола, как крысиный король, окружённый грызунами в фотохромных пенсне. Заседание началось, слово взял старший научный сотрудник, сидевший ближе всех к Папатриарху. Он начал свою речь с поклона и традиционного поцелуя руки духовного лидера.

– Эксперименты в области поиска нейронного экстракта сознания являются задачей первостепенной важности в научных исследованиях Братства. С каждым годом, мы видим планомерное и успешное продвижение к пониманию проблемы, важность которой невозможно переоценить. И это не случайно. Задача, имеет, если хотите, прямое отношение к бессмертию человеческой сущности. Лучшие учёные, пред-

ставляющие самые разные научные дисциплины от философии до медицины, совместными усилиями подошли к сенсационным открытиям.

Учёный сел, слово взял его коллега, сидевший напротив Мифодия.

– В ходе последних научных экспериментов, нам удалось установить, что сознание человека с высокой долей вероятности способно совершить квантовый переход в собственное клонированное тело. Для этого необходимы два условия. Первое – воссоздание нейронной сети исходного био-материала методом квантового клонирования. Второе, и самое важное – включение в клонированную сеть нейронов нервной системы из материальной сущности, совершающей переход сознания.

Представитель второй Башни Дворца многозначительно молчал. Папатриарх побледнел и впал в прострацию, не понимая, какое отношение всё вышесказанное имеет к Новому Евангелию Третьего Тысячелетия, для обсуждения которого его собственно и пригласили. Учёный хотел передать слово следующему на очереди, но чиновник резко прервал выступавшего:

– Всё это, безусловно, интересно с научной точки зрения, но нам, простым смертным, сложно уловить суть за профессиональными терминами. За ними может потеряться главное.

Чиновник подошёл к Папатриарху и поцеловал святейше-

му руку.

– Мне кажется, Преподобный, наши учёные мужи немного увлеклись описанием технических деталей, забыв объяснить самое важное – зачем мы, собственно, здесь собрались.

Духоведец начал приходить в себя, услышав нормальную человеческую речь и важно махнул головой в знак одобрения. Чиновник охотно продолжил.

– Позвольте мне, Ваша светлость, сказать всё простыми словами. Не для кого не секрет, какую выдающуюся миссию Вы взвалили себе на плечи, начав, по-истине титанически труд, – Новейшее Священное Писание Братства. Мы войдём в третье тысячелетие с новой верой в сердцах, кроткие слуги Вашего Сиятельства.

Папатриахр повеселел. Он величественно поднял руку и похлопал по плечу выступавшего.

– Полно, полно. Будет. Ваши слова, да Господу в ухо. Продолжайте.

Чиновник победоносно потирал руки, сложив их в кротком молитвенном жесте. Теперь можно было непосредственно приступить к работе.

Мифодию напомнили про жертвенный подвиг Христа, намекнув на то что, по своим духовным качествам, его святейшество уже само является почти что Христом. Это польстило духовному лидеру. Тем не менее связь между экспериментами в области медицины и распятием он всё еще не вдуплял.

Тогда чиновник осторожно напомнил Папатриарху, что распятие и воскрешение Христа является центральным евангелиевским событием. Мифодию показалось, что все сидящие в зале читают его самые сокровенные мысли. Про пьяные откровения на церковных вечеринках он давно забыл.

Увидев, что дело движется в нужном направлении, чиновник решил подойти к самому главному, без дополнительного экскурса в библейскую историю. Суть сводилась к следующему: грандиозные успехи в современной науке и медицине Братства позволяют духовному лидеру планеты повторить жертвенный подвиг Спасителя – как и он, принести себя в жертву, и, что самое трогательное и приятное, – воскреснуть в реальном времени, как когда-то чудесным образом воскрес Господь. Этот, во истину, эпохальный эпизод, произойдёт на глазах всего религиозного мира и *будет отлит золотыми буквами на гранитных страницах Новейшего Библейского Завета Державы.*

Лицо Папатриарха сделалось мертвенно-бледным, перстни на пальцах задрожали вместе с крестом на шее и куколом на голове. Он, наконец, понял, в какие потусторонние игры ему предлагают сыграть циничные дворцовые аристократы. Ситуация, в которую он сам себя загнал из за своего длинного языка, была уже безвыходной. Он затрясся, как экзальтированная молодая прихожанка, хватая ртом воздух, словно акула, выброшенная на скалистый берег.

– Воск.. воскре.. как.. же.. как.. жеж..

Ситуация грозила выйти из под контроля. Чиновник быстро подбежал к одному из учёных и что-то шепнул на ухо, воспользовавшись ступором духовного лидера. Учёный сделал притворный жест, обозначая мнимое несогласие с чиновником. Он встал и театрально обратился к присутствующим.

– Давайте держать дискуссию в научных рамках и использовать профессиональные научные термины, хотя бы там, где это возможно. Слово "воскрешение" не входит в наш корпоративный лексикон. Предлагаю заменить его на наиболее близкий по смыслу – "реанимация".

Трюк ненадолго сработал, – Мифодий прекратил истерику и перешёл на слюнявые детские всхлипывания:

– Ну, реанимация, – это другое дело. Тут уж совсем другое. Тут уж и Господь в помощь...

Чиновник выдержал небольшую паузу, дав духовному лидеру окончательно собраться духом, затем продолжил, взвешивая каждое слово:

– Позвольте, Ваше Святейшество, ввести Вас в курс дела, обрисовать, так сказать, контур.

Папатриарх нервно мотнул головой, затем неожиданно обратился к учёному, сидевшему прямо перед ним.

– А экстракт сознания, полученный из старой брэнной плоти человеческой, точно гарантирует бессмертие?

Учёные удивлённо переглянулись. Чиновник про себя отметил, что недооценил Мифодия. Грубым звериным чутьём

Папатриарх смог уловить суть того, о чём говорили исследователи, используя сложную научную терминологию.

Возникло напряжённое молчание, дело опять повисло на волоске. Вопрос был правильный по существу: отвечать на него простой отговоркой не имело никакого смысла, приводить доказательства не было никакой возможности.

Чиновник рассеянно посмотрел на учёный состав. Экспериментаторы барабанили пальцами по золотому столу, как спятившие музыканты безумного военно-религиозного оркестра. Самый молодой из них, не проявляющий до этого никакой активности, неожиданно пришёл на помощь в самый ответственный момент:

– Согласно теории великого объединения, нижняя граница распада протона – десять в тридцать третьей степени лет. Порядок этой величины равен возрасту Христа, Ваше Святейшество, – это больше чем вечность.

Безусый учёный сказал это нервным голосом, глядя духовному лидеру прямо в куколь. Чтобы слова звучали убедительнее, исследователь встал и поцеловал Папатриарху руку.

Мифодий не понял ни единого слова и именно поэтому мантра молодого дарования подействовала на него как морфин. Теперь необходимо было срочно успокоить духовного Лидера и заверить его в том, что процесс распятия и следующего за ним воскрешения может быть проведён без заметных болевых ощущений. Чиновник ловко воспользовался моментом и тут же принялся обрисовывать детали *чудес-*

ного предприятия.

Процедура нейронного сканирования (необходимая для воссоздания памяти и моделирования нейронной сети) как и хирургическая операция по извлечению нейронов нервной системы проводятся за несколько месяцев до восхождения на крест.

Папatriарх объявляет народам Братства, а вместе с ним и всему миру, что в бреду мессианской миссии к нему явился ангел-дицефал и указал путь к прозрению – бывший дьячок, тыривший жидкие отходы с квантового реактора, должен принести себя в жертву, следуя примеру Спасителя, дабы искупить грехи смертных крестопьян. Космодром Братства становится новой Голгофой, – место, откуда Главкомыслящий катапультировался в стратосферу, спасаясь от квантовой войны, убедительно подчёркивало пафос научно-технического жертвоприношения.

Огромное распятие, возведённое на земляном холме космодрома, по замыслу постановщиков должно просматриваться со всех рабочих районов, проектируясь на каждый сливной информационный бачок Братства. Достоверность происходящего не вызывает сомнений: к месту действия допускают журналистов, медицинских работников, религиозных деятелей Агонии, Северного Пасьянса и Нектарию.

Золотой крест оснащается невидимыми воздушными подушками так, чтобы брeнное тело Мифодия не прогибалось под действием силы тяжести, а нахождение на нём не до-

ставляло дискомфорт ни одной клеточке духоведца. Инъекция героина, сделанная за несколько часов до пригвождения к орудию казни, сводит на нет все болевые ощущения, – от забивания гвоздей в конечности, до пробивания тела копьём (религиозная драматургия требует достоверного сценического воплощения).

Клиническая смерть приходит к Папатриарху как освобождение, как сладкий дурман, как розовый наркотический сон. Это самый тонкий момент всего мероприятия, – теперь необходимо срочно извлечь из тела недостающие нейроны отвечающие за формирование гиперсети сознания и моторной памяти.

Для этого внутри золотого креста располагается специальная медицинская лаборатория, оснащенная всем необходимым оборудованием. В последний момент жизни в своём настоящем теле Мифодию делается небольшая нейрохирургическая операция, незаметная для окружающих.

Медицинские работники со всего мира констатируют смерть Папатриарха. Всю неделю радиостанции Братства по-смертно прославляют великого духовного лидера. Но дальше начинается самое интересное.

На момент смерти Мифодия, его новое клонированное тело с встроенной памятью и скопированной с оригинала нейросетью уже ожидает своего настоящего владельца в институте клонирования. Остаётся лишь провести операцию по оживлению недостающих нейронов нервной системы, кото-

рые и составляют так называемый “экстракт сознания” или, если угодно, “экстракт личности”. После этого Духоведец совершает квант-нейронный переход сущности в новое тело.

Папатриарху потребуется психологическая помощь, чтобы заново объяснить всё что с ним произошло после распятия, так как скопированная память будет содержать только события, произошедшие до клинической смерти. Семь дней – достаточный срок для нервной системы, чтобы освоить новое физическое тело и войти во вкус.

Через семь дней мир становится свидетелем воскресения Папатриарха. Мифодий появляется из расступившихся облаков на украшенном розами святонебоходе, с терновым венцом на голове, под волшебную религиозную-гипнотическую музыку, произведённую на заводе Ритм (Папатриарху также пообещали подействовать со связями на заводе для его дальнейших духовных нужд).

Всё рассказанное Мифодию формально говоря было правдой. Исследования в области перехода сознания действительно велись. Более того, они имели первостепенное значение в Братстве. Ученые института клонирования достигли огромных успехов в изучении нейронной сети человека, хранения информации и воспроизводства всех видов памяти, включая моторную. Тем не менее, упомянутый “экстракт сознания” ещё не был найден.

Стройные гипотезы существовали на бумаге и теоретически были вполне убедительны, на практике же все тай-

ные эксперименты по транзиту квантового сознания терпели фиаско и заканчивались летальным исходом для испытуемых.

Этого Мифодию не сообщили. Идея о восхождении на пьедестал самого Господа Бога стала наваждением для Духовного Лидера, – теперь его можно было брать голыми руками и просить всё что заблагорассудится. Тысячи детей Братства были обречены, – им предстояло пополнить команды по обслуживанию живых фонтанов в каждой башне Теремов.

VIII

Если бы не общение с мадам Пердю, от услышанного на конференции "Наука и религия Братства" Элис либо сошла бы с ума, либо решила, что сама находится в сумасшедшем доме. Теперь же происходящее начинало приобретать мрачную логику на глазах и складываться в понятную картину мира Теремов, – за каждым артефактом Братства скрывались поломанные судьбы, алчность, цинизм и операции спецслужб.

Вскоре Элис обнаружила, что разговорчивость и весёлый нрав отнюдь не являлись врождёнными качествами характера высокопоставленной чиновницы. Причиной синтетической доброжелательности Пердю к окружающим оказался кокаин, – мадам ловко вдыхала небольшие дозы из позолоченных мат-рюшек. Элис играла в эту милую безделуш-

ку с младенчества, как и остальные малыши Братства, но от Пердю узнала какое невероятное событие ассоциировалось с этой популярной детской шалостью.

Один из управленцев по имени Абворович, впоследствии бежавший в Северо-Баллистический Пасьянс, создал в Братстве бизнес по продаже детских игрушек. Бизнес процветал, – управленец был талантливым дизайнером и ушлым маркетологом. Ему удалось создать занятную безделушку, которая стала абсолютным лидером продаж в Братстве, – мат-рюшку.

Мат-рюшка – набор вложенных друг в друга железных атомных бомбочек, символизировала заботу государства и защиту от внешних агрессоров. Игрушка пользовалась огромным спросом, дети Братства играли в неё почти что с колыбели. В донце внешней мат-рюшки было вставлено увеличительное стекло, через которое дети могли любоваться изображением Главногомыслящего на конном роботе на фоне звёздной вселенной.

Эта деталь подчёркивала всеми известный факт – Главногомыслящий выходил в открытый космос. Реальную причину полёта лидера Поп Державы, помимо всего высшего военного руководства, знал только отец Элис, – Главногомыслящий спасался от угрозы квантовой войны, которую сам же и инициировал. С внешней стороны мат-рюшки детям улыбалась Мафушка, – лучший разведчик Братства.

Незатейливая конструкция привлекла внимание Потро-

ха-Петруши, – вложенные друг в друга атомные бомбочки идеально подходили для безопасной транспортировки кокаина из Агонии в Братство. Управленца поместили в “Кричащую Тишину”, где всего за один час доходчиво объяснили, что производство мат-рюшек переводится в Агонию, и больше ему не принадлежит.

Управленец понял, что последствия могут быть самыми непредсказуемыми не только для бизнеса, но и для него самого. Подавиться крошечной атомной бомбочкой во время утренней трапезы ему хотелось меньше всего на свете. Он скрылся в Северо-Баллистическом Пасьянсе, а затем волшебным образом оказался в Нектарии.

По слухам, поселиться в этой сказочной стране ему помог некий еврей-шахтёр Натан, выдававший себя за потомка царя Соломона, в свободное время подрабатывающий торговлей поддельными документами. Натан продал управленцу фальшивые метрики, подтверждающие принадлежность Абворовича к древнему роду "евреев-гепардов", проживавших на территории Нектарии тысячу лет назад.

– Ты же меня спас в Порту, – якобы слёзно благодарил Абворович Натана, целуя на шее спасителя православный крест.

Так Потрох-Петруша получил в своё распоряжение бизнес, который не только приносил баснословный доход, но и попутно решал важную политическую проблему – сохранение добрососедских отношений с боевиками-головорезами

дружественной страны. Завод по изготовлению мат-рюшек транспортировали в Агонию. Размер их был изменён так, что в каждой атомной бомбочке помещалась определённая доза наркотика, что существенно упрощало расчёты и транспортировку. Потрох Петруша наводнил Братство десятками миллионов таких “игрушек”. Кокаин извлекался из бомбочек, а сами они расходились по детским магазинам.

Когда размер производства мат-рюшек достиг ста миллионов, возникли непредвиденные проблемы. Из за халатного отношения к производству, партии всё чаще стали поступать в магазины вместе с кокаином. Оказалось что управление таким сложным и масштабным предприятием требовало таланта и опыта, которыми уже давно не обладали так называемые “эффективные менеджеры” Братства. Предприятию грозил крах, а Братству – международный скандал.

Дети стали умирать от передозировки наркотиков, так как принимали белый порошок за сахар и сладости. На места трагедий Потрох-Петруша посылал агентов спецслужб, переодетых то ли врачами, то ли гробовщиками, которые замечали следы, и за пол цены предлагали похоронные услуги несчастным семьям. Но смертей становилось всё больше и больше, ситуация грозила выйти из под контроля.

Апофеозом халатности стал случай массового отравления детей в одном из санаториев Братства. Потроху пришлось лично прилететь на место трагедии. Под щелчки фотокамер он объяснял что мат-рюшки являются абсолютно безопас-

ными игрушками и дело тут в другом, – теракте иностранных спецслужб.

– Это сахар, – спокойно говорил Потрох на весь мир, втирая белый порошок в нёба и блаженно закатывая глаза. Просто сахар.

Дело грозило дойти до самого Главногомыслящего. Тогда вспомнили об Управленце, у которого и отжали бизнес. Абворович знал на зубок все подводные камни производственного процесса и был единственным человеком, кто мог спасти безнадёжное предприятие. Найти его местонахождение оказалось крайне сложным делом. Абворович умело заметал следы, прячась по еврейским шахтёрским кварталам и сефардским портвейным погребам. Пришлось подключать людей из службы безопасности Братства, задействовав все связи Потроха в кругах аристо-элиты.

По полученной информации Управленец уже основался в Нектарии. Как ему удалось попасть в эту страну было абсолютной загадкой даже для спецслужб. В Нектарии не имел права находиться ни один иностранец на постоянной основе, являлся ли он жителем Северного Пасьянса, или олимпийским беженцем из Агонии. Извлечь управленца из столь отдалённых мест не представлялось возможным.

В Нектарии проводились только Олимпийские игры и встречи глав четырёх держав для подписания соглашения о неприменении квантового оружия. Обычные граждане пересекать границу этого государства не имели права, за исклю-

чением шнобелевских лауреатов. За спортсменами-олимпийцами устанавливалось круглосуточное наблюдение, им разрешалось выходить в город только по специальным пропускam.

Но главный спецслужбист Державы не хотел отступать и нашёл самое нетривиальное решение в сложившейся ситуации чтобы вернуть управленца. Потрох-Петруша передал сигнал Главнокомыслящему о готовящемся против него заговоре. Главным вдохновителем якобы являлся один из бывших граждан Братства скрывающийся в Нектарии. Главнокомыслящий, как и предполагалось, воспринял эту информацию более чем серьёзно. В результате была разработана беспрецедентная спецоперация по извлечению Управленца из Нектарии, получившая название "Смерд".

Грязные, и одновременно комические подробности дерзкого рейда, вызвали шок и отвращение даже у членов аристо-элиты. Чиновникам слили пикантные детали похищения через байки Жирноносого, чтобы продемонстрировать неотвратимость наказания за предательство и побег из Братства.

Похищение произошло в День подписания соглашения о неприменении квантового оружия. Для этой цели в Нектарию, как обычно, приехал Главнокомыслящий с двумя телохранителями. Ни для кого не являлось секретом что лидер самой свободной страны возит с собой специальный биотуалет. Это разрешалось властями Нектарии и всегда было согласовано заранее. Состояние здоровья лидера Державы

тщательно охранялось и являлось государственной тайной. Ни один грамм экскрементов не должен был попасть в руки и носы иностранных спецслужб.

Управленцу сообщили что Главкомыслящий, узнав о том что в Нектарии находится бывший гражданин Братства, изъявил желание встретиться в неофициальной обстановке для обсуждения будущего возможного сотрудничества в области бизнеса и гоп-культуры.

Управленец не увидел для себя в этом никакой опасности. Напротив, он посчитал что встреча может помочь ему вернуть налаженное предприятие и обезопасить себя от возможных нападок в будущем. Он согласился и разговор с главой Братства состоялся.

После встречи управленец бесследно пропал. Несколько дней его поисков в Нектарии не дали никаких результатов. Границу он официально не пересекал, а нелегально бежать из страны, справедливо считавшейся раем даже по меркам Северо-Баллистического Пасьянса, ему не имело никакого смысла.

Общественность Нектарии пришла в возмущение и выразила крайнюю озабоченность. Управленец успел запустить ряд успешных проектов и был популярной личностью. Ему принадлежал Олимпийский клуб, в котором тренировались лучшие игроки мира по гонкам резиновых утят. Возмущение переросло в недоумение и гнев, когда по центральным каналам новостной ленты Братства показали человека, доб-

ровольно вернувшегося в Поп Державу из Нектарии. Этим человеком был пропавший управленец. Смахивая коричневые слёзы радости, он рассказывал корреспонденту "Братство Сегодня", что сам принял решение о возвращении на родину и нисколько об этом не жалеет.

То что управленца похитили было более чем очевидным фактом. Власти Нектарии знали о его встречи с Главнокомыслящим. Тем не менее границу Нектарии управленец официально не пересекал. Лидер несвободного мира вернулся в Братство как и приехал, – с двумя телохранителями и собственным био-туалетом.

И членам аристо-элиты Братства и властям Нектарии стало понятно что произошло. Поверить в это было также невозможно, как и озвучить в официальной версии технические детали похищения. Био-туалеты, по законам Нектарии, не подвергались таможенному сканированию при пересечении границы. Двое из ларца рассчитывали, что пойдут порожняком, об этом их лично заверил Главнюк. Но на таможне, лидера Поп Державы неожиданно схватила медвежья болезнь, – он стал испражняться, как вусмерть перепуганный альфа-гиппопотам, чуть не утопив в экскрементах коллег-сексотов и гавнюка-управленца.

Абворовича насильно перевезли в Братство, надёжно спрятав в экскрементах Главнокомыслящего. Более откровенно и злобно об этом выражались члены аристо-элиты, – управленец был по уши в дерьме. И это была не фигура ре-

чи, а сущая правда, – теперь бедному управленцу предстояло работать на Потроха-Петрушу, возглавив предприятие по контрабанде кокаина. Об этом Потрох договорился с Главногомыслящим сразу же по возвращении в Братство, ещё до того, как управленца успели хорошенько отмыть.

Правительство Нектарии разразилось грозными дипломатическими угрозами в адрес восточного соседа. Тем не менее, ещё были живы те, кто помнил кризис, связанный с квантовой войной. Никто не хотел всерьёз связываться с Братством, тем более из из беглого, пропахшего испражнениями говнюка. Ответные санкции носили комический характер – Братство отключили от шахматного искусственного интеллекта.

Теперь Элис стало понятно, почему Главногомыслящий вручал награду двоим из ларца через гвардейца охраны, без личного рукопожатия, отделавшись глубокомысленными подмигиваниями. Врождённая брезгливость не позволила ему приблизиться к подчинённым больше чем на три метра после легендарной операции "Смерд".

История второго управленца по имени Борзовский, рассказанная Пердю, шокировала Элис ещё больше чем первая. Борзовский был известным учёным-ядерщиком. Ему удалось модифицировать процесс создания синтетического золота из ртути и вывести его на совершенно иной уровень. Предприятие, как и ранее, оставалось убыточным, тем не менее объёмы золота, получаемые с помощью сверхмощных

ядерных реакций, значительно возросли.

Ряды аристо-элиты охватила настоящая золотая лихорадка. Борзовский оказался таким же талантливым организатором производства как и учёным. Кроме того, он стал ещё и удачливым пройдохой, сумев создать безумный спрос на благородный металл. Учёный-алхимик приобрёл за бесценок брошенные ядерные реакторы, служившие много лет назад для создания ядерного оружия и запустил их в производство. Под его руководством круглосуточно работал ядерный завод "Золотильня", вокруг которого впоследствии был выстроен целый геттополис.

Чиновники скупали золото для своих жён и любовниц, жёны для любовников и домашних питомцев. Благородным металлом мостили автобаны города-сада и пешеходные дорожки Теремов. Крепостные стены Башен стали строить из белого золота и закрашивать в стальной цвет чтобы не привлекать лишнего внимания. Ходили слухи, что золотой лихорадкой на некоторое время заболел и сам Главком-мыслящий. Некая экзальтированная особа, выдававшая себя за бывшую любовницу лидера Поп Державы, утверждала, что видела золотую гольф-туалет-щётку в покоях Красного Дворца.

Золота стало так много, что хранить его на территории Теремов уже не было возможности. Слитки решено было переправлять в Агонию, жители которой были заняты исключительно войной, наркотиками и катанием на детских кару-

селях. Искусственные драгоценности их мало интересовали, они признавали только настоящие, – золотые зубы предков, доставшиеся по наследству.

Проблема была временно решена, – слитки размещали на бескрайних равнинах нищей страны. Через месяц бойцы Агонии наотрез отказались принимать благородный драгоценный металл. Бесформенные груды золота опошляли жёсткие военные пейзажи и мешали отрезать друг другу головы из-за ярких отблесков солнца.

Золотая лихорадка среди аристо-элиты была в самом разгаре. Надо было срочно спасать положение. На помощь пришёл сам Борзовский. Он предложил элегантное решение проблемы, которое устраивало все стороны и, главное, его самого. Из золотых слитков стали строить пирамиды с помощью горных ослов и местных умельцев. Строение покрывалось слоем камней, песка и искусственных растений, превращая всю конструкцию в золотые горы, которые практически не отличались от настоящих и идеально вписывались в местные пейзажи.

Несмотря на склонность к декапитации сородичей, головорезы Агонии были сентиментальными ребятами и вменяемыми мужиками, – любили кататься на детских дракончиках, турах и единорожиках. Для укрепления договора боевикам послали несколько квантовых бомбардировщиков, заполненных каруселями, которые были экспропрированы из детских садов, со всех геттополисах Братства.

Один из высокопоставленных членов аристо-элиты, по словам Пердю, назвал свою золотую гору в честь возлюбленной. На какое-то время это позволило ему, классическому свилению, появляться с молодой девушкой неземной красоты на закрытых приёмах первой башни Теремов. Когда же чиновник узнал об измене, то потратил целое состояние чтобы взорвать всю постройку. Последнее обстоятельство очень заинтересовало Элис, но мадам наотрез отказалась рассказывать какие-либо технические подробности.

Бизнес процветал, в какой-то момент Борзовский понял, что де-факто управляет Братством. Золотая лихорадка свела с ума чиновников, лишила разума, покоя и воли. На закрытом приёме, будучи прилично подшофе, управленец неосторожно заметил, что заработал достаточно денег, чтобы купить самого Главногокомыслящего. Ему пришлось бежать из Братства той же ночью, расплатившись почти всем своим состоянием за помощь в тайном переходе границы. Таможенники общипали его, как дохлого гуся.

Борзовский был счастлив что сумел унести ноги подальше от Братства, осев в одном из красивейших курортных городов Северно-Баллистического Пасьянса. Даже малой части его состояния было достаточно чтобы с размахом прожить ещё десять жизней. Появилась молодая любовница, которой он дарил фантастические по стоимости драгоценности.

Однажды, после очередной ссоры, девушка заявила, что полюбила погонщика утконосов и улетает от Борзовского

немедленно. Вертолёт уже ждал неподалёку. В порыве злости бывший ядерный магнат сорвал с изменницы подаренное утром украшение, и швырнул в океан. Цена потери была сопоставима со стоимостью золотой горы, брошенной бывшим управленцем в далёкой Агонии. Девушка улетела, оставив Борзовского с потерянным драгоценным камнем вместо сердца.

Через час Борзовский пришёл в себя и решил найти свой щедрый подарок. Он вызвал аквалангистов и заставил совершать погружения в пучины океана до самой ночи. Найти приношение любимой так и не удалось, – аквалангисты выписали огромный счёт за услуги, извинились и навсегда пропали из города.

Это происшествие не осталось незамеченным в маленьком курортном городке, где пребывал бывший магнат золотых гор. В город хлынул поток искательниц приключений, профессиональных аквалангистов и владельцев летательных аппаратов. Несколько вертолётов разместились на специально построенных площадках. Девушки, водолазы и пилоты работали слаженно и чётко. "Первым делом вертолёты, ну а девушки – потом", – потешался над богатеем весь город.

Борзовский знакомился с очередной красоткой, влюблялся без памяти и оказывал умопомрачительные по стоимости знаки внимания. Через два дня любимая ставила перед фактом, – между ними всё кончено. За ней немедленно прилетал припаркованный неподалёку вертолёт. Борзовский в сердцах

срывал золотые горы с предмета недавней любви и швырял в открытое море. Девушка внимательно следила за тем, в какое место упадёт целое состояние и улетала сдерживая смех сквозь слёзы.

Борзовский вновь обращался за помощью по поиску скормленных рыбам дорогих камней. Аквалангисты были наготове, им сообщались координаты падения и начальная скорость полёта. Они совершали погружения, и легко находили свою судьбу. Оставшуюся часть дня миллионеры плавали в своё удовольствие, изображая необычайное рвение и желание помочь бедному миллиардеру. Затем извинялись, выписывали до кучи умопомрачительный счёт за услуги, и исчезали из городка навеки, уступая дорогу молодым.

Все, кроме Борзовского, жили долго и счастливо, – город выходил на первое место в стране по сумме уплаченных налогов и количеству новоиспечённых миллионеров. Но в Братстве уже разрабатывали спецоперацию "Борзый" по возвращению управленца на родину.

В один прекрасный день он познакомился с девушкой, которая не проявляла никакого интереса к дорогим камням. Ночи напролёт она слушала, как её немолодой любовник хвалился талантами учёного, бизнесмена, и, что самое главное, – врождённым даром решать мировые проблемы. Борзовский решил что это любовь, – чувство, которое не имеет смысла, но придаёт смысл всему остальному.

Девушка убедила управленца в том, что лишь его гений

способен остановить постоянные войны в Агонии. После заключения мира он сможет вернуть себе золотые горы, которые с таким трудом заработал, трудясь на кварк-глюонном заводе.

– Ты не понимаешь, малыш, – бодрился Борзовский. Мне не нужны даже золотые ущелья, – я решаю проблемы мирового порядка, – остановлю войну в Агонии, затем куплю Братство.

– Я последую за тобой, милый, – поддакивал Малыш. На край тьмы, – в Братство, в Агонию, в огонь, – только скажи.

Борзовский в умилении смотрел на подругу и каждый день борзел на глазах. В конце концов он согласился покинуть райский городок, чтобы лететь с любимой в далёкую дикую страну.

Его взяли на аэродроме, прямо по прилёту. Девушку Борзовского, – лучшего агента Братства, награждал сам Главнокомыслящий.

– Мафушка опять это сделала, – шептал Главнокомыслящий со странной иронией в голосе.

Борзовского вернули в Братство не из за мести за сказанную фразу о Лидере Державы. Предприятие по созданию синтетического золота стало приходить в полный упадок. Из за наплевательского отношения к реактору и пренебрежения всеми нормами безопасности, в геттополисе с каждым днём увеличивался радиационный фон.

Проблема заключалась не в заботе о населении: религи-

озный картель Папатриарха не мог больше вести рекрутские наборы, отряды Элит-Кавалерии отказывались совершать рейды для поисков революционеров Штаба Сопротивления. Кроме того, возникла угроза ядерного взрыва, что привело бы к полной потери бизнеса драгоценных металлов.

Борзовскому сохранили жизнь в обмен на согласие стать руководителем опасного для жизни предприятия, – на этот раз бизнес предстояло поднимать под угрозой ядерного взрыва. Ждать согласие от управленца долго не пришлось, – пребывание в тюрьме “Кричащая Тишина” оказалось страшнее атомного мелтдауна.

IX

Истории, рассказанные чиновницей звучали настолько фантастично, что Элис позволила себе усомниться в их подлинности. Всё это, включая бред услышанный на конференции "Наука и религия Братства" начинало её веселить. Тем не менее, веселье это оказалось недолгим. Следующее же задание, полученное от администрации Теремов отбило у неё всякое желание улыбаться и ставить под сомнение что-либо услышанное от мадам. Элис пригласили на съёмки медицинского эксперимента, взяв подписку о неразглашении.

Эксперимент имел сложную формулировку, – “осуществление квант-нейронного перехода сознания пациента в его клонированную нейронную гиперсеть при помощи экстракта нейронов спинного мозга нервной системы исходного

биоматериала”. Неформально эксперимент называли “воскрешением” или “транзитом”.

В медицинском зале Элис увидела два операционных стола, расположенных в метре друг от друга. На одном из них лежала женщина. Элис показалось, что пациентка была без сознания. Хирург, находившийся рядом с ней, был в полной готовности приступить к операции. Он ждал сигнала. Резиновые перчатки скрывали тонкие музыкальные руки, скальпель лежал рядом на столике в ожидании своего часа. Второй стол оставался пустым, рядом с ним находился второй хирург, ожидавший своего пациента. Коллеги оживлённо переговаривались. Между столами находилась тележка анестезиолога, столик для хирургических инструментов, монитор и прибор, по форме напоминающий нейронный детектор правды.

Через несколько минут два санитары ввели в операционную второго пациента и уложили на свободный стол. Они собирались уходить, один из них резко обернулся. Элис показалось, что первый хирург предъявлял санитарам претензии, но это были лишь догадки. От зала её отделяло звукоизоляционное стекло, она не могла слышать разговоры находящихся внутри людей. Элис хорошо видела пациента на втором столе, – это был клон, как две капли воды похожий на женщину, лежавшую рядом. Элис поняла это, по характерной татуировке, на случайно оголившейся руке. Напряжённая пауза затянулась на несколько минут.

Загорелась красная лампа на входе, – сигнал к началу съёмки. Неожиданно женщина проснулась, как от удара электрического тока; она была растеряна, не понимала где находится и что происходит вокруг, у неё началась истерика. Стало очевидно, что она попала в операционную не по своей воле.

Несчастная разрывала резиновые жгуты, стягивающие конечности, как оковы. Тело извивалась в конвульсиях, изо рта пошла пена. Хирург что-то нервно кричал в микрофон и махал рукой в сторону Элис. Возможно, он давал сигнал прекратить съёмку, но она не могла этого знать и никак не отреагировала. Прибежавший анестезиолог, сделал укол и приложил ладонь ко лбу женщины. Она упала на стол в беспомощности.

Хирург сделал странный жест в сторону Элис. Второй достал четыре электрода и поднял вверх руки, как будто работал на камеру, и наглядно демонстрировал каждое действие. Два электрода он передал коллеге. Каждый прикрепил их к голове своего пациента специальными зажимами. Противоположные концы электродов вставили в гнезда прибора, соединённого с монитором толстым проводом, обмотанным серебряной фольгой.

Хирург, находившийся рядом с первым столом, включил прибор, – на экране появились две вращающиеся трёхмерные проекции головного мозга женщины и её клона. Зоны правого и левого полушария женщины обозначались на про-

екции синим и красным цветом, полушария клона – желтым и зелёным. Проекции соединяли две толстые линии, хорошо различимые на мониторе. Линии пульсировали красно-синими и жёлто-зелёными вспышками, показывая движение нервных импульсов от одной проекции к другой.

Дверь операционной отворилась, – вошёл ассистент. Он держал реанимационный электрошок. Элис почувствовала как дрожит фотокамера, – это было в высшей степени непрофессионально, но чем дольше она наблюдала за происходящим, тем меньше владела собой.

Ассистент передал электрошок хирургу, прибор установили на груди пациентки. Электрический разряд подбросил её вверх, разорвав один из сдерживавших резиновых жгутов. На мониторе произошла красно-синяя вспышка, напоминающая ядерный взрыв. Ассистент поменял жгут и разряд повторился. Женщина вздрогнула всем телом, изо рта брызнул жёлтый фонтан. Второй хирург отсоединил электроды от клона, который всё это время оставался неподвижным.

Элис хотела бросить камеру и убежать прочь от этой медицинской вакханалии. От увиденного её тело окаменело, она не смогла сделать и шагу, продолжая съёмку. Женщину закрепили ремнями и укрыли белой простынёй, которая покрыла всё тело, кроме головы. Ассистент подал хирургу скальпель, началась нейрохирургическая операция, которая длилась около пятнадцати минут. Затем женщину приподняли, и сделали укол в позвоночник, откачав шприцем вяз-

кую сероватую жидкость.

Второй хирург уже приступил к операции на мозге клона, коллега присоединился к нему вместе с остальными ассистентами. В голову пациента сделали инъекцию жидкости из позвоночника прооперированной женщины.

Вторая операция заняла больше времени. Несколько раз прибегали анестезиологи и о чём-то разговаривали с хирургами на повышенных тонах. Элис поняла это по их активной жестикуляции. Ассистенты передавали бесконечные марли, зажимы и пинцеты, на лбах обоих хирургов выступали капли пота.

Через несколько минут всё было закончено. Элис мысленно поздравила себя с тем, что не упала в обморок, хотя еле стояла на ногах. Это была преждевременная бравада, – то что происходило дальше заставило её содрогнуться. Она отказывалась верить в происходящее.

Первый хирург вернулся к своей изначальной пациентке вместе с одним из ассистентов. К приложили груди электрошок, коллегам у второго стола подали странный сигнал. К прооперированной голове клона прицепили электроды. Элис заметила, как жёлто-зелёные цвета почти полностью пропали с монитора. По женщине снова произвели удар электрическим разрядом. Она осталась лежать неподвижно. Вместо неё всем телом содрогнулся клон, будто разряд входил в его плоть, а не в лежащее рядом тело женщины. Монитор извергал красно синие вспышки. Странный прибор,

соединяющий электроды замигал издавая сигналы, похожие на пожарную тревогу.

Эксперимент повторили ещё раз. От повторного разряда в тело неподвижно лежавшей женщины, клон взлетел вверх почти на пол метра, разорвав все резиновые ремни. Упав на стол он продолжал корчиться в ужасных судорогах. Женщина не шевелилась, будто не имела к происходящему научно-медицинскому изуверству никакого отношения. Первый хирург вырвал из неё электроды, – судороги клона мгновенно прекратились.

Через десять секунд красно-синии вспышки на мониторе стали слабеть, превращаясь в пульсирующие чёрные точки. Свет в операционной слабел, комната медленно превращалась в морг. На женщину и клона натянули чёрные мешки, все находящиеся в хирургической комнате удалились. У Элис тряслись колени, затем помутилось в глазах. Она потеряла сознание и рухнула на пол вместе с фотокамерой.

ХIII

Шок от увиденного прошёл через несколько дней. Элис посчастливилось встретить Жирноносого, единственного чиновника во Дворце, кто хоть как-то смог отвлечь её от мрачной реальности Теремов. Это произошло после очередного заседания, на котором принимались жизненно важные постулаты Братства относительно населения геттополисов. Следующие законы были приняты единогласно, всего за

несколько минут:

– Передача тюремного срока по наследству – в случае преждевременной смерти заключённого ближайший родственник обязан досиживать срок до конца.

– Десять лет тюрьмы за публичное сомнение в существовании Главногокомыслящего.

– Двадцать лет тюрьмы за сокрытие информации о местонахождении революционеров штаба сопротивления.

– Два обязательных бесплатных выезда работников извоза в районы гетто-предприятий.

– Пятнадцать лет тюрьмы за пользование беспроводной связью.

– Запрет на присвоение библейских имён детям не принадлежащим к аристо-элите.

– Ограничение количества разрешённых городских звонков до пяти в день, включая экстренные звонки в службы спасения.

– Обязательное прохождение опроса на нейронном детекторе правды раз в 3 месяца для подростков и раз в два месяца для всех граждан старше двадцати одного года.

– Обязательные нейронные собеседования с детьми при приёме в детские сады.

На этом тяжёлый рабочий день был окончен, все устремились в буфет, где их ожидал жирявый глумослов. Шут ухахачивался со смеху, рассказывая очередную притчу. Стёб над управленцами давно входил в его профессиональные обя-

занности. Он часто приукрашивал рассказы вымышленными подробностями, но суть произошедшего всегда оставалась правдивой. Историю о суде Абворовича и Борзовского шут любил больше всех остальных и рассказывал её с особым энтузиазмом:

«Значит встретились они в библиотеке. По чистой случайности. Абворович там искал самоучитель по латыни, а Борзовский рассматривал книгу соломоновых притчей. У Борзовского с собой был иск к Абворовичу, он его даже в библиотеку носил. Подбегает он к нему и тычет в харю повесткой в суд. Ну Абворовичу деваться некуда, он даже руками не успел развести.

Судиться решили, естественно в Нектарии. Абворович волшебным образом получил там временный вид на жительство, как полноправный потомок евреев-гепардов, – еврейской общины Пигмейского полуострова, которых преследовали в Агонии. Борзовскому сначала указали на дверь, мол судись в Братстве или в Северном Пасьянсе, но посмотрев на предъявленный иск, специально изменили закон, разрешающий въезд в Нектарию на время суда. В иске шла речь о золотой горе Агонии. Приняла их самая известная судья Нектарии, – Глотка. Приняла в прямом и переносном смысле.

Судья Глотка им и говорит, мол нету у вас никаких шансов в этом деле. Ни у одного, ни у другого, ренегаты вы несмешные. Борзовский сначала обиделся, мол что вы нас дегенератами обзываете? А Абворович говорит ей, мол,

оставь, Глотка, это у нас традиция такая в Братстве, – мы сначала братуемся, а потом судимся, а потом опять братуемся, а потом опять... Скучно нам. Глотка это проглотила и пожала плечами, мол я вас не дегенератами назвала, а ренегатами, дегенераты вы недоученные, а традиции мы уважаем, Нектария – страна политкорректная.

Начался суд. Борзовский плохо знал язык Нектарии и, поэтому, говорил без переводчика. Абворович прекрасно знал язык и, по этой причине, взял самого высокооплачиваемого синхрониста. В своём иске Борзовский предъявлял претензии к бизнесу мат-рюшек.

Он утверждал, что вложил в бизнес одну из золотых гор, которую честно заработал, трудясь в Братстве на кварк-глюонном заводе. Гору он затем выкупил обратно, на деньги, полученные от бизнеса мат-рюшек. Сам же бизнес по производству игрушечных атомных бомбочек Абворович продал Братству за стоимость, намного превышающую её изначальный номинал. Борзовский требовал свою долю от сделки. Сумму иска невозможно было выговорить на языке Нектарии, так как слово, обозначающее число с таким количеством нулей в словаре Нектарии не значилось.

Сначала выступал адвокат Абворовича. Их позиция была ясна и понятна: Абворович работал чисто по понятиям, давно отошёл от дел, и, на данный момент, не имеет с Братством ничего общего.

Потом выступал Борзовский. Он сошёл в зал суда вразва-

лочку, как истосковавшийся по суше моряк сходит на берег. Встав перед микрофоном в довольно вызывающей позе, он начал предъявлять претензии к Абворовичу.

Борзовский говорил уже десять минут, а члены суда думали что он всё ещё настраивает микрофон. Очень скоро они обнаружили свою оплошность, и стали покатываться со смеху, так как понять речь стоящего у микрофона человека было абсолютно невозможно.

Борзовский считал, что дело в кармане, ибо решил, что смеются над глупостью и непрофессионализмом Абворовича. Его язык развязался вместе с галстуком на шее. Борзовский был очень доволен собой. Когда он закончил, члены суда не могли остановиться от смеха, держась друг за друга, а судья Глотка вытирала слёзы мантией.

Наконец они взяли себя в руки:

– Ребят, вот сейчас серьёзно, – сказала Глотка. У кого-нибудь есть вопросы?

– У меня есть, – сказал секретарь, сидевший рядом с судьёй и давившийся от смеха больше остальных.

– Пожалуйста, – сказала Глотка.

– Правда ли, что когда вы жили в Братстве у Вас была кличка Борзый?

Члены суда опять покатались со смеху. Борзовский не понял вопроса, но ответил: Да.

Это было единственное слово, которое поняли члены суда за всё выступление. Глотка подозвала судебного перевод-

чика и попросила его выяснить у Борзовского точные координаты горы, – широту и долготу. Толмач передал просьбу, объяснившись со своим клиентом на языке глухонемых.

Борзовский кому-то позвонил прямо из зала суда, что-то долго выяснял, но в итоге предоставил всю необходимую информацию, указав дополнительно как лучше добраться до горы воздушным и наземным транспортом.

– Суд удаляется на совещание, – сказала судья Глотка, не вставая из за стола, и громко хлопнула деревянным молотком.

– Суд выносит решение в пользу Абворовича, – сказала она ещё через секунду и опять хлопнула молотком. Гора переходит в собственность Абворовича.

– Так это ж вопиюще ж! – затрясся Борзовский и поднял руки к небу в истерическом молитвенном порыве.

К нему немедленно подбежал адвокат и зашептал на ухо: "Осторожно, будите критиковать судью, вышлют к чёртовой матери обратно в Братство! Вас, и мать Вашу! Мать Вашу!".

– Протест принимается, – сказала Глотка. Ввиду того, что Абворовича не имеет гражданства Нектарии, по закону Нектарии, его собственность в виде горы, находящейся в данный момент в Агонии по таким-то координатам, переходит в собственность Нектарии».

Члены аристо-элиты мрачно переглянулись между собой и разразились громким поддельным смехом.

Между тем, в Теремах стали происходить странные события. Патриотические игры молодёжи устраивались уже каждый божий день. Логическое объяснение этому было только одно, – обострение внутривластной ситуации, вызванное соперничеством партийных кланов. Борьба за власть между башнями Дворца выходила на новый уровень.

Муж Мелюзины, отвечавший за патриотическое воспитание молодёжи, демонстрировал избыточную лояльность Главкомыслящему. Военные игры включали в себя несколько этапов: вывод из строя радиационной стены, разминирование минного поля и прохождение термохимического препятствия в защитных термотулупах. Каждое из этих мероприятий стоило громадных средств и доставляло огромные неудобства размеренной жизни аристо-элиты.

Более того, подобные игры представляли огромный риск для жизни молодых участников. Малейшая неточность в соблюдении техники безопасности грозила летальным исходом или, как минимум, приводила к инвалидности. Состав ёмкости термохимического рва менялся каждую ночь, создавая дополнительные сложности для юных патриотов. Ров наполняли ртутью, плазмой или серной кислотой. Ни один участник игры не мог знать заранее его точный состав. Процесс замены химикатов был трудоёмким и дорогостоящим предприятием. Столь отчаянное желание чиновника привить молодёжи грамотные патриотические манеры вызывало беспо-

койство и недоумение даже в кругах "сплотившихся".

Главномыслящий никак не реагировал на происходящее. Это фактически развязывало чиновнику руки и давало возможность повысить собственный рейтинг, рискуя жизнями одуроченных подростков.

В один из тренировочных дней произошёл сбой, – группа, отвечавшая за вывод из строя радиоактивной стены, допустила грубую ошибку, оставив генератор работающим на полную мощность. Пятьдесят подростков, прибывших из кварк-глюонного геттополиса были обречены на медленную смерть от лучевой болезни. Несчастливым наскоро вручили грамоты с гербами Братства, подписанные Потрохом-Петрушей и быстро отправили по домам. Они возвращались к родителям сияющие от радости, не зная в каких муках будут умирать вечером.

На следующий день, один из участников кислотного заплыва неправильно закрепил термотулуп и заживо растворился в серной кислоте рва.

Всё это никак не волновало чиновника. Он преспокойно наблюдал за тем, как вылавливают остатки несчастного и с удовольствием поедал полевой завтрак, заботливо приготовленный супругой Мелюзиной. Военно- патриотическое мероприятие должно было продолжаться несколько недель, не принимая во внимание чудовищные несчастные случаи и беспрецедентные сбои в соблюдении техники безопасности.

Одни считали чиновника фанатиком и патриотом-ради-

калом, другие карьеристом, третьи – просто идиотом. Как выяснится позже, ошибались все.

XIX

Элис сидела вместе с Пердю на золочёной террасе, наслаждаясь нежным солнечным приливом и божественным видом райского города-сада, открывающегося из третьей башни. Вековые исполинские деревья сцепились между собой, как страстные любовники, создавая яркий калейдоскоп цветов, – бенгальский фикус причудливо переплетался с лысыми кипарисами, радужный эвкалипт насадал на древесную ромашку, спасаясь от дикого чертополоха.

Пердю была явно не в духе. Пейзажи неземной красоты не волновали её даже в детстве, шум водопадов и пение птиц вполне заменял музыкальный генератор, созданный на заводе "Ритм". Чиновницу тревожил иной мир, созданный не мощными механизмами природы, а силой человеческой алчности.

С момента вручения подарка Главнокомыслящему прошло уже две недели, а никаких вестей от ассенизатора не поступало. Пердю с удивлением обнаружила, что начинает сильно беспокоиться за Беркута. За несколько лет она успела привязаться к двуглавному. К тому же птица стоила баснословных денег. Неправильный уход мог сгубить выкормыша за два дня. Она нервно переключала информационные каналы Теремов, пытаясь ухватить между строк хоть какой-то

намёк на грядущие кадровые изменения в составе “сплотившихся”.

Ни одна трансляция не сообщала ничего утешительного, скорее наоборот, – работа чиновницы всё чаще подвергалась критике со стороны аристо-элиты. Это лишь усугубляло пристрастие мадам к кокаину.

Приняв очередную дозу, она схватила тяжёлый хрустальный бокал, оформленный в виде воронки от ядерного взрыва, и с силой швырнула в информационный стенд чуть не задев Элис:

– Почему молчит этот бывший говнодав!?

Элис не ожидала такой реакции от мадам, но быстро взяла себя в руки, подбежала к подруге и села рядом:

– Мы можем как-то связаться с ним? Ведь должна быть возможность?

Пердю высыпала на стол ещё одну дозу из мат-рюшки и посмотрела на Элис с лёгкой дружеской укоризной.

– Ты издеваешься, Эля? Меня не пригласили даже на церемонию награждения. Пришлось изворачиваться, чтобы попасть туда и ждать пока этот ублюдок соизволит поговорить со мной аж целых пятнадцать секунд.

Элис не могла откровенно сказать подруге что думает о сложившейся ситуации. Всё происходящее с мадам было для неё совершенно очевидным: бывший ассенизатор хотел пристроить на место Пердю кого-то из своих близких родственников. Он убедил чиновницу вложить безумные средства в

изначально опасный проект, чтобы подорвать её финансовое состояние, и выставить на посмешище перед всем составом “сплотившихся”. Чиновница рисковала потерять всё, вплоть до свободы, если подарок не придётся по вкусу Главного-мыслящему.

Элис попыталась переключить канал на развлекательную волну, но слинфобак замолк окончательно. Брошенный бокал оставил вмятину на мониторе и полностью привёл его в негодность. Она бросила пульт управления на стол.

– Теперь мы остались без новостей.

Пердю вдохнула ещё одну дозу.

– Сейчас всё исправим, Эля, не дёргайся. Заодно познакомлю тебя с одним человеком. Только вернулся из Нектарии. Специалист по информационной безопасности.

Ещё толком не поняв о ком идёт речь, Элис почувствовала частое сердцебиение. Она считала, что знакома со всеми влиятельными людьми во дворце. Мысли об агенте штаба, находящемся в Теремах, не посещали её с момента неудавшейся исповеди у попа. Ей начинало казаться, что никакого агента не существует, – все члены аристо-элиты были слишком ничтожны для этой роли. В гениальную игру одного из них она не верила. Если бы предложили назвать наиболее подходящую кандидатуру, она не задумываясь сказала бы в шутку, что агент – Кирка. Более того, если бы агент действительно находился рядом всё это время, то наверняка воспользовался бы одной из тысячи возможностей выйти на

связь.

Теперь же к ней вновь вернулась надежда. Человек, упомянутый Пердю не имел возможности выйти с ней на контакт, потому что был в отъезде. И не где-то, а в самой Нектарии.

Элис попыталась скрыть волнение, она не хотела упустить уникальный шанс, случайно предоставившийся ей из-за несдержанности чиновницы:

– Надо срочно пригласить его к нам, иначе умрём от информационного голода!

Пердю уже набирала номер, поставив звонок на громкую связь. Через несколько секунд Элис услышала красивый мужской голос, не имеющий ничего общего с ржавыми и тухлыми бляеваниями чиновников, которые ей приходилось слышать во время пребывания в Теремах:

– А я всё жду, когда же ты обо мне вспомнишь, дорогая.

– Я о тебе и не забывала, Ром, – игриво ответила Пердю. – Мог бы сам позвонить, или уже думаешь, что можно гнушаться лучшими друзьями, раз в Нектарии побывал?

Они были хорошо знакомы и явно симпатизировали друг другу.

– Нектария, да я если и видел, то пару улиц. Там даже за президентами следят, начиная с известных событий, – параноидальная система безопасности.

– Ты мне нужен, срочно. Хочу познакомить тебя кое с кем, – сказала Пердю и вытаращила глаза на Элис. – Заскочи

на минуту, не пожалеешь.

Повисла небольшая пауза, затем голос заговорил снова:

– Есть пять минут, только ради тебя.

– Вот и славно, – захлопала в ладоши мадам. – Да, и захвати слинфобак, мой выведен из строя точным попаданием хрустального бокала.

– Так ты хочешь познакомить меня с метателем хрусталя?

– Скорее с хрустальным мечтателем, – съязвила Пердю. –

Жду.

Элис посмотрела на подругу с наигранной злобой, чтобы скрыть заинтересованность в предстоящей встрече.

– Я не собиралась ни с кем знакомиться, мы говорили только о замене монитора.

– Не гунди, Эля, иначе бы он зашёл только через месяц, – оправдалась мадам. – А теперь, надеюсь, прибежит через пять минут.

Чиновница знала о чём говорит. Очень скоро раздался неуверенный стук в дверь. Элис опять почувствовала странное сердцебиение. Пердю побежала встречать гостя. Элис оставалась за столом, пытаясь пристроить куда-нибудь остатки кокаина.

Когда он вошёл в гостиную, чувство одиночества, терзающее Элис с момента появления в Теремах растворилось в воздухе в одночасье. Необъяснимая волна дружеского тепла пронеслась по комнате, и приятно коснулась груди. Она не видела Рома, но женская интуиция намного опередила ра-

зум. Запах табачного дерева и кедровый привкус сигарного дыма становился сильнее с каждым шагом незнакомца к террасе.

Когда вошедший, наконец, предстал перед ней, Элис, по непонятной для себя причине, не смогла произнести ни слова. Она закусила кончики волос, стараясь не смотреть незнакомцу в лицо. Элис успела заметить красивый шрам, украшавший смуглое лицо, пронзительный, но дружелюбный взгляд, откровенную и чуть отстранённую улыбку. Незнакомец был лет на пять старше неё, хотя, учитывая его прекрасную спортивную форму, мог казаться намного моложе своих лет.

Когда он повернулся к ним спиной и стал устанавливать сливной информационный бачок, Элис неожиданно поймала себя на мысли, что смотрит на незнакомца оценивающим взглядом. Ей показалось, что Пердю тут же заметила это, но решила до срока не подавать виду.

Когда Ром закончил, Пердю насильно взяла Элис за руку и потянула вперёд, изображая за неё приветствие:

– Элис, наш гениальный фотограф.

Ром представился еле заметным кивком головы, затем нежно коснулся её руки.

– Очень приятно, жаль, но мне надо бежать прямо сейчас. График последнее время просто сумасшедший. Рад был встрече.

Элис неожиданно захотелось, чтобы незнакомец обнял её

и прижал к себе как куклу. Когда она очнулась, они были с Пердю уже вдвоём.

– А ты влюбчивая, дорогая, – засмеялась Пердю.

– Что за бред? – встрепенулась Элис и сразу же осеклась. – Слинфобак работает?

Пердю посмотрела на неё в упор и хитро прищурилась.

– Работает как часы. Понравился?

– Кто слинфобак?

– Понятно, понравился.

У Элис полыхало лицо, она схватила пульт и стала бессмысленно переключать каналы, пытаясь сделать безразличный вид. Надо было немного подождать, чтобы Пердю сама рассказала ей про гостя своим длинным языком.

Так и случилось уже через несколько минут. Чиновница отыскала мат-рюшки, высыпала последние крохи кокаина на серебряный поднос и жадно затянулась.

– Подумать только, был в самой Нектари, а я сиднем сижу в Братстве, как сыч! Даже двое из ларьца там побывали! Пусть в полном дерьме, но всё же за границей Теремов.

– Я бы не хотела побывать даже на луне в таком космическом аппарате, как они, – отшутилась Элис.

– Не знаю, – грустно сказала Пердю. – Иногда мне кажется, что я готова путешествовать даже в био-очке нашего Поп Лидера, лишь бы посмотреть мир.

Элис поднесла пальцы к губам, намекая на то, что, в создавшейся беспокойной обстановке их может подслушивать

кто угодно. Пердю равнодушно махнула рукой, затем гордо заявила:

– Тот, в кого ты только что влюбилась, Эля – мой друг. А ещё он специалист по квантовой информационной безопасности. Если жучки появятся, хотя бы в бачке моего золотого унитаза, я узнаю об этом ещё до того, как солью воду.

Глупая шутка чиновницы ещё больше свидетельствовала в пользу того, что случайная встреча явилась ключом к разгадке: Ром – агент штаба сопротивления. С другой стороны такой поворот событий ставил бы под сомнение вменяемость всей службы безопасности Теремов.

Надо было воспользоваться моментом и получить от чиновницы как можно больше информации об этом человеке. Его необычная внешность была Элис только на руку, – вопросы о его личности будут восприняты Пердю, как чисто женский интерес к потенциальному любовнику.

Штаб сопротивления строго на строго запрещал ей вести собственное расследование, но новое интимное обстоятельство открывало возможность задавать интересующие вопросы, не навлекая на себя лишних подозрений.

– Он что, получил эту должность по наследству? – спросила Элис, маскируя важный вопрос под глупую шутку.

Пердю же ответила неожиданно серьёзно:

– В какой то степени – да. Он несколько лет ходил под начальником, набирался знаний, так сказать. Пару лет назад разгорелся страшный скандал, говорят даже полетели голо-

вы в первой Башне. Начальник умер, после чего Ром обнаружил жучки по всем углам Теремов, чуть ли не в спальне Главногокомыслящего. Он фактически спас нас всех от утечки информации в руки заграничных психопатов.

– То есть начальник был, – Элис сделал вид, что подбирает правильное слово, – шпионом?

– У нас их называют кротами, – сказала Пердю. – И совершенно напрасно. Кроты слепы, а эти видят даже сквозь стены башень.

Элис почувствовала, что в этом эпизоде и кроется вся разгадка: старый крот подготовил молодого перед смертью, затем оба разыграли комедию с жучками, чтобы создать Рому красивую легенду. Выяснить подробности можно только у самого Рома. Расспрашивать дальнейшие подробности у мадам больше не имело смысла. Теперь надо понять как ещё раз встретиться с симпатичным специалистом по цифровой безопасности.

– А он действительно недурно воспитан, – подмигнула Элис чиновнице, намекая на то, что не против увидеться с Ромом ещё раз.

Кокаиновый дурман рассеивался, Пердю грустно посмотрела на Элис.

– Понимаю, дорогая, почему ты мне всё это говоришь. Я не такая глупая как ты думаешь. Но, клянусь, не знаю как ещё раз устроить тебе встречу. Его график расписан по минутам. То, что Ром так быстро откликнулся на моё предло-

жение можно считать чудом. Не знаю даже что на него нашло. Но верю, – ждёт нас удача. Чудеса в Теремах случаются часто, Эля. Договорив последнюю фразу Пердю уснула прямо за столом, вдохнув последние крошки кокаина.

XX

Чиновница оказалась права, – чудеса в Теремах происходили чуть ли не каждый день. На этот раз случилось нечто непредвиденное, – одна за одной стали бесследно исчезать гурии-клоны. Это уже представляло непосредственную угрозу для самой Пердю и её друга Рома, – они отвечали за имущество и безопасность Теремов.

Жизнь чиновницы повисла на волоске, её обязали представить подробный отчёт о происшествии. Пердю постоянно избегала разговоров о гуклонах, но в новых обстоятельствах у Элис появилась возможность получить хоть какую-то информацию по запретной теме.

– Я погибла, Эля, – сказала Пердю, растирая по зубам кокаин из очередной мат-рюшки. Меня подставят в любом случае. Последняя надежда на Беркута, но он, похоже не спешит меня спасать.

У Элис не было ни малейшей идеи, что всё это могло означать, она твёрдо решила, что не даст в обиду свою единственную защитницу в башне смердящих пауков. Первым делом надо было понять базовые вещи. На этот раз Элис решила не отступать:

– Ты всегда избегала разговоров на эту тему. Может скажешь теперь для чего вообще нужны эти гуклоны? Мне несложно представить как именно их используют в Теремах, но ответ только на один вопрос: неужели во всём Братстве так мало женщин с пониженной социальной ответственностью, чтобы тратить золотые горы на производство клонов, выстраивая целые гетто-заводы? О моральной стороне я даже не говорю.

Пердю ответила не сразу. Элис вдруг поняла, что, нечаянно наступила мадам на больную мозоль. Ещё одна доза матерюшки всё же развязала ей язык:

– Ты будешь сильно удивлена, Эля, если я назову тебе причину, по которой одна пятая всего бюджета Братства уходит на их создание. Эти расходы скоро будут сопоставимы с военными.

Элис посмотрела на подругу с усмешкой:

– Можешь смело говорить, после конференции "Наука и религия Братства" меня уже ничего не удивит. Скорее я смогу вызвать у тебя шок своими рассказами.

Пердю сплюнула:

– Отвечу коротко. Педофилия запрещена в Братстве, собирать детишек по геттополисам пользуясь религиозной неприкосновенностью становится всё тяжелее, да и не много-то соберёшь. Знаешь лучше меня, на твоих глазах честные труженики чуть не посадили Мифа на кол. А аппетиты у башень растут, Эля.

Элис схватила за голову:

– После разговора учёных с Мифом, я думала, что видела в жизни всё. Как же я ошибалась.

Пердю рассмеялась нервным наркотическим смехом:

– Да ты не видела и сотой доли зла, дорогая моя. Ты вообще не понимаешь где находишься. Но сейчас не об этом. Вернёмся к нашим клонированным овцам, – на них закон о педофилии, как ты уже успела понять, не распространяется. Вот тебе и ответ на твой научный вопрос, – зачем существует геттополис клонирования и сотни тысяч людей, которые в нём трудятся, как заведённые. Как ты думаешь, что бы они почувствовали услышав такую правду о своей жизни?

Элис не ответила.

Чиновницу постепенно окутывал кокаиновый дурман.

– Ты когданибудь видела двадцатилетнюю женщину с интеллектом семилетнего ребёнка, Эля? Не умственно отстающую, а просто ребёнка, которому двадцать лет? Или, скажем по-другому, – семилетнюю девочку с телом двадцатилетней женщины? Очень, знаешь ли в ходу. Но и это ещё не всё. Как я уже сказала, аппетиты растут.

– Что это значит, – вздрогнула Элис.

– Это значит ровно то, с чего мы начали этот разговор. Кому-то стало мало развлечений обычного честного педофила и он решил переступить черту. И этот кто-то – один из “сплотившихся”.

– Почему именно из сплотившихся, а не просто из ари-

сто-элиты, – спросила Элис, хотя сама знала ответ.

Пердю неожиданно преобразилась. Элис поняла, что чиновница продумывала множество вариантов, пытаясь вычислить мерзавца.

– Во-первых, как сказал Ром, у этого подонка есть возможность отключить камеры слежения на самом высоком уровне. А во-вторых, и это самое главное, есть инсайд – кто-то из сплотившихся лоббировал у Мифа изменение заповеди "Не убий" для гуклонов и крестопьян. Но мы никогда не узнаем кто.

– Какие есть зацепки? – деловито спросила Элис.

– Никаких, – усмехнулась Пердю. Большая часть гуклонок живёт в институте клонирования. В Терема их привозят на обмен, временно поселяют в четвёртую Башню. Затем они расходятся по всем углам первой Башни, и проследить этот трафик невозможно. Потом, через какое-то время, они опять оказываются в четвёртой, но, как выясняется не все. Ром сделал всё что мог, проверив каждый миллиметр Теремов. Он утверждает, что пропавших гуклонок просто физически нет во Дворце.

Элис на несколько секунд стало плохо от услышанного. Ей вдруг показалось, что нечто подобное может в скором времени случиться и с ней, если они не найдут разгадку совместными усилиями.

– Как это возможно? Он что проверял все самолёты, вылетающие из Теремов?

– Представь себе, – сказала Пердю. Единственное, над чем у него нет контроля, так это над космическим кораблём Главногокомыслящего. Но об этом, мы умолчим.

Расследованием занимается сам Потрох-Петруша.

– А что, если это..? – Элис не смогла закончить фразу и таинственно посмотрела на подругу.

– Если это сам Потрох-Петруша? – договорила за неё Пердю. Это практически исключено, но если он и есть главный виновник торжества, то нам конец.

Элис с испугом посмотрела на мадам.

– Хорошенькие дела. Прости за глупый вопрос, а можно выяснить у Мифа, кто лоббировал изменение заповеди?

Пердю злобно ухмыльнулась.

– Ну если у тебя есть, хотя бы пятьдесят тонн золота, чтобы встать в очередь на аудиенцию, тогда можно подумать. О том, что делать после того, как он пошлёт тебя ко всем чертям.

– Понятно, – сказала Элис и манерно перекрестилась. Не самая хорошая идея, – если мы не найдём решение, то я познакомлюсь с ними бесплатно, без всякой аудиенции.

– Скорее тебе их представлю я, – добавила Пердю, – на тот момент они уже будут моими лучшими друзьями.

Элис пыталась быть серьёзной.

– Тогда нам ничего не остаётся, как включить аналитические способности.

– У меня их никогда не было, – махнула рукой чиновни-

ца. – А ты, как я слышала – дочь именитого профессора. Я лишь могу поднять на уши весь обслуживающий персонал. Вот только знать бы для чего.

Элис вдруг осознала, что это страшное происшествие – может быть единственный шанс ещё раз увидеть Рома. Цена за встречу была слишком высока, – Элис понятия не имела, кому могла прийти в голову мысль красть гуклонок и прятать их так, чтобы все камеры слежения теремов оказались бесполезным металлоломом.

Она подозревала сразу всех, и в этом состояла главная проблема. Любой член аристо-элиты вполне подходил под описание педофила-психопата, даже супруг Пердю. Единственно кто не вызывал подозрение, – это сама мадам, и то, только потому, что на карту была поставлена не только карьера чиновницы, но и вся её жизнь.

– Чтонибудь подобное случалось раньше? – спросила Элис со слабой надеждой получить хоть какую-то зацепку.

– Никогда, – отрезала Пердю, как ворон из старинной сказки.

Другого ответа Элис и не ожидала.

– Есть помещения в Теремах, недоступные для камер слежения?

– Только палаты самого Главнокомыслящего и Потроха-Петруши. Но их мы и не рассматриваем в качестве подозреваемых, – обречённо вздохнула мадам.

Элис вошла в роль следователя, и ей начинала нравиться

её выдуманное амплуа.

– Тогда мы получаем только два варианта. Либо мы имеем не полную информацию, либо имеем дело с магией.

– В магию я не верю, а вот гуклонок вполне могли использовать в магических целях, – задумчиво произнесла Пердю.

Это замечание ошеломило Элис:

– Что ты имеешь в виду? Магические ритуалы? Здесь в Теремах?

– Да Эля, здесь, в Теремах, – передразнила её чиновница. – Именно здесь! Где по твоему им ещё происходит? В цехах твоего био-химического завода?

Мадам переступала черту. Элис решила, что не спустит последнюю фразу на тормозах:

– Если бы ты там побывала, то увидела бы ад собственными глазами и поверила бы в то, что магия так же реальна, как пропажа гуклонок.

– Извини, подруга, – сбавила тон Пердю, – просто меня немного трясёт.

– Поверь, мне тоже не по себе, – не сдержалась Элис, – раз во Дворце, где каждый сантиметр напичкан камерами слежения и спец службистами, могут бесследно исчезать люди. Мы можем стать следующими, если что.

– Думай, Элис, пожалуйста! – взмолилась Пердю. У меня огромные ресурсы в распоряжении.

«А ума нет, – мысленно продолжила фразу Элис.»

– Сейчас важен только один ресурс – это наш интеллект.

Всё остальное потребуется, когда будем брать этого мерзавца, – неожиданно для себя сказала Элис.

Это взбодрило мадам.

– По поводу магии, – во дворце проводятся сатанинские ритуалы. Среди посвящённых – узкий круг “сплотившихся”. Но это, к сожалению всё, что я знаю. В детали, как ты понимаешь меня не посвящают.

– Не очень информативно, но может пригодиться, – деловито сказала Элис. – Любой намёк может вывести на след. Давай рассуждать абсолютными истинами, как учил меня отец. Ты говоришь, что Ром – лучший профессионал в своём деле, и он утверждает, что гуклонок физически нет в Теремах. Так?

– Именно так.

– В отсеках самолётов, вылетевших из Теремов их тоже нет.

Пердю нашла мат-рюшку и заметно повеселела.

– Нет, ни в отсеках, ни даже в уборной.

– Это означает, что они растворились в воздухе.

– Не иначе, – процедила сквозь зубы мадам, вдыхая сладкую пыльцу.

– Прекрасно, – сказала Элис, мы только что доказали, что магия, как и мафия бессмертна. Хорошо, давай попробуем зайти с другой стороны.

– Что необычного произошло в Теремах за последнюю неделю?

Пердю на секунду задумалась, затем рассмеялась пропащим истерическим смехом:

– Пьяный поп с прихожанками распевал срамные песни и танцевал на бильярдном столе! Клянусь, сама была свидетельницей.

Элис хотела наброситься на подругу, но сдержала себя, резонно решив, что это мало поможет делу.

– Этот факт, безусловно, сыграет ключевую роль в нашем расследовании, но может быть что-то ещё?

Чиновница заливалась громким смехом, Элис решила не прерывать истерику и терпеливо ждала, когда первая волна кокаинового экстаза начнёт слабеть. Она начинала жалеть, что ввязалась в это глупое расследование. Зацепок не было никаких. Бессмыслица их пустой болтовни начинала её раздражать.

Внезапно Пердю перестала смеяться и вылупилась на пустую стену.

– Нет, есть ещё кое-что, – сказала она уже серьёзно и замолчала.

– Ну же, – крикнула Элис, – говори, раз снизошло!

– Очень интересно. А ты сама не заметила?

– Попа? О, да, ещё как заметила с твоей подачи.

Пердю отодвинула мат-рюшку.

– Ладно, Эля, сейчас без шуток. Патриотические военные игры.

– Что игры? – не унималась Элис. Насколько мне извест-

но, они проводятся каждый год. Что в этом удивительного?

– То, что сейчас они проводятся почти каждый день, вот в чём отличие.

Элис разочарованно вздохнула:

– Ну и какое это имеет отношение к делу?

– Не знаю, ты просила сказать, что необычного произошло в Теремах за эту неделю.

– Да, верно, просила, – задумалась Элис. – А кокаин хорошо действует на твои дедуктивные способности, подруга.

Пердю щелчком приблизила мат-рюшку к Элис.

– Не знаю какие способности ты имеешь в виду, но пригубить не грех.

Элис решила не вдыхать кокаин, а втереть в нёбо, как это иногда делала мадам.

– Военные игры, к сожалению, никак не продвинут нас к разгадке, ибо не имеют к гуклонам никакого отношения.

Она вдруг почувствовала, как белая искристая волна разливается у неё на уровне солнечного сплетения, мысли обрели небывалую ясность.

Пердю с любовью посмотрела на подругу.

– Только не привыкай, иначе станешь похожей на гуклонку, а они растворяются в воздухе, как кокаин в капиллярах нёба.

Элис уже любила мадам всей душой, счастье разрывало её грудь сладким северным сиянием.

«Растворяются в воздухе, – повторила она мысленно сло-

ва чиновницы, – в капиллярах нёба.»

Внезапная мысль взорвалась в голове, как разрывная серебряная пуля. Элис открыла глаза и уставилась в стену, точно так же как это сделала Пердю пол часа назад, когда вспомнила о детских военных сборах.

– Не может быть, – закричала она и неожиданно схватила чиновницу за ухо. – Чёрт, я нашла разгадку! Слышишь?!

Пердю подпрыгнула на стуле и поцеловала Элис в руку.

– Можешь оторвать мне ухо, если это так! Ну же, не тяни!

Кокаиновая волна нахлынула на Элис как цунами. Она вскочила на стол и, неожиданно для самой себя, стала танцевать как на сцене.

– Тогда поклянись, что устроишь мне встречу с Ромом!

– Да я сведу тебя с самым Главкомыслящим, дорогая моя! Говори же!

Элис чувствовала себя Богиней.

– Неужели ты не понимаешь! Растворились в воздухе!

Пердю смотрела на неё как на умалишённую.

– Эля, это не смешно, говори немедленно, иначе я решу, что ты просто несёшь наркотический бред.

Элис спрыгнула и перевела дух. От волнения голос дрожал и сбивался:

– Послушай, ты сейчас сама назовёшь мне его имя! Гуклоны растворяются, но не в воздухе, а в термохимическом рве! Как недавно растворился в нём несчастный подросток, неумело закрепивший свой термотулуп. Вот почему так ча-

сто происходят эти игры!

Элис зло рассмеялась и презрительно посмотрела на мадам.

– Или ты думала, что с тем, кто их устраивает случился внезапный приступ патриотизма?! Вот почему ни одна камера слежения не зафиксировала даже волос, упавший с их головы. Останки убитых гуклонов растворились без следа в серной кислоте!

Чиновница смотрела на Элис, как на греческую Богиню.

– Распятие Христово! – еле вымолвила она и медленно перекрестилась. – Твою мать! Раймонд! Так вот зачем этот ублюдок детей на минное поле пускает как крыс! А я то думала перед Главнюком выслуживается! Не в жизнь бы не допёрла! Вот что значит высшее образование! Да я сделаю из тебя лучшего сыщика в Братстве, Эля! Ты же гениальна, подруга!

Элис остановила брезгливую истерику Пердю дружеским жестом.

– Лучше сделай одолжение, сведи меня с Ромом. Ты обещала. И ещё, – теперь нам понадобятся ресурсы, которыми ты так хвасталась, дорогая, у меня есть идея.

Чиновница уже набирала номер дрожащими руками.

– Только не сейчас – ответил сонный мужской голос. Хочу выспаться перед тем, как меня повесят из за этих чертовых гурий.

– Ну спи, специалист по цифровой безопасности, если не

хочешь знать куда они делись прямо перед твоим носом, – весело сказала Пердю.

На другом конце послышался громкий шорох, словно кто-то на ходу натягивал на себя одежду.

– Это кокаин говорит или ты, Перр?

– Послушай, – сказала Пердю уже совсем другим тоном. – Ты должен встретиться со мной и Элис прямо сейчас.

– С кем? – голос звучал уже бодро.

– Элис, девушка, которой ты целовал пальцы у меня на балконе. Она тебе расскажет куда делись гурии и кто ответственен за весь этот кошмар, – то есть сделает за тебя твою работу. Или можешь подождать пока нас всех пристроят вместе с ними.

– Еду прямо сейчас, – услышала Элис. – Не отпускай её.

– Да она, похоже, сама теперь от тебя никуда не уйдёт, – успела крикнуть мадам.

Пердю подскочила к Элис и нежно заключила в свои объятия:

– Как видишь твоя единственная подруга держит обещания!

Ром примчался через пятнадцать минут. Элис приняла ещё одну дозу для храбрости. Теперь она могла рассмотреть его без стеснений, – кокаин снял ненужные комплексы, оставив мысли прозрачными, как бокал "Божьей Росы".

Он показался Элис ещё красивее и мужественнее, чем в прошлый раз, когда она не смогла задержать на нём взгляд

даже на пять секунд.

«Последний рыцарь Восточного Братства, – подумала Элис, и удивилась своей же формулировке.»

Ром поцеловал ей руку.

– Так это Вы, моя спасительница?

– Я ещё никого не спасла, – кокетливо сказала Элис.

Она почувствовала приятную лёгкость в общении с этим человеком. Его необыкновенная аура проникала в поры сильнее, чем кокаин.

– Если я понял правильно, за один час Вы сделали то, что не удалось целому отделу службы безопасности за несколько дней. Я прав?

– У нас есть гипотеза, объясняющая пропажу гурий из Теремов, – сказала Элис.

– У Элис есть гипотеза, – поправила её Пердю, подавая гостю рюмку "Божьей росы".

Ром брезгливо поморщился:

– Я бы предпочёл коньяк, тот факт, что наш духовный лидер заполонил Терема этой безвкусицей, не обязывает меня её употреблять.

Чиновница загадочно улыбнулась и молча удалилась. Ром внимательно посмотрел на Элис:

– Я уверен, что Ваша гипотеза верна. Вы выглядите как человек, который не бросается словами, понимая всю тяжесть ситуации. Сейчас мы с Пер рискуем головой.

Пердю принесла коньяк и мат-рюшку. Элис деловито по-

смотрела на Рома:

– Мы обратили внимание на одно странное обстоятельство. Последнюю неделю военные игры проходят в Теремах каждый день, хотя по регламенту должны происходить раз в месяц.

Ром мгновенно преобразился, теперь он ловил каждое слово. Сильное нервное напряжение, исходящее от него, Элис чувствовала даже под наркотическими парами. Она продолжила, обдумывая на ходу каждое слово:

– Совсем недавно произошла очередная трагедия, связанная с этими учениями. К сожалению, вынуждена напомнить одну страшную деталь – во время переправы через термохимический ров погиб подросток. Произошла разгерметизация термотулупа. Сейчас я скажу тоже самое, но другими словами, и Вы сами поймёте в чём состоит наша гипотеза: он растворился в кислоте рва.

Ром посмотрел на чиновницу тяжёлым сверлящим взглядом, затем перевёл взгляд на Элис.

– Это Раймнд, Ром, – сказала Пердю.

– Он гоняет детей на минные поля и переправы, третируя их патриотическим дерьмом, лишь для того, чтобы наполнить ров химикатами и избавиться от трупов гуклонов. В обычные дни ров либо пустой, либо наполнен водой. Ты должен знать это лучше меня.

Ром на несколько секунд закрыл глаза. Комментарии мадам были излишни, он понял Элис с полуслова.

– Чем был наполнен ров, когда погиб мальчик?

Пердю посмотрела на него с недоумением.

– Какое это имеет значение? Хотя уж это я могу элементарно выяснить.

– Почти наверняка серной кислотой, – ответил Ром на свой же вопрос. – Если мы только заикнёмся, что убийца – муж Милюзины, нас самих растворят как цыплят, без всяких термотулупов. Мы должны взять убудка с поличным, поэтому должны знать в какой день ров будет наполнен тем же химикатом, что и в день гибели подростка. Бьюсь об заклад, этот инцидент и подал Раймнду идею, как избавляться у него всегда отсутствовало.

Пердю включила слинфобачок, затем победоносно воскликнула:

– Всё так и есть! Четыре дня назад, когда произошла трагедия, щит заполняли серной кислотой. И с тех пор состав не меняли. Странно не правда ли? А ведь логичнее было бы просто наполнить его водой. Патриотическое рвение молодёжи не стало бы от этого меньше.

– Это значит, что мы можем устроить засаду уже сегодня вечером, – сказала Элис.

Все трое мрачно переглянулись.

– Если он будет не один, его люди утопят нас вместе с гуклонами, – сказал Ром. Но это почти исключено. Ему не нужны свидетели и, тем более, помощники, – как ни как, эти

чёртовы игры – его профессия. Я уже начинаю думать, что он специально убил подростка, чтобы убедиться, что идея работает. Но это мы выясним позже.

– Мы не сможем просто послать туда военных или наряд полиции, – сказала Пердю. – Ты сам понимаешь, что это исключено. У меня есть группа людей, которые должны обслуживать ров в случае выхода из строя. Но они не военные, их степень подготовки мне неизвестна.

Ром на секунду задумался, затем продолжил:

– Всё что им нужно будет сделать, – это одеть термотулупы и схватить ублюдка у рва, когда мы подадим сигнал. Спускаться в сам ров не будет никакой необходимости.

– Как мы подадим сигнал, если они заблокируют камеры слежения? – спросила Элис.

Пердю посмотрела на Рома.

– Вот тут твоё хобби, наконец принесёт нам хоть какую-то пользу!

Затем пояснила специально для Элис:

– Ром любит смотреть на звёзды в телескоп. Наконец то мы увидим взрыв сверхновой.

– Похоже вместо небесных тел сегодня придётся наблюдать тела земные, – мрачно пошутил Ром.

– Ров тянется на десятки километров, откуда мы можем знать в каком именно месте этот конченный психопат будет от них избавляться? – спросила Пердю.

– Я же говорю, у него нет воображения, впрочем как и у

всех членов его паскудной семейки, – сказал Ром и налил ещё рюмку. – Он придёт именно в то место, где погиб мальчик. За это ручаюсь головой.

Элис решила, что настал её черёд:

– Если вы покажете мне карту Теремов и место, где предположительно будет находиться этот человек, я рассчитаю координаты для идеального укрытия, где можно будет спрятать телескоп.

– Элис – профессиональный фотограф, – напомнила чиновница Рому. – Раймонд будет у нас как на ладони.

Ром поднял рюмку:

– Вижу у нас самодостаточная команда. Я отключу камеры слежения, это будет несложно. Самое главное не спугнуть Раймонда. Установлю телескоп в одной из Башен, где укажет Элис, и буду ждать хоть всю ночь, пока он не появится.

– Я пойду с тобой, – отрезала Пердю. – Меня это касается в первую очередь. Никто не знает, как там может обернуться.

– Вы забыли про меня, – сказала Элис обиженным тоном. Я родом из "хлопушки", а мы своих био-друзей не бросаем.

– Похоже я в надёжных био-руках, – засмеялся Ром.

Он указал пальцем на Пердю.

– Твои люди должны быть в полной готовности. Бери только тех, кто умеет пользоваться термотулупами, иначе получим ещё несколько трупов, тогда можно будет самим бросаться в ров, не дожидаясь суда. Они должны быть на месте через несколько минут после сигнала, как только появится

Раймонд. Если он успеет бросить в ров останки, прежде, чем будет схвачен, мы останемся ни с чем. Можно и в этом случае попытаться выловить хоть что-то, но я не хочу рисковать твоими людьми до такой степени.

Пердю колдовала над слинфобачком, затем зафиксировала найденное изображение и указала на мигающую красную точку.

– Вот здесь проходят игры.

Она увеличила изображение.

– Начало переправы примерно у этой черты. Мальчик погиб в радиусе максимум трёх метров от неё.

– На каком минимальном расстоянии мы можем находиться от этого места? – спросила Элис.

– Без специальной экипировки минимальное безопасное расстояние – два километра, – ответил Ром. – Но это не имеет значения. Наблюдать надо из Дворца, для этого мы и используем телескоп. Приблизиться ко рву на такую дистанцию наземным транспортом можно только с военного аэродрома.

Ром посмотрел на Пердю.

– Ты должна послать туда людей прямо сейчас.

Пердю покрутила пальцем у виска.

– Ты с ума сошёл? Забыл чем я занимаюсь? Аэропорт вне моей компетенции.

Ром посмотрел на чиновницу убийственным взглядом:

– Тогда мы пропали, мадам.

Пердю опустила глаза и раскрыла мат-рюшку.

Элис неожиданно вспомнила свой полёт в Терема на военном самолёте. В голове пронеслась знакомая фраза:

«Там, где мы находимся, любая мелочь может либо убить Вас, либо спасти Вам жизнь.»

– У меня есть знакомый офицер из лётного отряда, – неуверенно сказала она, наблюдая, как мадам раскладывает бомбочки по столу.

Пердю уставилась на неё, как на сумасшедшую, Ром был искренне удивлён и смотрел на Элис с недоверием.

– И когда же ты успела с ним познакомиться? – спросила Пердю с обидой в голосе. – И почему я узнаю об этом только сейчас?

Элис рассказала историю полёта и знакомство со Стэлом. Ром и Пердю переглянулись.

– Как мы можем с ним связаться? – спросила чиновница.

Ром серьёзно задумался, затем стал медленно рассуждать вслух:

– Мы знаем день и время прилёта Элис, значит можем определить рейс и бортовой номер самолёта. По бортовому номеру находим личные данные членов экипажа. Затем ищем Стэла и его внутренний идентификационный номер в Теремах. По внутреннему номеру находим служебный телефон. Это займёт около двадцати минут, если мне удастся сходу вскрыть базу.

Ром достал квантовый идентификатор и принялся за ра-

боту.

– Вопрос только в том, не пошлёт ли он нас к чёрту, – сказала Пердю. – И не сдаст ли с потрохами Раймонду.

– Выхода всё равно нет! – взмолилась Элис. – Он заранее предлагал мне свою помощь, но я не прошу ничего для себя. Это в его же интересах! Если мы поймаем ублюдка, Стэла первого представят к награде. И потом, – он мой земляк, есть такое слово, оно сильнее, чем брат, поверь.

Пердю высыпала в рюмку с коньяком дозу из карликовой бомбочки и залпом выпила.

– Верю, Эля, верю! – Сама награжу всю семью, – по самолёту подарю, ему и детишкам его на вырост, лишь бы дело выгорело.

Пердю пьянела, Элис закончила бесполезные разговоры, нашла на щите карту Теремов и занялась поисками подходящего места для установки телескопа.

Через десять минут она закончила расчёты и толкнула в плечо засыпающую Пердю:

– У нас ещё одна проблема – это место рва просматривается только из первой Башни. Ещё лучше было бы установить телескоп на самом Дворце Главногокомыслящего, но сейчас не до шуток. Насколько я понимаю в первой Башне никого из нас не ждут?

Пердю открыла глаза и попыталась сконцентрироваться из последних сил.

– Даже мне пропуск будут оформлять неделю, Эля. А вас

даже в третью не пропустили бы, без моего разрешения.

– Есть! – закричал Ром. Я вскрыл лётную базу Теремов, конченные идиоты! Догадитесь с трёх раз какой стоял пароль!

Пердю окончательно проснулась от крика:

– Главнюк, – сказала она с вызовом и болезненно захохотала. – Нет, Говнюк!

– Братство, – сказала Элис не задумываясь.

– Тепло! Ну же, последняя попытка!

Ответ напрашивался сам собой.

– Терема, – сказала Элис, сделав рукой победный знак.

Ром покатился со смеху.

– Это немыслимо, – Терема 1! Администратор заметил взлом и изменил пароль! Пока он придумывал новый, я нашёл бортовой номер самолёта, на котором прилетела Элис. Затем заново занялся взломом, запустил поискового червя и не поверил своим глазам. Пароль изменили на Терема 2! Я успел найти данные лётного экипажа. Пароль опять изменили, я вылетел из системы. Тогда я просто ввёл Терема 3 без всякого поиска и это сработало! Я нашёл идентификационный номер Стэла. Администратор вновь прервал мою сессию.

Ром еле держался, чтобы не впасть в истерику:

– Оставался последний, и самый сложный этап. Я ввёл пароль Терема 4 и нашёл его служебный номер, после чего меня опять выкинули. Если что, пароль изменён на Терема 5!

Они думают, что атака идёт из Северо-Балистического Пасьянса. Завтра будет международный скандал, – по всем новостям сообщат, что команда кванто-хакеров атаковала систему безопасности военного аэродрома Теремов. Но Раймонд увидит этот репортаж из уютной камеры Кричащей Тишины.

– Не уверена, – сказала Элис и ещё раз посмотрела на карту.

Веселье Рома сменилось удивлением:

– Это почему же так?

Элис указала рукой на начальную точку переправы.

– Это место просматривается только из первой башни Дворца, с западной смотровой площадки.

Ром подавленно посмотрел на карту:

– Ты уверена?

– Абсолютно, – отрезала Элис.

– Как и в том, что никто из нас не может туда попасть без специального пропуска, а его оформление займёт как минимум неделю, – добавила Пердю.

Все трое мрачно переглянулись.

– Может у вас есть друзья, которые могут провести нас туда под какимнибудь предлогом? – спросила Элис со слабой надеждой.

Пердю нервно и громко хихикнула.

– Есть!

Ром удивлённо посмотрел на чиновницу:

– И кто же это, позволь узнать?

Пердю попыталась взять себя в руки, но ей это не удалось. Нервный смех сотрясал её как судорога.

– Это сам Раймонд!

Парадокс заключался в том, что сказанное Пердю не являлось глупой шуткой, – Раймонд был единственным человеком, кто мог беспрепятственно провести всю компанию на самую охраняемую территорию Дворца.

Повисло напряжённое молчание. В иной ситуации всё это было бы действительно смешно.

– В математике это называется “вырожденный случай”, – пошутила Элис, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Если провести в первую Башню нас может только Раймонд, – значит он и должен нас туда привести.

– Под каким предлогом? – обречённо спросил Ром.

– Полюбоваться ночным звёздным небом Теремов с высоты птичьего полёта, – заходила смехом Пердю, не понимая, что предлагает гениальное решение.

Она была пьяна.

Элис пристально смотрела на Рома сальным похотливым взглядом. Чиновница случайно подсказала решение, но Элис хотела, чтобы идея исходила от него. Ром смутился, странное поведение Элис ввело его в ступор. Он не мог оторвать от неё глаз. Через минуту он понял замысел.

– Чёрт, ты права, моя милая Элис, – сказал он неестественным голосом. – Мы должны встретиться в приятной

интимной обстановке.

– Что происходит? – вздрогнула Пердю. – У вас уже другие планы?

– Да! – весело сказал Ром. – Мы с Элис влюблены друг в друга, и наше романтическое свидание состоится на смотровой площадке первой Башни Теремов!

Элис знала, что это лишь игра, но от слов Рома у неё чуть не подкосились ноги. Она подошла на интимно опасное расстояние и нежно положила руку ему на плечо.

– Да, милый. И ты попросишь Раймонда сделать тебе одолжение – привести эту крестопьянку из биохимического геттополиса на крышу, чтобы заморочить ей голову сказочным звёздным небом Теремов. Надеюсь мужская солидарность существует даже в первой Башне.

– Толково придумано, – зевнула Пердю. – Только он не полный идиот, заподозрит неладное и нырнёт на дно.

Ром отрицательно покачал головой:

– Даже мысли не возникнет! Ты только представь уровень цинизма, – мы будем следить за ним в телескоп из его же, считай, апартаментов. Кто сможет представить себе подобное! Я сейчас думаю, – если бы мы даже могли беспрепятственно пройти в первую Башню, всё равно имело бы смысл попросить его о помощи. Такой наглостью мы снимаем с себя все подозрения! Вот если бы я захотел проверить камеры слежения, или установить дополнительный слинфобачок на смотровой площадке, – тогда действительно – пиши пропа-

ло.

– Что-то в этом есть, – согласилась Элис. – У нас всё равно нет другого выхода. Главное чтобы всё было естественно, – во время разговора он должен услышать нашу случайную интимную беседу. Но сначала надо завербовать на нашу сторону Стэла, если он откажется, – конец всему предприятию.

– Как тебе можно отказать, дорогая, – возмутилась Пердю. – Включи всё своё обаяние.

Ром передал ей квантофон и указал номер.

Стэл ответил по военному быстро:

– Сержант Стэл слушает.

Элис вдохнула как можно больше воздуха и заговорила твёрдым голосом, стараясь, формулировать мысли максимально чётко.

– Стэл, это Элис – утренний полёт из биохимического геттополиса в Терема девятнадцатого августа, рейс T081984-1015.

– Говорите быстрее у меня всего минута, – послушалось на другом конце.

– Мне нужна помощь! В течении суток Вы получите звонок с этого номера. Это сигнал – по координатам P543-021-L32 будет находится опасный серийный убийца, уничтожающий улики в термохимической кислоте рва. На задержание будет всего несколько минут. Преступник может быть не один.

Разговор прервался. Элис вопросительно посмотрела на

Рома.

– Что это означает?

– Это означает, что он всё понял, – сказал Ром. – Военные люди неразговорчивы. Теперь у него есть вся информация, большего мы сделать не в силах. Звоним Раймонду!

– С Богом! – перекрестилась Пердю.

Раймонд ответил не сразу. Ром уже хотел прервать звонок, но неожиданно послышался вязкий голос чиновника:

– Ром, рад тебя слышать, мой мальчик. Редко звонишь, стервец. Случилось что или так?

– Ты же знаешь, – панибратски заголосил Ром. Я как похотливый электрон, – в вакууме нахожусь одновременно во всех дырочках, но если вижу свет, – выбираю конкретное направление.

– Ты прелесть милый, обожаю тебя, – крикнула Элис с террасы так, чтобы слова были слышны из каждого угла гостиной.

– О, да ты как всегда не один, – оживился Раймонд. Я её знаю?

– Не думаю, – прошептал Ром. – Крестопьянка, но девка – огонь.

– Что ж не буду отвлекать, – буркнул чиновник.

Раймонд резко заканчивал беседу, – это была одна из известных странностей чиновника.

– У меня одна маленькая интимная просьба, – успел вставить Ром, не дав Раймонду прервать разговор.

Рому показалось, что собеседник напрягся. Надо было высказать свою просьбу максимально развязно, чтобы у чиновника не возникло ни тени сомнения в её достоверности.

– Третье свидание, а результата нет, твою мать. Выразила желание полюбоваться звёздным небом со смотровой площадки. Представляешь? Романтику подавай. Чувствую, если бы была такая возможность, так она там ноги бы и раздвинула. Нутром чую!

Ром говорил шёпотом не для маскировки, – он не хотел, чтобы Элис слышала эту похабщину.

– Кому ты рассказываешь? – закричал Раймонд. – Баба через голову любит, дурачок! – Сразу бы обратился, она бы уже три дня под тобой пищала.

– В следующий раз обязательно, – подобострастно произнёс Ром. Так я могу надеяться?

– Святое дело, – серьёзно сказал Раймонд. – Тебе на когда?

– Сегодня вечером, пока просится, – продолжал пошлить Ром.

– Меня не будет, предупрежу ребят, чтобы пустили.

Ром сладко застонал, закрепляя успех:

– О, да.. Не знаю, как благодарить.

– Удачи, за меня разок не забудь, так и отблагодаришь, – тупо пошутил Раймонд и резко сбросил звонок

– Подстреленная утка *успела облиться соусом*, – загадочно сказала Элис. – Он ещё и сообщил нам, что вечером ухо-

дит по делам – чистосердечное признание. Жаль точное время не назвал.

– Пазл сошёлся, – констатировал Ром. – Днём он в ров не сунется. Я иду за телескопом, вернусь до темноты.

– Теперь только Бог в помощь, – успела подбодрить всю команду Пердю перед тем, как заснуть мёртвым сном.

XXI

У Элис было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Пердю собрала для неё целый гардероб, к тому же на полках лежали бесконечные каталоги с модной одеждой из Нектарии, Северного Пасьянса и Агонии. Стоило только ткнуть пальцем, и через пятнадцать минут любой наряд доставлялся прямо к её ногам.

Элис примеряла одежду, и вдруг осознала, что думает о фиктивном свидании с Ромом, как о настоящем. Ночь под открытым небом с красавцем-революционером занимала её воображение больше, чем мысли о Раймонде и убитых гуклонах. Ей хотелось смотреть на взрывы сверхновых из первой Башни, вдыхать пьянящий аромат цветов с минного поля, чувствовать опасность и запах сигарного дыма, смешанного со сладким потом загадочного специалиста по квантовой безопасности.

Раймонд мог появиться у рва под утро, или, что ещё хуже, не прийти вовсе. Всё это время они будут находиться вдвоём. Если Ром – агент штаба сопротивления, – это лучшая

возможность открыться друг другу. Элис чувствовала роковую развязку, – эта, полная опасных приключений ночь, в конечном счёте, и решит её судьбу.

Она выбрала не самое красивое, но очень удобное летнее платье. «Красота должна быть функциональной, – любил говорить отец». Фраза, как нельзя лучше, подходила к ночному свиданию. Никто не мог гарантировать благополучного исхода событий. Вполне возможно, по той или иной причине им придётся уносить ноги из Дворца. Чиновники первой Башни кожей чувствовали опасность. Они были непредсказуемы и мстительны. Если Раймонд раскроет их намерения, проживут они ровно столько, сколько продлится полёт от первой Башни, до термохимического рва.

Ром вернулся около девяти вечера. Он выглядел как киноактёр. На нём был шикарный военный смокинг, длинный футляр с квантовым телескопом висел за спиной как рыцарский эспадон. Элис представила, что за ней приехал принц из доброй волшебной сказки, а внизу ждёт таинственная зелёная карета с говорящим грачом на запятках. Ром почувствовал настроение спутницы и сделал почтительный поклон:

– Реактивная карета подана, био-принцесса!

Элис ответила грациозным реверансом. Со стороны это напоминало съёмки исторического фильма, но никак не выезд на спецоперацию по поимке опасного серийного убийцы.

Они подъехали к огромным арочным воротам. Охранни-

ки были предупреждены Раймондом заранее и равнодушно пропустили влюблённую пару в святую святых Братства. Акво-лифт, похожий на хрустальную ядерную ракету, доставил их на самую вершину.

Единственная смотровая площадка, на которую Элис поднималась много лет назад, находилась на статуе Главномыслящего в био-химическом геттополисе. Элис ожидала увидеть нечто подобное и в первой Башне Теремов.

Выйдя из стеклянного лифта она остановилась как вкопанная, забыв цель своего приезда. Гигантские звёзды нависали над Теремами, как светящиеся ёлочные игрушки. Их можно было сорвать с неба рукой, едва подпрыгнув.

Ром не заметил удивление Элис. Он деловито прошёл к краю площадки и принялся настраивать телескоп. Элис очнулась от небесного гипноза только через несколько минут.

Квантовый телескоп позволял видеть лунные станции Северо-Балистического Пасьянса, как автомобили с пешеходного тротуара. По координатам переправы они нашли предполагаемое место появления Раймонда.

Безжизненное пространство вокруг рва напоминало пейзаж инопланетный ядерной катастрофы. Представить себе появление в этих местах человека было также сложно, как поверить в целительные свойства радиации.

Ром отключил камеры слежения, но расслабляться всё же не стоило. Раймонд вполне мог оставить спецслужбистов для подстраховки в одном из бесчисленных укрытий для слеж-

ки. Вести постоянное наблюдение за рвом было невозможно, – романтическая встреча подразумевала нечто более интимное. Ром и Элис прекрасно это понимали. Роли для театрального представления были выучены заранее.

– Какое небо, милый! – напыщенно воскликнула Элис, как плохая провинциальная актриса. Я так благодарна тебе, что ты взял меня сюда. Я же мечтала об этом всю жизнь!

Ром мгновенно подхватил игру:

– Я хотел чтобы ты увидела всю эту красоту, Элис! – прокричал он так, чтобы было слышно в каждом углу Башни.

Элис вальяжно подошла к телескопу:

– Шампанского, милый, хочу пить шампанское и смотреть на звёзды!

Она посмотрела на небо, затем незаметно направила телескоп на место переправы. Жёлтый едкий дым навис над рвом плотной стеной, потребовалось несколько минут чтобы настроить противотуманный режим ночного видения. Теперь место трагедии просматривалось как на ладони. Оно по-прежнему было пусто.

Ром вернулся с бутылкой шампанского "Брызги Братства", – алмазная пробка взлетела в небо как лептонная ракета. Он подошёл к Элис так близко, что она могла чувствовать как пульсирует его сонная артерия. От крепкого сигарного запаха небо закружилось по ногам, как детская карусель.

Это было похоже на минутный обморок. Её тело изогну-

лось, как от удара электрического заряда. Тяжёлые веки закрыли мутные от сладкой истомы глаза, губы целовали крепкое загорелое тело, с каждым новым поцелуем опускаясь всё ниже. Ром застонал и грубо поднял её за волосы. Их языки совершали безумный совместный танец, страсть схватила обоих за горло, затем сорвалась вниз атомным взрывом запретного наслаждения. Ром резко развернул её спиной, Элис перекинулась через край площадки, еле поддерживая равновесие. С каждым движением она рисковала слететь вниз с пятисот метровой высоты. Время зацепилось за острые края безумия и встало, как сломанный маятник небесных ходиков. Судорога неистового блаженства сковала любовников одновременно, как единый цельный организм. Они рухнули на тёплый серебряный пол смотровой площадки, словно расстрелянные узники "Кричащей Тишины".

Элис вздрогнула, очнувшись от сладкого летаргического сна и пришла в ужас, – Ром спал, как убитый, забыв об истинной цели их пребывания в Эдеме первой Башни. Она подбежала к телескопу, и не поверила своим глазам, – человек, одетый в плотный белый термотулуп стоял у самого края рва. Несколько чёрных мешков лежали рядом с ним, огромный рюкзак плавал на поверхности кислоты в метре от начала переправы.

Элис замерла на несколько секунд и бросила потусторонний взгляд на Рома, не в силах пошевелиться.

Неведомая сила заставила проснуться и его, – он смотрел

на Элис безумным взглядом, сжимая в руке квантофон.

– Взрыв сверхновой, – прошептала Элис и закрыла лицо руками.

Ром мгновенно нажал кнопку и подскочил к телескопу как гепард к ускользящей жертве. Элис взяла его за руку. Начиналось мрачное, леденящее душу представление.

Человек в термотулупе медленно входил в кислоту рва. Он приближался к плавающему на поверхности рюкзаку, но резко оступился и стал тонуть, беспорядочно размахивая руками во все стороны. Сильная волна вынесла рюкзак в его направлении. Он ухватился за него, как за спасательный круг. Выбраться обратно он уже не мог, – течение относило разбухший термотулуп к центру рва. Стало понятно, что человек обречён на верную гибель.

Внезапно яркий жёлтый свет осветил переправу. Военные машины подъехали ко рву с трёх направлений. Ещё через несколько секунд появилась реанимационная карета. Восемь человек в полной анти-кислотной экипировке выпрыгнули на берег, как иноземные пришельцы. Двое солдат с квантоматами заняли оборону, ещё двое рванулись ко рву, держа в руках длинные чёрные шесты с закреплёнными на конце крюками. Остальные устанавливали телевизионную аппаратуру и несли реанимационные носилки.

Тонущего вылавливали из рва с серной кислотой, как Пердю – беркута-полицефала из под потолка своего кабинета. Одному из спасателей удалось зацепить пловца крюком. Вто-

рой пытался поддеть набухшую сумку, плавающую на поверхности, как спасательный круг. Утопающий всячески сопротивлялся, из последних сил пытаясь пустить рюкзак на дно. Через минуту он прекратил сопротивление и обречённо отдался на волю спасателей.

Его подтащили к началу переправы и грубо выволокли на берег. Второй спасатель подцепил рюкзак и осторожно положил на землю. На телекамере, оснащённой специальной анти-кислотной защитой, загорелся красный огонёк. Элис поняла, что с этого момента по всему Братству ведётся прямой телевизионный репортаж о сенсационной трагедии.

Она бросила телескоп, подбежала к слинфобаку у входа на смотровую площадку, и включила новостной канал "617 мгновений".

Выловленного из рва человека несли в герметичную передвижную камеру на реанимационных носилках двое охранников с квантоматами. Ещё двое тащили за ним чёрные мешки, оставленные на переправе вместе с распухшим анти-кислотным рюкзаком. В камере с него попытались снять термотулуп. Спасённый сопротивлялся до последнего, но в конце концов уступил и обречённо опустил руки.

Когда стащили тяжёлый анти-кислотный противогаз, жители Братства с ужасом увидели высокопоставленного чиновника первой Башни – Раймонда, известного в узких кругах Дворца под кличкой "Сыр". На нём был зелёный доломан, как две капли воды похожий на мундир лидера Поп Дер-

жавы. "Сыр" отвечал за патриотическое воспитание молодёжи и являлся основателем военно-исторической реконструкции штурма резиденции Главнокомыслящего роботами Северо-Баллистического Пасьянса. Год назад Главнюк присвоил Раймонду орден почетного легиона за вклад в дело изучения и популяризации детского патриотизма.

Чиновник был мертвецки пьян, он кидался на слинфобачки, кричал, чтобы его оставили в покое, угрожал расправой журналистам. Его жизнь была под угрозой, – от долгого пребывания в серной кислоте, разум чиновника временно помутился, на коже проявлялись сильные ожоги, от которых не защитил даже плотный термотулуп. Прибывшие медики сделали успокоительный укол и ввели анти-кислотный антиген.

Через несколько минут он пришёл в себя. В камеру притащили чёрные мешки и рюкзак. Чиновник упирался до последнего, утверждая, что не имеет к ним ни какого отношения. Он заявлял, что оказался у рва специально, чтобы проверить исправность стокового канала для дальнейшего использования. Перед этим, по версии "Сыра", он зашёл к своим приятелем из Элит-Кавалерии и выпил пятнадцать бутылок "Божьей росы" за здоровье Главнокомыслящего и Артура-Аурофоба.

Журналист канала расстегнул рюкзак и пошатнулся, – к ногам выкатилась ангельская голова совсем юной девочки. В мешках находились расчленённые конечности и тело несчастной. "Сыр" заходился в истерике, кричал, что рюкзак

плавал во рве до его прихода, а мешки находились у переправы уже много дней и никак не могли ему принадлежать. Он бился головой о стеклянную клетку камеры, выл как голодная гиена, слюни текли из носа, растекаясь по жирному животу, как струи серной кислоты. Даже маленькому ребёнку было понятно, что чиновника взяли с поличным.

На него надели наручники. Отпираться дальше не было никакого смысла. "Сыр" упал на колени и стал признаваться в содеянном, прерывая слюнявую истерику утробным звериным воем. Жители Братства узнали первые страшные подробности трагедии, – Раймонд убил и расчленил молодую девушку из "Золотого Фонтана Афродиты", затем пытался растворить её в серной кислоте чтобы навсегда избавиться от улики.

Мрачная догадка Пердю оказалась верна, – чиновник устраивал изуверские патриотические игры с одной целью – избавляться от убитых девушек, сжигая тела в термохимическом рве.

Подростки, облучённые смертельной дозой радиации, мальчик, растворившийся заживо в серной кислоте и все остальные, получившие жуткие увечья во время учений, были случайными жертвами преступления, совершённого лишь для того, чтобы скрыть ещё более циничное преступление.

Ром неожиданно подскочил к Элис и взял её на руки.

– Ты представляешь что сейчас произошло?! Техниче-

ский работник Теремов и крестопьянка уничтожили высокопоставленного чиновника из "сплотившихся"! Просто силой своего интеллекта!

Элис нежно обняла любовника за шею.

– Любовь творит чудеса, милый, даже в первой Башне Теремов. Надеюсь ты понимаешь это?

Они закружились по площадке, как цирковые артисты.

– Ты прирождённая актриса! Так разыграть любовную сцену!

Элис театрально засмеялась, затем с грустью добавила:

– Это от матери, в детстве я сходила с ума от театра. Затем увлеклась фотографией, но много бы отдала, чтобы попасть хоть на один спектакль.

Ром загадочно улыбнулся:

– Обещаю тебе, что ты там окажешься, и очень скоро.

Успех предприятия вскружил им голову. Они забыли, что всё ещё находятся в первой Башне, куда им помог пройти серийный маньяк-потрошитель.

Элис первой пришла в себя:

– Надо срочно уходить отсюда, если Мелюзина обнаружит нас здесь, да ещё и с телескопом, – нам конец.

Ром вздрогнул и быстро взял себя в руки.

– Если сменилась охрана, нас задержат в любом случае. А вот Мелюзина уже вряд ли на воле. Её супруг-расчленитель подставил всю семью.

Шпионы-любовники схватили телескоп и рванулись к вы-

ходу. Аква-лифт был свободен, они беспрепятственно спустились вниз и осторожно направились к арочным воротам, стараясь не привлекать внимания.

У пропускного пункта им стало ясно, что карета превратилась в тыкву ровно в полночь, – охрана Башни сменилась в полном составе. Им жёстко преградили путь четверо незнакомых охранников. Положение было безвыходное, – пропуск отсутствовал, правда о том, что их добровольно впустил к себе Раймонд-Сыр была хуже лжи. Наличие телескопа за спиной у Рома былоотячающим обстоятельством и тянуло на длительный тюремный срок за шпионаж.

Охранники окружили любовную пару, резонно потребовав предъявить пропуск и документы. И то и другое отсутствовало за ненадобностью. Ром попытался достать квантофон, – связаться со Стэлом был их последний шанс. Попытка не увенчалась успехом, – один из охранников ловким движением блокировал ему руки. Другой зашёл сзади и взялся за рюкзак, двое остальных обступили Элис.

Резкий скрип тормозов взорвал ночную тишину Башни, как лептонная граната – в арочные ворота, скрипя тормозами, внезапно въехал чёрный катафалк. Из дверей выбежала Пердю, за ней появились шофёр и охранник. Все трое подбежали к пропускному пункту. Пердю держала в руках рацию. Она подошла вплотную к охранникам, обступившим Элис и грубо сунула устройство в ухо одному из офицеров, почти ввинтив трубку в его ушную раковину. Второму положила

пятерню на лицо и сильно оттолкнула в сторону, почти сбив с ног.

Он неожиданности охранники замерли как вкопанные. Офицер, получивший рацию побледнел и вытянулся по стойке смирно, как солдат на параде Судьбоносного Дня Победы. До Элис доносились лишь обрывки коротких приказов.

– Есть! – сказал через минуту офицер и почтительно передал рацию обратно Пердю.

Затем обратился к Рому по-военному уважительно:

– Не смеем больше задерживать. Недоразумение. Доброй ночи, господа.

Пердю вырвала рацию из рук побитого, как собака, офицера, зыркнула на всех четверых уничижительным взглядом и победоносно вернулась к катафалку. Ром, Элис, охранник и шофёр поспешили за ней.

В машине Элис бросилась на шею чиновницы, и неожиданно поцеловала, первый раз за всё время пребывания в Теремах. Внезапная волна адреналина растекалась по её венам, как наркотическая кислота.

– Откуда ты взялась? – завизжала она не своим голосом. – И в самый подходящий момент! Ещё секунда и мы были бы на допросе по подозрению в шпионаже в пользу Агонии.

Пердю была очень довольна собой, но пыталась не подавать виду, сохраняя важность и притворное спокойствие.

– Я пришла в себя через какое-то время после вашего ухода, – деловито сказала чиновница, доставая алмазную манер-

ку. – Решила, что вы меня цинично бросили и, честно говоря, сильно разозлилась. Затем включила новости и увидела прямой репортаж про Раймонда. Несколько минут была в шоке, затем взяла себя в руки, связалась со Стэлом, что было, вообще-то не очень просто, и заорала что вас обоих надо спасти сию минуту. Стэл тут же передал всё вышестоящему начальству, а они – самому Потроху-Петруше. После этого я рванулась к вам, не дожидаясь ответа. Секретарь Потроха позвонил уже по дороге.

Пердю сделала большой глоток, затем оставила официальный тон и закричала как резаная:

– Нас всех представят к награде, Эля! Считай, что я уже в составе "сплотившихся"! Мы сделали это, сделали вместе!

Все трое обнялись, как футболисты, пустившие мяч в ворота соперника, разыграв красивейшую техническую комбинацию.

Катафалк уже начал отъезжать от Башни, но чиновница неожиданно остановила водителя и, как сумасшедшая, убежала из машины.

Трое полицейских выводили из ворот Мелюзину. Она шла, низко наклонив голову, плотные чугунные наручники до крови сжимали её опухшие дрожащие руки.

Пердю резко подскочила к бывшей хозяйке первой Башни, превращая случайную встречу в жёсткий стердаун, как это любила делать бывшая представительница клана "сплотившихся":

– Какой нож в спину нашему бедному лидеру Поп Державы! – передразнила она Мелюзину гнусавым голосом. – Да что там нож – кол осиновый!

Полицейские вежливо попросили мадам удалиться.

– Счастливого пути, гнусина обезбашенная! – крикнула ей в догонку Пердю. Скоро пропишусь по твоему адресу!

– Трогай, – сказала мадам водителю, как военачальник, одержавший триумфальную победу в генеральном сражении.

Катафалк покинул первую Башню под громкое пение чиновницы, исполняющей хулиганский вариант припева популярной во Дворце песни "Терема вы мой Терема":

Вставай богатством утомлённый
На пир бандитов и воров
Наш вечный лидер возмущённый
В пчелиный рой идти готов

XXII

Суд над Раймондом-Сыром транслировали в прямом эфире на все геттополисы Братства. Благодаря Стэлу, организовавшему всю операцию с военной точностью, опасный чиновник-маньяк был захвачен с поличным. Патриотические игры были приостановлены, сотни подростков получили временную отсрочку от заплывов в термохимическом рве и ползания по пластунски на минном поле.

Мельчайшие детали происшествия лежали на столе у Потроха-Петруши. Пердю вызвали на допрос как свидетеля. Благодаря ей, высшее руководство "сплотившихся" узнало о роли Элис в мозговом штурме по выявлению подозреваемого.

Это высоко оценили наверху, – Рома и Элис представили к очередной награде. В качестве благодарности за участие в задержании опасного преступника на военном полигоне Теремов, им предоставили возможность провести неделю отдыха в городе-саде.

Элис не могла поверить в происходящее, – после пережитых унижений её жизнь превращалась в настоящую сказку про Золушку, – с принцем, каретой и башнями дворца.

Пердю обещала присоединиться к ним через несколько дней, – посвящение в состав "сплотившихся" наконец становилось реальностью. Чиновница не хотела надолго покидать Дворец, – её головокружительный успех мог консолидировать завистников в борьбе за главенство над первой Башней Теремов. Надо было проявить известную бдительность и быть начеку, чтобы в случае необходимости пресечь всевозможные интриги остальных членов аристо-элиты и обезопасить себя со всех сторон.

Элис занялась приятными хлопотами. Она легко отыскала карту города-сада на информационном щите и принялась составлять план предстоящего недельного отдыха. Попасть в город-сад было для неё равносильно полёту на марсианские

станции Северо-Баллистического Пасьянса.

Развитая система скоростных фуникулеров, механизированных караванов, подземных поездов и туристических летательных аппаратов, гарантировала безопасные путешествия на самые труднопроходимые горные вершины, морские туристические станции, подземные пещеры и смотровые воздушные шары. Чтобы посетить хотя бы одну десятую всех достопримечательностей города, потребовалось бы несколько лет непрерывных путешествий.

Элис вспомнила, что Ром обещал научить её кататься на уникальных горных лыжах. Она мечтала об этом с детства, но в геттополисе Братства, у неё не было возможности встать даже на примитивные деревянные коньки. От него она впервые услышала невероятную вещь – в Нектарии были разработаны первые в мире нейролыжи, позволяющие кататься даже абсолютному новичку на уровне супер профессионала.

Лыжи сканировали поверхность горы и передавали простейшие нейросигналы в мозг человека через электроды, закреплённые на специальном лыжном шлеме. Тело лыжника реагировало на команды, совершая идеальные движения по трассе. При падении, лыжи мгновенно отцеплялись, выбрасывая воздушную подушку безопасности, как тепловой генератор рулевого устройства автомобиля, защищая гонщика от фатального удара о землю.

Элис решила разделить их совместный вояж на две части – зимнюю-приключенческую и летнюю-вознаграждаю-

щую. Тропические оранжереи, тёплый морской ветер и мягкий пляжный песок, должны были стать достойным призом за штурм сверкающих снежных вершин и сумасшедших крутых спусков на волшебных нейролыжах Нектарии.

Элис вспомнила редкие рассказы отца про их поездку с матерью в страны Северо-Баллистический Пасьянса, когда они с сестрой ещё не были даже в проекте. Она поймала себя на мысли, что мечтает о поездке в город-сад с Ромом, как о свадебном путешествии.

Необычный сигнал, исходящий из сливного информационного бачка неожиданно прервал её девичьи грёзы. На экране появился Кирка. Это было крайне неожиданно, Элис бросила приготовления и включила видеосвязь.

Кирка ещё раз выразил благодарность за неоценимую помощь в поимке опасного маньяка. Элис сдержанно поблагодарила чиновника, – интуиция подсказывала ей, что он инициировал встречу по совсем иному поводу. Кирка поинтересовался ближайшими планами Элис. Ему, без всякого сомнения, было известно про отпуск, предоставленный ей на всю следующую неделю.

Элис, в свою очередь, поблагодарила руководство Теремов за подаренную возможность провести несколько дней по своему усмотрению и коротко упомянула о желании посетить город-сад.

– Вы вправе распоряжаться своим отпуском как Вам заблагорассудится, Элис, – сказал Кирка. – Город-сад – пре-

красный выбор. Я лишь хотел предложить Вам приятную альтернативу – полёт в Ваш родной геттополис, где Вы сможете увидеть отца. Думаю это будет достойной наградой за ваш неординарный гражданский поступок и блестящие аналитические способности.

Элис вздрогнула от услышанного. Она ожидала любого развития событий, даже внезапную отмену отпуска. Но предложение вернуться в геттополис на неделю явилось для неё полной неожиданностью. Кирка резко замолчал, Элис не нашла что ответить, она неожиданно потеряла дар речи от великодушного предложения чиновника. Кирка пришёл ей на помощь и прервал затянувшуюся тишину:

– Это лишь одна из альтернатив. Вернуться в геттополис Вы можете и позже, это Ваше законное право.

Элис всё ещё не знала, что ответить. Если бы полёт в геттополис ей предложили заранее, без всякого упоминания о городе-саде, она согласилась бы незамедлительно. Теперь же она была растеряна. Мысли о горных лыжах и морских приливах в обществе "последнего рыцаря Братства" занимали всё воображение. Элис собиралась сказать что-то не совсем внятное, но Кирка опять пришёл на помощь:

– Не стоит беспокоиться. Приятного отдыха!

Связь резко прервалась. Элис мысленно чертыхнулась, что не смогла ответить ничего вразумительного на предложение вновь посетить геттополис.

В тоже время она была рада, что ситуация разрешилась

сама собой. Если ей так легко предлагали встречу с отцом, значит в будущем можно просить об этом самого высокопоставленного чиновника, и её просьба наверняка будет услышана.

Вернуться в геттополис она может в любой момент, а провести неделю в городе-саде почти наверняка случая больше не представится. К тому же романтическая поездка представляла уникальную возможность – вывести Рома на разговор о штабе сопротивления и доказать очевидное, – он и является секретным агентом, преемником недавно умершего великого разведчика Штаба. О последнем Элис догадалась, анализируя рассказ Пердю и сопоставляя очевидные факты о самом Роме.

Она чувствовала себя настоящей революционеркой, пускающей в опасное любовное приключение со счастливым финалом, как это часто происходило в лучших шпионских сериалах Братства.

Элис решила провести последний вечер перед поездкой с Пердю в уютном баре третьей Башни. Мадам распорядилась оформить подруге постоянный пропуск на вход и выход в свои апартаменты, так как Элис практически жила у неё и лишь изредка выбиралась к себе, чтобы отдохнуть от чрезмерного общения.

Элис уже подходила к бару, оставалось пройти лишь длинный узкий коридор, уставленный бюстами Главнокомыслящего с макетами раритетного ядерного оружия начала века.

Неожиданно ей навстречу выскочил поп. Элис шаррахнулась от него, как от ритуального аутодафе. Встреча была не случайна, – поп наверняка следил за ней уже несколько дней. Иначе объяснить эту внезапную позднюю встречу в самом неподходящем для Элис месте было невозможно.

Поп резко ускорил шаг. Элис поняла, что он намеревается схватить её во что бы то ни стало и утащить в свою, пропахшую спермой, исповедальню. Помощи ждать было неоткуда, – камеры слежения в коридоре отсутствовали, ровно как и охрана. Кроме золотых бюстов Главногомыслящего, вокруг не было ни одного достойного свидетеля. Она развернулась и в ужасе побежала в обратную сторону.

Поп был пьян, но это не мешало ему преодолевать препятствия с небывалой лёгкостью. Единственным спасением был акво-лифт. Элис успела забежать в него, оторвавшись от попа на несколько метров, и вдавила в щит нижнюю кнопку, едва не проткнув палец острым алмазным выступом. Поп коснулся внешней хрустальной двери через секунду после того, как кабина плавно двинулась с места.

Элис глубоко вздохнула и облегчённо закрыла глаза. Сердце выскакивало из груди. Самым верным решением было забаррикадироваться от внешнего мира и остаться у себя до завтрашнего утра. Быть безнаказанно изнасилованной, очумевшим от вседозволенности ряженым клоуном, перед волшебной поездкой в город-сад, ей хотелось меньше всего на свете. То, с какой беззапретностью поп распутствовал по

всем Башням Дворца, говорило только об одном, – кто-то из “сплотившихся” являлся его неизменным заступником.

Она отменила встречу, соврав Пердю, что хочет хорошенько выспаться перед завтрашним свиданием с Ромом. О попе она не сказала ни слова, решив предоставить “последнему рыцарю Братства” возможность вступить за честь своей био-принцессы.

Ром подъехал прямо к воротам Башни на серебряной спортивной машине ровно в десять утра, демонстрируя высококлассный дрифтинг. Элис наблюдала сумасшедший гоночный разворот из разноцветного матового окна своей маленькой комнаты, похожей на хорошо прибранный чулан.

Она была в полной боевой готовности, но намеренно не выходила наружу, решив, что её кавалер обязан ждать принцессу, пока та не соизволит выйти из Дворца, как только ей это заблагорассудится. Элис отсчитала три минуты с момента его появления, села перед дорогой на кровать, как учил отец, и только потом спустилась к воротам.

Сказка начиналась по сценарию, – Ром стоял перед машиной с серебряным свёртком цветов и бутылкой шампанского, выполненной из сухого льда. Элис хотела броситься к нему на шею, но сдержала эмоции, протянув кавалеру лишь ручку от небольшого багажа. Ром опустился на колено и вручил букет. Дурмящий запах напомнил Элис полёт в Терема на военном вертолёте.

Ром аккуратно уложил чемодан в машину, затем лихо от-

крыл бутылку. Алмазная пробка взлетела вверх, как пиротехническая ракета, издав звук, похожий на салют в честь Судьбоносного Дня Победы. Элис внимательно посмотрела на букет и не поверила своим глазам, – цветы были сорваны с минного поля.

Ром разлил шампанское, аромат шипящего нектара неизвестной Элис страны перебивал даже запах диких лепестков.

– Теперь я не знаю рыцарь ты или сумасшедший, – сказала она зачарованно глядя на любовника.

Ром передал Элис бокал, затем нежно поцеловал её в губы.

– Я ни то и не другое, я – хитроумный идалыго Дон Кихот Ламанчский.

– Сумасшедший рыцарь, – добавила Элис. Где ты их нарывал? Только не говори, что купил в цветочном магазине третьей Башни, я знаю, что там такие не продают.

– Ром молчал, как нашкодивший первоклассник. Элис взяла его за ухо.

– Это то, что я думаю?

Ром пожал плечами, затем игриво покачал головой в знак согласия. Элис набросилась на него с кулаками.

– Как ты мог?! Тем более сейчас, когда я только нашла тебя! Каждый из этих цветов мог стоить тебе жизни! Тебя могло разорвать на куски двадцать три раза!

Ром достойно отбивался, затем ловко поймал кулачки драчуны и прижал к себе как дорогую реликвию:

– Моя душа уже разорвалась в клочья на террасе у мадам Пердю, когда ты растерянно закусила кончики своих чёрных густы волос при моём появлении.

Элис держалась, чтобы не разрыдаться:

– Но это же безумие!

Ром провёл пальцами по мягкой, как шёлк, шее возлюбленной:

– Лишь тот, кто дарит принцессе букет с минного поля, достоин просить её руки и сердца, ибо смерть бессильна только перед истиной любовью.

Элис смотрела, как солёные капли растворяются в брызгах шампанского и не могла вымолвить ни слова.

Ром осторожно взял бокал из её рук и вручил свой собственный:

– Хочу навсегда запомнить вкус твоих слёз, потому что с этого момента ты будешь только улыбаться.

Элис нежно обняла его за шею и прижала к себе.

– Если пообещаешь, что следующий букет будет стоить дешевле, чем твоя жизнь.

Ром поцеловал её руку и отрицательно покачал головой.

– Он будет ещё дороже, я привезу тебе королевский букет из Нектарии. Даже "сплотившиеся" не могут дарить своим свиноматкам такую красоту, ибо все они – пожизненно невыездные.

– Для меня нет ничего дороже, чем твоя жизнь, – прошептала Элис. Даже королевский букет. Так что предложе-

ние принимается.

Ром щёлкнул пальцем в знак согласия и посмотрел на часы:

– Я бы хотел остановить мгновение, но тогда у нас не будет шансов попасть на самолёт.

Элис пулей влетела в машину, – после молчаливого отказа вернуться в геттополис, оставаться в Теремах она больше не могла ни минуты. Ром оказался в кабине ещё быстрее, машина резко тронулась с места.

Элис рассматривала цветы и вдыхала божественный аромат:

– Ты знаешь их названия, милый?

Ром внимательно следил за дорогой, но не мог пропустить вопрос мимо ушей:

– Несмотря на красоту, названия оставляют желать лучшего. Не знаю кто мог придумать такое: поминальники, мимосердики, навзрыдники, дальше ещё хуже. Лучше просто любоваться, не задумываясь о названиях.

Они домчались до гражданского аэродрома Теремов всего за десять минут, – Ром управлял машиной, как профессиональный гонщик, что весьма удивило Элис. Посадка уже заканчивалась, они вбежали в самолёт в числе последних пассажиров.

В салоне находилось около двадцати человек. Элис с Ромом заняли единственные свободные места, которые оказались в самом конце, рядом с аварийным выходом. Самолёт

набрал высоту через десять минут, весь полёт должен был занять не более часа.

Ром открыл бар из спинки переднего сиденья и налил себе виски "Наедине с тобою, брат". Элис пришлось довольствоваться бутылкой шампанского "Мадам Клюка".

Она внезапно вспомнила про вчерашний инцидент с попом. Ей не хотелось портить отдых и обсуждать эту гнусность в городе-саде. Недолгий полёт оптимально подходил для подобных разговоров. Она уже собиралась рассказать Рому мерзкую историю вчерашнего вечера, как вдруг произошло немыслимое: из туалета вышел сам виновник её вчерашнего приключения. Поп, как всегда, позорил коллегу Христа, – был пьян в стельку.

Элис не поверила своим глазам, – поп, как ни в чём не бывало, прошёл на свое место и мечтательно заснул. Их разделяли четыре сиденья, шансов заметить Элис у него не было. Она залпом выпила бокал, затем наклонила голову Рома к своей и осторожно рассказала про своё столкновение и последующий побег от мирно спящего через пять метров от них пассажира. Про свою тайную исповедь она решила умолчать.

Реакция спутника удивила её ещё больше, чем само появление попа на рейсе, – вместо того, чтобы разбудить насильника и дать ему по морде прямо в салоне самолёта, Ром помрачнел и ни сказал не слова. Элис с силой толкнула его в бок:

– Эй, что это значит? – раздражённо спросила она и налила себе ещё бокал. Кто дал ему право ходить по Дворцу и насиловать всё что движется?

– Это странная и почти магическая история, – сказал Ром после некоторого молчания.

Элис сделала глоток, потом ехидно прошептала:

– У меня есть время, в течении часа я отсюда никуда не собираюсь. И внимательно слушаю. Если не расскажешь всё что знаешь об этом "святом" отце, я сама разбужу его и набью морду, сделав всю грязную работу за тебя.

– Если хочешь оказаться в "Кричащей Тишине", вместо города-сада, можешь это делать прямо сейчас, – тихо сказал Ром. – Если коротко отвечать на твой вопрос, то покрывает его, – Ром ещё больше понизил голос, – жена Потроха-Петруши. Этот попик каким-то неведомым способом спас её сына от лейкемии.

Ром налил себе полный стакан виски и выпил разом, как успокоительное.

– Но и это ещё не всё. Много лет назад, по приказу Потроха-Петруши он устранил целый политический клан, владеющий на тот момент заводом клонирования, – клан левых уклонистов. И устранил, так сказать, профессиональным способом.

– Они умерли от асфиксии в его исповедальне? – зло пошутила Элис.

– Почти, ухмыльнулся Ром. – В Теремах хоронили двух

партийцев. Один из них был левым уклонистом, на похороны собрался весь клан в полном составе. Попа пригласили на отпевание. Он заправил в кадило "половичок" и зашёлся сорокоутом, предварительно приняв антидот. После этого хоронили уже весь клан.

– Как можно заправить кадило половичком, – удивилась Элис? – Что за странная игра слов?

– Половичок не в смысле половой коврик, – засмеялся Ром. – Это усовершенствованное боевое отравляющее вещество, содержащее в себе два компонента, которые сами по себе являются опасным химическим оружием, – “полоной” и "новичок". Берём четыре буквы от первого и пять от второго, – получаем "половичок". С тех пор поп стал "неприкасаемым" – он не вошёл в состав "сплотившихся", но на него распространяется та же партийная неприкосновенность, что и на его членов. Он может легко изнасиловать нашу общую подругу, мадам Пердю, на виду у всего Красного Дворца, и за это ему ровным счётом ничего не будет, поверь.

– Пока он, почему-то, стремиться изнасиловать только меня, – мрачно пошутила Элис.

– От этого было сложно удержаться даже мне, – улыбнулся Ром.

– Тогда нам стоит сойти с самолёта прямо сейчас, – констатировала Элис.

Ром сделал над собой усилие и внезапно приободрился:

– Пока я с тобой, он тебя пальцем не тронет, обещаю.

– Хочется верить, – задумчиво произнесла Элис. – Хочется верить. – Только выходить будем через аварийный выход, – бережёного Бог бережёт.

Поп проспал весь полёт. Пока пилот благодарил чиновников за пользование услугами авиакомпании и желал хорошего отдыха в городе-саде, Ром удивительно легко открыл аварийный выход. Это окончательно убедило Элис в том, что он и является агентом Штаба Сопротивления. Они незаметно покинули кабину, не дав спящему попу опомниться и прийти в себя.

XXIII

Ром и Элис поселились в шикарной восьмизвёздочной гостинице, со странным названием "У почившего шовиниста", прямо у подножья горы "Последний пик патриота". Гостиница представляла собой настоящий геттополис развлечений с собственной высокоразвитой инфраструктурой.

Элис ни минуты не могла больше находиться в четырёх стенах. Они бросили вещи в номере, схватили лыжную экипировку и стрелой понеслись к подножью. Огромный хрустальный подъёмник, больше похожий на шикарный бар-ресторан, встроенный в скоростной фуникулёр, плавно доставил их на утопающую в зимнем солнце вершину.

Элис стояла на горе, как грозный военачальник, осматривающий сверху территорию предстоящего решающего сражения. Последний раз подобное чувство собственного вели-

чия она ощущала только ребёнком, стоя на смотровой площадке каменной статуи Главногомыслящего в био-химическом геттополисе.

Ром незаметно подъехал сзади, как снежный барс и закрыл ей глаза.

– Уверена, что наш любвеобильный поп не питает такую же страсть к горным лыжам, как к крепкому алкоголю, – засмеялась Элис. – Это ты, милый!

Ром сделал неуловимое движение, как цирковой акробат на льду, и оказался прямо перед ней.

– Буду сильно удивлён, если с такой внушительной комплекцией он ещё способен самостоятельно завязывать шнурки. Это хорошая новость. Но есть и плохая, – в спешке мы взяли обычные лыжи, без нейрподдержки.

Элис охватил ужас. Она уверовала в волшебную силу своих снежный коней и именно поэтому так уверенно стояла на самом краю крутого спуска. Теперь же её охватил панический страх. Она схватилась за Рома и, неожиданно заплакала как ребёнок.

Ром с умилением посмотрел на возлюбленную:

– Открою тебе один секрет, – мой мозг работает несравнимо лучше, чем любой нейроинтерфейс. – Сейчас ты увидишь, чему я научился в горах Нектарии. А они, поверь, будут пострашнее здешних.

Пока Элис пыталась осознать, что имелось в виду под этой фразой, Ром резко подхватил её на руки и начал умопомра-

чительный спуск, с силой оттолкнувшись от снежного выступа.

Элис зажмурилась и попыталась сконцентрироваться в ожидании ужасного падения, но вместо этого ощутила лёгкое покачивание, как-будто лежала на мягком гамаке, установленном на идеальном расстоянии между деревьями.

Это было невероятно, – Ром мчался по усложнённой трассе "могл", как сумасшедший олимпийский чемпион. Его тело оставалось неподвижным, ноги совершали отточенные, пружинящие движения по снежным кочкам, рассыпанным через каждые пол метра пути.

Страх сменился ощущением бесконечного блаженства, Элис хотелось, чтобы спуск продолжался всю жизнь. Она чувствовала себя младенцем в раскачивающейся снежной колыбели, под ярко-голубым небом, которое сереет с каждым прожитым годом, превращаясь в конце жизни в грязный дорожный асфальт.

Они доехали до самого подножья, Ром сделал красивый техничный разворот, напоминая утренний тормозной дрифт под окнам Башни, и остановился, пустив мощный снежный салют на мирно отдыхающих чиновников. Понеслись робкие аплодисменты вперемешку с матерными угрозами.

Ром аккуратно поставил Элис на снег.

– К чёрту нейролыжи, я научу тебя кататься на настоящих! Это лучшее удовольствие, которое можно испытать в

жизни, если вычеркнуть из неё любовь и правильно приготовленный абсент.

– Я не хочу учиться, тогда ты перестанешь брать меня на ручки и качать, как маленькую принцессу, – нежно сказала Элис, стряхивая снег с обледеневшей маски.

– Ты сама этого не захочешь когда научишься, поверь, – засмеялся Ром.

Очередной ресторан-подъёмник дал сигнал о скором отпавлении. Надо было спешить, иначе пришлось бы ждать на морозе ещё десять минут, или снимать лыжи и идти внутрь, чего Элис никак не хотелось.

Рома неожиданно окликнула одна из чиновниц типа пятнистых гиен.

– Кого я вижу? Ром! Вернулся и даже не позвонил, – заскулила худая туполицая женщина и направилась прямо к ним.

Ром оглянулся. Элис схватила его за рукав, пытаясь затянуть в уходящий подъёмник, но чиновница как-будто специально наехала на крепления и резко остановилась.

Меньше всего на свете Элис хотелось видеть рядом с собой представителей аристо-элиты, тем более женского пола. Она прыгнула в уходящую кабину в надежде, что Ром успеет освободить лыжи и последует за ней. Этого не случилось, – чиновница повисла на нём, изображая случайное падение, затем упала на снег и вцепилась в куртку мёртвой женской хваткой.

Двери резко закрылись, – небесный трамвай-ресторан уносил Элис к вершине, оставив возлюбленного на растерзанное случайно появившейся аристократической гиене. Главное – не потерять друг друга на вершине. Элис решила, что будет ждать Рома на том же месте, откуда они начинали прошлый спуск. Один из чиновников, старик, с ног до головы обвешанный брильянтами и татуировкой Главнокомыслящего на шее, учтиво помог ей добраться до вершины и с криком "можем повторить" рванул вниз, как ретивый горный козёл.

Чьи-то сильные и крепкие руки внезапно подхватили её и понесли вниз с бешеной скоростью. От неожиданности Элис машинально закрыла глаза. «Как мог он так быстро вернуться за мной?» – пронеслась опасная мысль на уровне подсознания. Она почувствовала незнакомый мужской запах и оцепенела от ужаса, – это был не Ром.

Элис открыла глаза, дрожь прошла по всему телу, – лицо лыжника скрывал шлем и мутная жёлтая маска. Она закричала не своим голосом, но тут же осознала, что это совершенно бесполезно, – сильный ветер развеивал крик во все стороны, отдаваясь лишь сдавленным писком в голове.

Сопrotивляться было самоубийством, – любое неосторожное движение могло привести к падению обоих на жёсткую трассу с неминуемым летальным исходом. Элис увидела провода, уходящие внутрь шлема. Человек использовал нейроинтерфейс, что и позволяло ему нестись со спуска с трой-

ной скоростью олимпийского чемпиона.

Элис вспомнила про воздушную подушку, спасающую лыжника от повреждений при падении, о которой с упоением рассказывал Ром. Дальнейшее произошло без её ведома, – рука сама потянулась к голове лыжника и резко вырвала электрод из под шлема. Их подбросило вверх как от мощной взрывной волны, лыжи похитителя мгновенно отстегнулись и со свистом пронесли мимо её головы, как термической снаряд. Раздался сильный шипящий звук, Элис рухнула на жёсткий резиновый матрас вместе со своим похитителем, лыжи отцепились от удара о землю, едва не сломав ей ноги. Их протащило вниз по склону несколько десятков метров, перед самой остановкой матрас зацепился за острый камень и перевернулся, накрыв обоих плотным резиновым куполом.

Элис с трудом оттянула край подушки безопасности, скатилась на несколько метров вниз и попыталась встать на ноги. Это оказалось невозможно, – она увязла в снегу по колено, полностью потеряв способность к передвижению. Из под матраса медленно вылезал похититель. Спешить было действительно некуда, – вековые сосны окружали место с трёх сторон, трасса находилась метрах в пятидесяти от приземления.

Лыжник медленно подошёл и присел на корточки в двух метрах от Элис, затем осторожно снял шлем, стараясь не поранить кожу об острый край вырванного электрода. Элис задрожала и похолодела от ужаса сильнее, чем от ледяной ли-

тосферы, скользящей под её лёгким телом, – на неё смотрел поп. Она упала на спину и стала медленно отползать, цепляясь лыжными ботинками за редкие снежные кочки.

– Глупая пустышка, ты опозорила своего отца, и подставила весь Штаб, – закричал поп. – Ты не должна здесь находиться!

Он был абсолютно трезв, – на Элис смотрел собранный и цельный человек, не имеющий ни чего общего с тем пьяным похотливым питекантропом, которого Элис встретила вчера вечером в Теремах. От шока она не могла вымолвить и слова. Элис уставилась на попа, как на сошедшее с небес видение.

– Что ты здесь делаешь? – крикнул поп ещё сильнее, пытаясь привести её в чувства и заставить сказать хоть слово.

Элис всё ещё не могла говорить. Поп достал мобильный обогреватель, вынул из кармана пузырёк с мутной белой жидкостью и поднёс к её губам. Резкий запах эфира привел Элис в чувства. Поп убрал пузырёк и сильно встряхнул её за плечи.

– Приходи в себя, сейчас же! У нас мало времени, он уже ищет тебя!

– Я ничего не понимаю, – сказала Элис хриплым и сбивчивым голосом. – Кто Вы? Откуда знаете моего отца?

Поп снова надел шлем, от резкого движения рук куртка поднялась вверх на несколько сантиметров, Элис увидела на поясе рацию, издающую шипящий звук.

– Если ты смогла вычислить маньяка всего за пол часа, то

уж точно узнаешь кто я, если включишь свои куриные мозги, – сказал поп.

Элис схватилась за голову, потом ещё раз посмотрела на попа.

– Этого не может быть! Я Вам не верю, – закричала она и не услышала своего голоса.

– Я с трудом пролоббировав вариант отъезда в геттополис, но тебе захотелось провести неделю с этим недоумком больше, чем увидеть отца, – сказал поп, как будто последняя фраза не имела к нему никакого отношения. – Теперь ты подставила нас обоих!

Элис ударила себя руками по голове, словно выбивала слова, которые только что услышала от попа.

– Что происходит? Что это было в исповедальне? И вчера вечером? Мне нужны доказательства! Я никому не верю!

Поп снова достал пузырёк и поднёс к её губам. Элис вздрогнула и резко замолчала.

– В исповедальне перед твоим носом болталась резиновая игрушка, чтобы отбить тебе охоту приближаться ко мне. Надо было сперва выяснить на что ты способна, прежде чем идти на контакт. Теперь я вижу, что большего ты и недостойна.

Элис обхватила голову руками и заревела, как брошенная невеста.

– Осколки разбитой несчастной любви часто попадают в посторонних людей, – сказал поп. – Сотни революционеров оказались под ударом из за несостоявшейся свадьбы Ромео

и Алисы в стране чудес. Тебе надо срочно покинуть Терема.

Элис размазывала по щекам сопли заледеневшей лыжной перчаткой.

– Кто он? Я должна это знать.

Поп помог Элис подняться.

– У меня нет времени объяснять, но точно не тот, за кого ты его принимаешь.

Поп достал миниатюрную рацию, похожую на мобильный квантофон и передал Элис.

– Прямая связь со штабом. Надеюсь ты не забыла, что за использование беспроводной связи дают пятнадцать лет лагерей? К ним добавится пожизненное за шпионаж, если устройство обнаружат. Теперь понимаешь, в какие любовные игры ввязалась?

Элис всхлипнула вместо ответа. Поп отыскал в снегу отлетевшие лыжи и одобрительно похлопал рукой по креплениям.

– Уверен, ублюдок убедил тебя в том, что нейроинтерфейс отсутствует? До жениха наконец дошло, что моё появление здесь не случайно, поэтому и держит тебя при себе.

Элис промолчала, ответ легко читался на лице.

– Медовый месяц подходит к концу, не успев начаться, – съязвил поп. – Теперь слушай внимательно: я вызываю спасателей; когда встретишь женишка, скажешь, что тебя привезли с самого верха. Потом наслаждайся погодой и приятной компанией. Ублюдок не должен ничего заподозрить, –

пусть выдаёт себя за кого хочет, – за революционера, жениха, или за обоих вместе. Через пол часа сделай вид, что устала, возвращайся в номер и жди сигнала, – покинешь Терема сегодня же с частного аэродрома. Женишок будет в это время в другом месте, – об этом я позабочусь.

Поп презрительно хмыкнул:

– Это будет несложно.

Лицо Элис было белее, чем снег. Поп достал таблетку и поднёс к её рту в ладони, как будто кормил котёнка.

– Положи под язык, через минуту это выбьет весь кокаин из твоей дырявой башки. Как только получишь сигнал, выходи из номера, о дальнейшем я позабочусь. У тебя будет максимум три минуты. Если не успеешь, – целые семьи повесят на кошачьих ошейниках, а ты позавидуешь подростку, растворившемуся в кислоте. Это понятно?

Элис отвела взгляд от попа, приняла таблетку и обречённо кивнула. Поп спустился с залихватским драйвом без всякого нейроинтерфейса, доставая коленями почти до трассы, как профессиональный горнолыжник. Время для приезда спасателей было выбрано максимально чётко, – карета появилась сразу после того, как поп скрылся из виду.

У главного подъёмника Элис заметила Рома, – он метался как загнанный зверь, и затравленно озирался по сторонам. Увидев её на реанимационных носилках, он пришёл в себя, театрально схватился за голову и бросился к карете, как убитый горем вдовец.

Таблетка привела Элис в чувство, она перефокусировала взгляд на возлюбленного и навела резкость. Ей показалось, что волнение жениха имело корыстную природу, – не важно, сломала невеста шею или разбила голову об острый камень, – тревогу вызывало отсутствие контроля над ситуацией. Поняв что произошло, он продолжал играть роль взволнованного жениха, забывая, о том, что имеет дело с профессиональным фотографом.

Достаточно было изменить угол зрения и включить здравый смысл, чтобы увидеть наигранное беспокойство за свою судьбу, но Элис всё ещё отказывалась верить в происходящее. Ром не был революционером штаба, но чувство, возникшее между ними не имело к этому никакого отношения. Он не принадлежал к аристо-элите, не входил в состав "сплотившихся", сфера его деятельности лежала исключительно в области квантовых технологий, в чем Элис имела возможность убедиться лично. Каждый по-своему выражает эмоции, у кого-то они отсутствуют вовсе.

Разведчиком штаба сопротивления оказался поп, но высокие материи были недоступны его пониманию. Её отец тоже не был революционером, тем не менее она любила его всей душой.

Ром бросился к ней с поцелуями, Элис уклонилась, сделав вид, что испытывает боль от прикосновения. Он принялся обследовать её тело, как опытный хирург, она поймала его руку.

– Всё в порядке милый, просто растяжение. Я ждала тебя на вершине, меня случайно толкнул какой-то идиот, обвешанный брильянтами, как ёлка. Я полежу в номере; возьму своё на ночном катании, – это даже интереснее.

К удивлению Элис, Ром не стал возражать. Он поцеловал её в лоб, затем дал распоряжение спасателям. Карета тронулась, Элис посмотрела в глаза возлюбленному, он поймал её взгляд и неожиданно прищурил глаза, как хитрый старик, будто знал всё, что произошло пятнадцать минут назад. Это продолжалось несколько секунд, но у Элис похолодели внутренности, как в день теракта в кафе Барро.

Её внесли в номер и осторожно положили на кровать. Элис наотрез отказалась вызывать врача; удивлённые спасатели молча удалились, пожелав ей больше не попадать ни в какие передряги. Убедившись, что они ушли, Элис вскочила и забегала по комнате, пытаясь собрать самое необходимое перед бегством из Теремов. Вещи валялись из рук, мысли путались, она думала о том, как вести себя, если придёт Ром, но он не появлялся. Элис вспомнила о Пердю, сбежать не попрощавшись с единственной подругой было не в её правилах.

Она направилась к слинфобачку; сила телепатического воздействия действовала даже на территории Теремов, – чиновница сама звонила ей по видеосвязи. Волна успокоения пробежала по телу, – весёлый нрав мадам всегда приводил её в чувства в нужную минуту.

Элис ответила на звонок и вдруг шарахнулась от экрана, как от прокажённого, – лицо Пердю изменилось до неузнаваемости: грязные патлы торчали в стороны, как сторевшие электрические провода, тёмно-зелёные подтёки под глазами свисали до уровня ноздрей, кожа потрескалось от слёз, как дешёвое белило.

Чиновница выла, как сигнал бедствия, ком в горле коверкал истеричные причитания. Элис потеряла остатки самообладания, схватила слинфобак руками и затрясла изо всех сил, словно пыталась привести подругу в чувства.

– Что это значит, Пер! Я ни черта не понимаю!

Пердю не могла говорить, она направила камеру на рабочий стол в комнате для помёта.

На столе лежал Беркут. Одна голова находилась без движения, вторая выгнулась, как от эпилептического припадка и жадно хватала клювом воздух. Зрачки выкормыша были неестественно широко раскрыты, из глаз текли слёзы. Двуглавый еле шевелил крыльями, словно прощался с мадам. Пердю гладила его по шее и громко всхлипывала, словно разговаривала с обрубышем на беглом птичьем языке.

Стоны пернатого разносились по комнате, заглушая музыкальный генератор, из которого, словно в насмешку звучала издевательская патриотическая песня Братства:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди.

Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Беркут запищал и захлопал крыльями, словно пытался взлететь, но испустил лишь жидкую струю на платье чиновницы. Пердю всхлипнула, песня зазвучала ещё громче:

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Элис вспомнила, как чиновница неистово гоняла выкормыша шестом, ей стало жаль птицу. Пердю, словно в бреду, достала из алмазной банки червя и всунула в клюв пернатому. Беркут поднялся из последних сил и попытался встать на ноги. Мёртвая голова свисала, как сломанный маятник настенных часов. Звуковой генератор не умолкал:

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой
От сопки врага отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называют орлом.

Беркут шатаясь пошёл по столу, но грузно упал не сделав и трёх шагов.

– Всё пропало! – неожиданно закричала Пердю.
Крик сливался с военной песней братских партизан:

Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел.
Лети на станицу, родимой расскажешь
Как сына вели на расстрел.

Двуглавый издыхал, чиновница сидела опустив голову.

– Прекрати истерику и объясни, что происходит! – сорвалась Элис. – У меня мало времени и такая жопа, что тебе и не снилась!

Пердю словно не слышала её слов:

– Мне конец Эля. Меня подставили, Главнюк воспринял подарок, как знак тайной недоброжелательности. Это мне передал говнодав-ассинезатор, вместе с моим изувеченным малышом.

Мадам показала рукой на беркута и зычно зарыдала. Она вдохнула кокаин прямо из мат-рюшки, остатки посыпала на клюв выкормышу. Пернатый на несколько секунд пришёл в себя, сглотнул пыльцу и благодарно пискнул в ответ. Лапы скрючились от наркотика, головы завязались узлом, крылья свисали со стола как выстиранное бельё.

Чиновница запаниковала:

– Эля, за мной придут, я осталась одна, Эля! Вы улетели, даже попа нигде нет. Я беззащитна, они переломят мне шею

как сделали это с моим мальчиком!

Элис знала, что чиновница больше убивается по выброшенным на ветер деньгам, чем по своему питомцу, но это уже не имело значения. В любую секунду за ней могли прийти агенты Потроха-Петруши и бросить в “Кричащую Тишину”.

– Я не оставлю тебя здесь одну, – сказала Элис.

Устройство, которое вручил ей поп, издало громкий сигнал, похожий на рёв пожарной тревоги, одновременно с ним замигала зелёная лампочка на мониторе.

У Пердю начиналась наркотическая истерика. Она упала на колени и сложила руки в молитвенном жесте:

– Эля, спаси меня! Ты должна приехать с Ромом, сегодня! Пожалуйста, Эля. Мне переломят хребет, как беркуту! У меня гора в Агонии, об этом никто не знает. Мы улетим со Стэлом, нам всем на десять жизней хватит, Эля!

Сигнал зазвучал ещё сильнее, лампочка замигала жёлтым цветом.

– Я прилечу за тобой, – крикнула Элис, бросив взгляд на Беркута, и заметалась по комнате, пытаясь собрать хоть какие-то вещи в дорогу. – Запрись в моей комнате, там будут искать в последний момент.

Сигнал стал похож на звук воздушной тревоги, лампочка замигала красным цветом. Элис вспомнила, что должна была выйти из номера через три минуты с момента первого сигнала. Звонок Пердю спутал все мысли, три минуты дав-

но истекли. Ей стало страшно, она оцепенела и застыла на месте.

Дверь внезапно распахнулась, кто-то с силой пнул её ногой, сломав замок. В комнату вбежал разъярённый поп, схватил Элис за руку и потащил за собой.

– Я не полечу без неё, – закричала Элис и показала пальцем на монитор.

Чиновница спала мёртвым сном, у беркута начиналась агония. Поп молча толкнул Элис к двери, схватил рюкзак и направился за ней. Они спустились по лестнице и вышли в лобби.

Четыре здоровенных бугая, похожих на борцовские манекены сидели за карточным столом в метре от выхода, сверлили глазами помещение и нервно курили. Сексоты пришли по их души, – это стало понятно даже Элис. Поп замедлил шаг, взял её за руку и направился прямо к ним. Элис не понимала замысла и закрыла глаза, вручив свою судьбу агенту Штаба.

Сексоты не оценили с кем имеют дело. Трое остались сидеть неподвижно, четвёртый неторопливо поднимался, доставая из кармана наручники. Спецслужбисты ошибочно решили, что крот сдаётся без боя, оценив соотношение сил не в свою пользу.

То, что произошло дальше Элис не видела даже в лучших боевиках Северного Пасьянса: поп схватил пепельницу неуловимым движением и очертил полукруг перед лицами сексотов, словно совершал тайный магический обряд. Пе-

пельная волна с догорающими окурками ослепила спецслужбистов, трое схватились за глаза и повалились на пол от боли. Четвёртый кинулся на них, но поп с размаху ударил его острым стеклянным краем в висок, затем бросил пепельницу в тучного агента, который успел протереть глаза и готовился вцепиться в Элис. Оставшихся он столкнул лбами с такой силой, что сексоты превратились в сросшихся головами сиамских близнецов.

Бой занял меньше пяти секунд, – когда Элис открыла глаза все четверо лежали замертво. Поп толкнул Элис к выходу, но внезапно закричал от боли, опустился на одно колено и схватился рукой за живот. Элис обернулась и замерла, – сзади стоял Ром. Он подкрался и проткнул попу бок лыжной палкой, как спившийся тореадор.

Элис бросилась на бывшего любовника, пытаюсь выцарапать ему глаза. Он остервенело схватил её за руку, затем наотмашь ударил по лицу. Элис осела на руки подбежавших спецслужбистов, но не потеряла сознание. Из пожарной двери выбежали сексоты. Один из них подскочил к Рому и встряхнул за плечи.

– Тебе же сказали без побоев, недоумок! Чтобы ни царапины!

Спецслужбисты внезапно расступились, Элис увидела хмыря. Он подошёл к Рому и потрепал его за щёку, как новорожденного щенка.

– Ну дело семейное, до свадьбы заживёт. Милые бранятся,

только тешатся. Прекрасная работа, агент Ромэо!

Спецслужбист вытянулся по струнке и отдал честь хмырю.

– Служу Великому Братству!

Хмырь подошёл к Элис, два сексота крепко держали её за руки с двух сторон. Он взял её за подбородок и повертел в стороны, обследуя рану, затем снова похлопал по плечу Ромэо.

– Наш мальчик чуть не завербовал королеву Нектарии.

Элис внезапно вспомнила рассказы отца про приключения разведчиков Братства в начале становления Державы. Спецслужбы вербовали мужчин с яркой привлекательной внешностью и делали из них высокопрофессиональных агентов для получения оперативной информации через романтическое соблазнение женщин. Таких сотрудников называли "Ромэо". Никто не знал их настоящих имён.

Но Элис невнимательно слушала детские сказки, – необычное имя возлюбленного не вызвало у неё никаких подозрений. Она собрала остатки сил и плюнула ему в лицо. Ромэо сжал кулаки и рванулся к бывшей невесте, но хмырь резко остановил его.

На Элис одели наручники, Ромэо натянул ей на голову мешок. Внезапный приступ клаустрофобии чуть не разорвал мозг. Она вспомнила, что если закрыть глаза, то можно какое-то время противостоять панической атаке.

Поп истекал кровью, прибывшие военные врачи грубо бросили его на носилки. Перед тем как унести, сексоты пе-

ревернули попа на живот, заломили назад руки и одели наручники. От болевого шока крот потерял сознание.

Глава III

I

Элис знала что находится в "Кричащей Тишине", – дурманящий запах цветов говорил о близости минного поля. Здание находилось в двух километрах от военного аэродрома, поездка заняла около трёх минут с момента прилёта. Удушливая пыль от мешка провоцировала первые астматические спазмы. Единственным желанием было сорвать его с головы и вдохнуть глоток свежего воздуха.

Элис вели в камеру по длинному коридору, – слышался скрип железных дверей, щелчки замочных скважин; шаги сексотов протяжным эхом разлетались во все стороны, разбиваясь об голову, как осколки бутылочного стекла. Она вспомнила, что уже слышала эти звуки раньше, когда шла в медицинский центр вместе с доктором, после прилёта в Терема.

Тяжёлая рука с силой опустилась на плечо, как сигнал к остановке. Послышался скрип открывающейся двери. С неё сняли наручники и грубо втолкнули в камеру. Дверь сразу же захлопнулась.

Элис сорвала мешок, сделала глубокий вздох и открыла глаза. В камере горел свет, деревянные нары откидывались

от стены, как спальные полки в поездах дальнего следования для крестопьян. Низкий потолок не позволял встать в полный рост, – голова тут же упиралась в зубчатую каменистую поверхность, прокалывая череп каменными иглами. В камере, рассчитанной на трёх человек находилось пять заключённых, – четыре мужчины и молодая девушка.

Она лежала на жёсткой, отстёгнутой от стены скамье, и отрешённо вглядывалась в камуфляжные разводы потолка. Ангельский вид сокамерницы смутил Элис, ей показалось, что они уже виделись раньше; обстоятельства встречи вспомнить она не могла.

Мужчины не обращали на неё никакого внимания. Все, за исключением одного, казались безумными. Смуглый юнец, забился в угол и, как затравленный зверёк, самозабвенно молился на непонятном Элис языке, с каждой строфой всё сильнее ударяясь головой об острые выступы стены, будто пытался пробить тайный ход для дерзкого побега.

Двое грязных, заросших узников лет шестидесяти играли в шахматы, медленно передвигая фигуры грязными засаленными культяшками. Один из них не смотрел на доску, его рассеянный взгляд был направлен сквозь Элис. Второй издавал странные звуки после каждого хода, словно сочинял тюремную симфонию.

Уши шахматистов были переломаны, на лбах симметрично краснели идеально круглые синяки. Игроки вскакивали каждые пять секунд, словно сидели на раскалённой печи.

Четвёртый узник внимательно наблюдал за партией, – он казался вполне вменяемым на фоне остальных. Даже прибытие новой арестантки не отвлекло его от игры.

Девушка с трудом приподнялась с нар, затем села на пыльную подушку и обхватила руками колени.

– Мера, – сказала она и жестом пригласила незваную гостью расположиться рядом.

Элис забралась с ногами на грязный матрас. Она определённо слышала это имя раньше.

Факт заключения арестантов женского и мужского пола в одной камере не уживался в её голове.

– Не стоит удивляться, тюрьма – единственное место в этой стране, где нет гендерных различий, – сказала Мера, заметив растерянность свежеприбывшей узницы.

Элис отвернулась от шахматистов:

– Мне кажется мы уже встречались. Не помню при каких обстоятельствах, но забыть твои глаза невозможно.

Мера уткнулась лицом в колени, затем взяла Элис за руку:

– Я не успела всего на несколько секунд. Он наткнулся на вас, появился неоткуда; мне пришлось скрыться. Глупо, как же глупо всё вышло.

Элис удивлённо посмотрела на сокамерницу:

– О чём ты?

Мера сокрушённо склонила голову, словно извинялась за тайный проступок.

– Я видела вас в день нейронного голосования. Твой отец

заметил меня, я уже подходила предупредить об опасности; оставалось всего несколько метров, но тут появился он.

Элис вспомнила тот день. На них будто случайно налетел хмырь. Она вырвала руку:

– Кто ты и почему следила за нами?

Мера опустила голову, затем начала говорить так тихо, будто находилась на исповеди, а не в тюремной камере:

– Я родом из "хлопушки", ни тебе объяснять про то, как прошло моё детство среди вони, нищеты и мусорных бурь. Природная красота – единственное наследство, которое я получила от родителей. Я спала и видела, как покинуть эту дыру и уехать, хотя бы в геттополис клонирования. О Теремах даже не мечтала. Два года назад, в последний день выборов, в геттополис прилетел "эффективный менеджер" кварк-глюонного завода. Он сошёл с ума, как только увидел меня и предложил поехать с ним в Терема. Заезжий старый уродец из аристо-элиты предложил мне золотые горы Агонии, дворцы, волшебный город сад. Мне, у которой за всё жизнь не было даже пары коньков. Я была помолвлена, мой жених был кольцевым гонщиком, самым известным в геттополисе.

Элис неожиданно вспомнила как кривлялся сексот из ларьца, изображая гонки на спортивной машине, а хмырь придурился и корчил повешенного. Она не хотела перебивать Мера, но вопрос вырвался сам собой:

– Что значил был?

Мера вычурно вскинула руки, словно посыпала голову

пеплом, затем продолжила:

– Я совершила ошибку, исправить которую оказалось уже невозможно, – бросила любимого человека и улетела в Терема с этим ублюдком. Золотая лихорадка сводила меня с ума. Это было похоже на психическое заболевание. Он подарил мне гору, самую высокую в агонии и назвал моим именем. Но и этого оказалось мало, я захотела, чтобы на горе высекли моё лицо и получило своё.

Элис внезапно осенило. Она вспомнила, что приняла за галлюцинацию молодое лицо девушки на золотой горе, во время прямой трансляции по испытанию квантового оружия в Судьбоносный День Победы. Более того, гора, выбранная в качестве цели для поражения, называлась Мера!

– Как это возможно? – взмолилась Элис. – Мне казалось, что цель для ракетного удара выбрали случайно.

Мера посмотрела на неё с сожалением:

– В этой стране случайно можно получить только абсолютную власть, всё остальное здесь происходит с холодным расчётом. Скоро я пришла в себя от золотой лихорадки, – душа испарилась из тела, как просроченные духи, сердце превратилась в дешёвую бутафорскую побрякушку. Ложиться в постель с грузным старым ублюдком было всё равно, что спать в выгребной яме. Единственное что хотелось – это улететь обратно, в вонь и нищету родной "хлопушки". Последней каплей стал "Золотой Фонтан Афродиты". Я видела как цинично издеваются над детьми, дрессируют их словно

в цирке, делают инвалидами и калечат психику уже в раннем детстве. Убежать из Теремов невозможно. Я нашла единственный выход, – попасть в картель Папатриарха на добровольных началах, чтобы сопровождать детей из геттополисов, оказывая первую психологическую помощь. Остальное ты видела своими глазами. Когда произошло нападение на Мифодия я уличила нужный момент и сбежала из святонебохода. Мой "эффективный менеджер" пришёл в бешенство. Он не просто хотел вернуть меня и посадить в "Кричащую Тишину", возникла маниакальная идея разрушить золотую гору, чтобы навсегда забыть моё лицо. Пол года он лоббировал цель квантового удара у Шайбу и добился своего, подарив министру нападения золотую крылатую ракету в качестве отступного. В Судьбоносный День Победы люди наблюдали месть чиновника своей бывшей любовнице! Он превратил самую высокую гору Агонии в белую дыру. Но любящее сердце на этом не успокоилась. Подонок решил разыскать меня и поручил спецзадание хмырю. Его цепные псы поймали меня и вернули в Терема. Друга убили изошрённым образом, подсунув неисправный мотоцикл. Он разбился на скорости триста километров в час, убив ещё нескольких зрителей на стадионе.

Элис вспомнила девочку с ангельским лицом, затем посмотрела на Мэру:

– Человек стальным прутом, кто он?

Мэра сжала пальцами виски:

– Мой отец. Когда я сбежала, он решил отстаивать мою младшую сестрёнку с оружием в руках.

Элис пододвинулась к сокамернице, обняла её и прижала к себе:

– Ты знаешь что с ним?

Мера держалась, чтобы не зарыдать:

– Его казнили средневековым способом, посадили на раскалённый прут. Это казнь называется у них "Пик Коммунизма". Мать ещё жива, но мне неизвестно что с ней.

Мера смотрела на Элис как на священника:

– Я виновата дважды. Если бы осталась в Теремах, то могла бы защитить сестрёнку.

Элис пыталась возразить, но Мера грубо остановила её:

– Думаешь благодаря тебе поймали садиста-расчленителя? Святая наивность! Раймонда взяли не потому, что он топил гуклонок в кислоте, – за это могли только поощрить. Тайные обряды с жертвоприношением "Пламенный мотор" проходят в Теремах по методичке оперативного колдовства чуть ли не каждый месяц. Беженкам из Агонии вырезают сердце и сжигают на глазах у участников церемонии. Раймонд избавлялся от тел, был "чистильщиком" тайного ордена аристо-элиты, связанного с чёрной магией. Я знаю это, потому что каждое утро подслушивала разговоры своего "эффективного менеджера". Мою маленькую сестру определили в "Фонтан Афродиты". Она принадлежала ассенизатору, но Раймонд хотел заполучить её в личное пользование. Думаю

он долго домогался, она решила всё рассказать; информация стала публичной, что и привело к трагической развязке.

– Где сейчас этот ублюдок? – спросила Элис чтобы хоть как-то выразить свою солидарность.

– Сидит в отдельной камере, с ним всё будет в порядке, Реймонд подставил жену, чтобы самому выйти на свободу. Мелюзину обвиняют в покушении на Главногомыслящего, – попытку вставить нож ему в спину.

Элис обняла Мэру и прижала к груди. Её взгляд упал на молодого человека в углу. Она вздрогнула и отскочила в сторону, – это был смертник из кафе Барро.

Мэра постепенно приходила в себя:

– Не бойся, он больше не опасен. Не знаю что сделали с несчастным, но он верит, что находится в раю. У меня только одно объяснение – по сравнению с условиями жизни в его родной стране здесь действительно рай.

Элис неожиданно вспомнила о Роме:

– Одного не понимаю: рисковать жизнью, собирать цветы с минного поля, чтобы потом сдать меня в руки спецслужб. Какая в этом логика?

Мэра посмотрела на сокамерницу с сожалением, затем указала рукой на террориста:

– Вот твой настоящий кавалер. Чиновники используют смертников, чтобы дарить букеты любовницам, выдавая себя за безумцев, сошедших с ума от любви. Я попала на трюк так же, как и ты. Этот несчастный мальчик выходил на

смертельные вылазки уже шесть раз и до сих пор оставался цел. Я уже начинаю верить, что бесконечные молитвы охраняют его от мин.

К ним неуверенно подошёл человек, наблюдавший за шахматной партией. Он протянул Элис руку и поклонился, как настоящий аристократ:

– Гроссмейстер Крогиус.

Элис не пожала руку, она не была уверена с кем имеет дело.

– Кто эти люди, – спросила она и показала на шахматистов.

Если бы Элис, находясь на "полит-карантине", слушала лекции чуть внимательнее, то в одном из узников "Кричащей Тишины" смогла бы различить близкого друга своего отца ещё в гостиничном номере Теремов.

– Одного из них Вы знаете, Элис, – сказал гроссмейстер. – Это Штейн, друг Вашего отца. Второй не менее великий, – композитор Ленц – создатель музыкального генератора. Это великие люди. Их разум несколько пошатнулся от пыток, но профессиональные способности не пострадали. Штейн прошёл через "шахматную пытку", – ему зажимали уши шахматной доской, били конём по голове, сажали на шахматного слона. Время пытки отмеряли шахматными часами до падения флажка. Что касается Ленца, – последнего романтика Братства терзали его же изобретением, – "нотным червём патриотизма".

II

Крогиус рассказал Элис то, что безуспешно пытались понять профессиональные шахматисты, наблюдая за всемирным триумфом хмурых гроссмейстеров Поп Державы, больше похожих на дзюдоистов.

Шахматы являлись одной из самых популярных игр в Братстве. Ход шахматной партии был, наверное, единственным процессом, который, до определённого момента, никак не контролировался государством. Блестящие гроссмейстеры традиционно делили первые места с игроками других стран на соревнованиях в Нектарии. Но продолжалось это недолго. Тот факт что шахматисты могли свободно попадать в Нектарию был использован службой безопасности Братства.

Первоначально шахматистов вербовали и пытались научить всем премудростям шпионской работы. Очень скоро стало понятно что они не способны освоить даже базовые вещи. Кроме того, отключение Братства от всемирного шахматного интерфейса плачевно сказывалось на результатах, которые показывали гроссмейстеры горе-шпионы на международных соревнованиях в Нектарии. Возникла угроза полной потери лидерства в этой области.

Именно тогда решилась судьба близкого друга Профессора. Штейн был одним из самых неординарных математиков специализирующихся в теории игр и страстным любителем

шахмат. Уровень его игры был посредственным, но открытие, сделанное в шахматной игре стало грандиозным событием.

Когда в качестве наказания за похищение управленца из Нектарии Братство отключили от шахматного искусственного интеллекта, Штейну пришла в голову безумная идея. Он хотел послужить своей стране и вернуть потерянный шахматный престиж.

Если шахматы – игра с чёткими правилами и конкретной целью без каких либо вероятностей, то наилучший ход должен быть закодирован в самой позиции и может быть вычислен математически. Штейн решил найти формулу, которая бы рассчитывала правильные ходы в шахматной партии.

Ему удалось найти шокирующую закономерность, проанализировав на квантовом компьютере почти все сыгранные партии второго тысячелетия. Правильные ходы можно было вычислять путём математических преобразований используя информацию, хранящуюся в каждом поле шахматной доски. В конечном итоге всё сводилось к перемножению матриц. Обычный человек при определённой тренировке вполне мог проводить эти вычисления в уме. Открытие сделанное Штейном сводило на нет шахматные нейронные сети на разработку которых ушли десятилетия во всём мире.

Штейн обезумел от собственного открытия и под воздействием эмоций опубликовал статью, описав общую идею не раскрывая формулы. Не прошло и дня как он пропал.

Чем мог заинтересовать сильных мира сего математик, сделавший гениальное открытие в шахматах понимали лишь немногие.

То что произошло со Штейном было следствием его политической близорукости. Сразу же после публикации статьи за ним пришли агенты службы Безопасности Братства. Математику объяснили что открытая им шахматная формула, если она действительно верна, является достоянием страны, а он сам должен проследовать для проведения эксперимента. Штейн искренне не понимал какая могла быть связь между формулой игры в шахматы и национальной безопасностью. Но спецоперация "Цейтнот" уже шла полным ходом.

Штейна привезли в секретное отделение "Кричащей Тишины". В комнате, куда он был доставлен для проведения эксперимента, стоял шахматный стол. Рядом со столом находились три человека. Двух из них он узнал. Это были всемирно известные шахматисты, – гроссмейстеры Лурье и Бельман. Они мрачно посмотрели на Штейна. Третий человек также был шахматистом, Штейн видел его на одном из соревнований, но не мог вспомнить фамилию. Агент, взявший математика в разработку, представил игроков друг другу. Третьего шахматиста звали Лавуазье.

– Ну что же, мистер Штейн, – начал агент. Вы находитесь в приятной компании среди своих, можно сказать, коллег. Как видите мы не предлагаем ничего страшного, – просто сыграть партию в шахматы в приятной компании. Наш с Ва-

ми дальнейший разговор будет строиться в зависимости от результата. Спешить Вам некуда, кофе, чая, виски, сигары, – всё в вашем распоряжении, – просто нажмите кнопку и Вас немедленно обслужат. Я удаляюсь чтобы не мешать Вам творить. Можете приступать. Он вышел оставив шахматистов одних. Лурье зло посмотрел на Штейна.

– Скажите, зачем вы всё это придумали? – спросил он со злобной интонацией. Вам хочется скандальной славы или Вы просто сумасшедший? Формула в шахматах!? Это же бред! Вы, как нам сообщили играете на уровне начинающего, так?

– По сравнению с вами, да, – еле промолвил Штейн.

Тогда на что вы рассчитываете? – продолжал Лурье. Наша партия продлится не больше пятнадцати ходов. В каком составе мы бы не играли. Что вы потом скажите этим людям? Что вы пошутили? Это не самое лучшее место для шуток. Поймите меня правильно.

Штейн сделал глубокий вдох чтобы прийти в себя. – Я понимаю ваше раздражение, – начал он. Поверьте, меньше всего я бы хотел встретиться с вами здесь. Я, кстати, Ваш поклонник и всегда мечтал сесть с Вами за одну доску.

– Вам это удалось, – зло прервал его Лурье.

– Я понимаю Ваш скепсис, – продолжал Штейн. Я, признаться, сам не поверил в то что произошло. Но, поверьте, это работает.

– Вы сумасшедший, – сказал Лурье. Мне жаль Вас. Нам незачем в это верить. Всё выяснится прямо сейчас.

– Давайте приступим к игре – вмешался Лавуазье. Мистер Штейн, вы не возражаете если я буду играть вместе с вами против Лурье и Бельмана.

– А вы, друзья, как не садитесь.. – добродушно улыбнулся Бельман.

– Мне всё равно, – сказал Штейн. Единственное, не торопите меня с ходами. Я ещё не научился быстро перемножать матрицы и определять плотность полей. Кроме того, над самым простым ходом могу думать также долго как и над самым неочевидным. Я просто делаю расчёты в голове, а не играю в шахматы. Исключение может быть только в случае если ход единственный. Не с шахматной точки зрения, а вообще единственный.

Лурье смотрел на него презрительно. Лавуазье скептически качал головой.

– Каким цветом предпочитаете играть – спросил он приглашая Штейна сесть за шахматный столик.

– Неважно, – ответил Штейн. Если вы будете играть белыми идеально, то скорее всего победите. Но идеальных игроков не бывает. Даже машины на которые потратили баснословные деньги и добрую сотню лет ошибаются безбожно. Поверьте я знаю о чем говорю.

– Тогда давайте мы с Вами возьмём белый цвет чтобы исключить проигрыш в случае идеальной игры соперников – подмигнул Лавуазье перевернув доску. Играем двое на двое, ходы делаем по очереди.

– Позвольте, – Штейн посмотрел на Бельмана. Мы здесь для того чтобы проверить работает ли формула, а не соревноваться в парной игре. Почему вы трое не можете играть против меня?

Бельман, Штейн и Кроги переглянулись, возникла пауза.

– Это мы делаем для Вас, – сказал наконец Лурье. Если мы все будем играть против вас одного, то, как я уже сказал ранее, вы не продержитесь и пятнадцати ходов. При игре двое на двое, у вас будет хоть какое то оправдание. Правила менять поздно, – они согласованы с теми кто любезно усадил нас за один стол.

Штейн задумался и посмотрел на Бельмана. На его лице мелькнула еле заметная улыбка.

– Раз правила менять поздно, то приступим к делу, – сказал он и театрально потёр руки.

– Да, – сказал Бельман обращаясь к Штейну, вот вам ручка, бумага, калькулятор, если нужно.

– Вполне может понадобиться, – поблагодарил Штейн.

Все четверо уселись за шахматный стол.

– Первый ход не требует никаких расчётов, я сделаю его сам, – сказал Штейн, передвинув пешку с e2 на e4.

– Очень неожиданно и оригинально, – процедил сквозь зубы Лурье.

Штейн не отреагировал. Игроки по очереди делали ходы. Был разыгран редкий вариант Скандинавской защиты.

Силы сторон были явно не равны. Двое великих гроссмей-

стеров против гроссмейстера и начинающего. Тем не менее на доске был грамотно разыгран необычный дебют. Лурье отметил это, но списал на случайность. Лавуазье удивило это обстоятельство он перестал улыбаться и сконцентрировался на игре.

Первоначально Штейн делал ходы намного медленнее остальных. С некоторого момента Лавуазье перестал понимать происходящее. Штейн подставлял одну фигуру за другой. При иных обстоятельствах Лавуазье бы поправил своего напарника, но сейчас это делать строго воспрещалось. Да, в этих жертвах был определённый смысл, так как белые развивали атаку на чёрного короля. Но Лавуазье явно видел что очень скоро атака захлебнётся, и белые останутся без левого фланга с абсолютно проигранной позицией.

Тем не менее их противники странным образом притихли: Бельман напряженно обдумывал каждый ход, на лице Лурье появились капли пота. Возникла напряженная тишина. Теперь уже все три гроссмейстера тратили на ход гораздо больше времени чем Штейн. В какой то момент Лавуазье надолго задумался. Как он и ожидал, их атака почти захлебнулась. Они со Штейном играли уже без ладьи, слона, коня и нескольких пешек. Но, к своему изумлению, он обнаружил, что черные не могут воспользоваться своим материальным преимуществом, – расположение их фигур было крайне неуклюжим, все они были почти в патовом положении. Конкретных угроз черному королю не было, но находился он не

в самом лучшем положении.

Ещё через несколько ходов Лавуазье с ужасом обнаружил что возникшая на доске позиция слишком сложна для его понимания. Интуиция подсказывала, что все предыдущие ходу делались не просто так. Они складывались в общую красивейшую гармонию. Он посмотрел сначала на Штейна, потом на соперников. Лицо Штейна не выражало ровным счётом ничего. Он смотрел в угол комнаты и что то писал на бумаге. Лурье и Бельман напряженно склонились над доской. Лавуазье не знал как поступить. Его очередной ход мог испортить весь замысел белых. Как талантливый шахматист он это чувствовал. Наконец он встал так и не сделав хода:

– Мистер Штейн, – обратился он к напарнику. Я вынужден попросить Вас продолжать играть за меня.

Лурье и Бельман никак на это не отреагировали. Они жадно бегали глазами по доске и, казалось, ничего не слышали.

– Как Вам угодно, – безразлично сказал Штейн.

– Это поразительно, – подумал Лавуазье. Он создаёт шахматный шедевр прямо у нас на глазах и даже не понимает этого. Он вообще не видит что на доске происходит нечто невысказанное.

Штейн сделал ход очень быстро. Ход выглядел как издевательство. Атака белых, как и предполагал Лавуазье захлебнулась. Белые не могли объявить чёрному королю даже шаха. При этом у них недоставало целого ферзевого фланга. Штейн пошёл одинокой пешкой далеко от короля чёрных,

подставив под бой сразу пяти фигур.

Казалось ход не имел никакого смысла. Чёрному королю по прежнему ничего не угрожало. Но Лурье, Бельман и Лавуазье поняли, что видят самый глубокий ход в истории шахмат. Поле, с которого ушла белая пешка, внезапно становилось центром координации немногих оставшихся белых фигур.

Стало понятно, что все предыдущие усилия делались белыми именно ради этого хода. Лурье смотрел уже не на позицию, а куда-то вдаль. Бельман инстинктивно схватился за голову. Все трое молчали. Штейн сохранял полное спокойствие, так как не понимал смысл своих же действий на шахматной доске.

Партия продолжалась ещё несколько минут. Штейн теперь делал ходы удивительно быстро. Его соперники – обречённо. Наконец Лурье медленно положил чёрного короля на доску. Было видно, что ему тяжело говорить.

– Это г.. грандиозно, наконец вымолвил он. Чудовищно, невысказанно... Все трое начали аплодировать.

– Вы создали шедевр на наших глазах, – закричал Бельман. Это – лучшая партия, какую я когда-либо видел в своей шахматной жизни.

– Жаль что я не могу разделить вашу радость, я мало понимаю в шахматах, – пошутил Штейн.

И это было абсолютной правдой. Все трое кинулись поздравлять Штейна. Через несколько минут дверь комнаты

отворилась, двое сотрудников вошли в комнату и, не проявляя никаких эмоций, подошли к столу.

– Как мы поняли, – сказал один из них, – эксперимент можно считать удачным. Это огромный успех.

Он пожал руку каждому игроку. Второй протянул участникам листы с водяными знаками Братства:

– С этого момента проект получает секретный статус. Это подписка о неразглашении. Всё что касается данной темы не может обсуждаться никогда ни с кем и ни при каких обстоятельствах. Даже между собой.

– Господа гроссмейстеры, Вы свободны, – сказал первый, собрав подписанные бумаги. Мистер Штейн. Поздравляем Вас с успешным завершением эксперимента. Просим пройти с нами для дальнейшего обсуждения.

Штейн успел поймать на себе сочувственные взгляды всех троих шахматистов. Гроссмейстеры отделались лёгким испугом. Систему расчётов они не знали и поэтому не представляли никакого интереса для спецслужб. Даже если бы все участники эксперимента наперебой стали рассказывать о странном математике, открывшем гениальную шахматную формулу, никакой угрозы для готовящейся операции это бы не представляло.

Совсем иначе обстояли дела со Штейном. После выигранной партии судьба его была предрешена. Если бы он понимал весь масштаб операции связанный с его изобретением, то скорее всего сдался бы в самом начале игры. После то-

го, как гипотеза Штейна была проверена на практике, его заключили в тюрьму “Кричащая Тишина”.

Формула позволяла играть в шахматы на универсальном уровне любому, кто способен перемножать числа в уме и запоминать ответ. При определённой тренировке систему могли освоить даже дети. Началась операция спецслужб по созданию отряда агентов для внедрения в Нектарию под видом шахматистов.

На одном из региональных турниров Братства с одним из таких игроков произошёл курьёзный случай. Соперник решил играть до мата в абсолютно проигранной позиции. Любой начинающий мог бы довести выигранную партию до логического конца за минуту. Но хмурый шахматист спортивного вида, который блестяще провёл всю партию, думал по пять минут над каждым ходом прежде чем заматовал противника.

Это было по меньшей мере странно. Ошибка больше не повторялась. Сексотов научили играть в шахматы на элементарном уровне; теперь они понимали когда надо отставить в сторону формулы и просто заматовать соперника простыми ходами. Шахматы, как игра, была полностью дискредитирована в Братстве.

Штейна заперли в тюрьме “Кричащая Тишина” на неопределённое время, после того как он добровольно расписал открытую им формулу шахматных побед.

Уже через несколько месяцев шахматная олимпийская

команда полностью состояла из агентов спецслужб и совершенно официально могла находиться в Нектарии.

III

Злой рок настигший Штейна не обошел и ещё одного талантливейшего биолога, математика и любителя музыки Ленца. До ареста Штейна они были друзьями. Ленц был в курсе экспериментов Штейна по поиску шахматной формулы. Ему в голову пришла не менее грандиозная и амбициозная мысль. В своих экспериментах он, по примеру Штейна, анализировал гармонии величайших музыкальных произведений с помощью квантовых компьютерных технологий. От Баха и Моцарта до современных композиторов.

«— В шахматах и музыке есть нечто общее, — рассуждал Ленц. Комбинации из тридцати двух шахматных фигур рождают почти бесконечное количество гениальных партий, комбинации из семи нот создают шедевральные музыкальные произведения. И фантастические по красоте шахматные партии и музыкальные шедевры уже существуют в природе. Надо только понять как правильно сформулировать глобальные принципы красоты и гармонии, чтобы научить нейронную квантовую сеть творить на гениальном уровне. С другой стороны, в шахматной партии есть чёткая цель, прописанная в правилах, — поставить мат королю. В музыкальном же произведении, напротив, никакой чёткой цели нет.»

Это существенно затрудняло подход к решению задачи.

Чтобы понять как происходит рождение гениального музыкального творения, Ленц задумался над вопросом, – почему нам нравится та или иная музыка. Может и найдутся в мире люди не способные слушать лунную сонату Бетховена, но они будут в явном меньшинстве.

Ленц исходил из очевидного факта, – музыка, как и человеческая речь, является утончённым механизмом передачи информации. Информация активизирует определённые нейронные контуры, что в конечном счёте приводит к выбросу гормонов дофамина в организм. Лунная соната Бетховена, например, – образец сладкой меланхолии и философской рефлексии, вызванной ощущением бренности бытия. С помощью сложнейших экспериментов Ленцу удалось понять влияние музыкальных гармоний, на гиперсеть нейронных контуров головного мозга, вызывающих определённые человеческие настроения. К концу второго тысячелетия нейронные контуры были хорошо изучены и опубликованы. Фактически, их активная комбинация и отражала настроение человека.

«Когда мы смотрим на облака, почти всегда видим лица, – рассуждал Ленц. – Чаще всего это абстрактные лица монстров, которые расплываются, превращаясь в новые, ещё страшнее предыдущих. Нейронные контуры, отвечающие за их распознавание, достались нам от давних предков, занимавшихся охотой на диких зверей. Они заставляют нас видеть лица почти везде, – в облаках, груде мусора, даже в тем-

ноте. Мозг рождает образы, которые в реальности являются просто каплями воды, или обёртками от конфет. Музыка же, в силу своей цельной структуры, может вызывать любые ассоциации, в зависимости от того, на какой нейронный контур воздействует сочетание нот.»

Но это была лишь теория. Чтобы создать заново Лунная Сонату и тем самым подтвердить правильность вычислений, необходимо было, ни много ни мало, понять в каком настроении находился Бетховен, когда являл миру свой шедевр.

Ленц обратился к своему другу специализирующемуся на квантовом исследовании исторических событий. С его помощью был проделан еще один грандиозный эксперимент. Друг ленца создал квантовую нейронную сеть для анализа исчерпывающей информации, касающуюся Бетховена, начиная с его детства и заканчивая последним днём жизни. Результатом этого опыта стало описание мельчайших тонкостей эмоционального состояния маэстро на момент написания «Лунной Сонаты».

Теперь оставалось проделать последний и самый интересный эксперимент, – перевести настроение Бетховена на язык нейронных контуров, по которым можно было проводить поиск серии музыкальных гармоний. В случае, если все вычисления Ленца были верны, одна из них должна была хотя бы отдалённо напоминать лунную сонату.

Ленц запустил программу поиска и сравнения мелодий с Лунной Сонатой поставив высокий коэффициент на их сов-

падение. Через три дня результата всё еще не было. Тогда он пригласил своего друга, чтобы обсудить некоторые тонкости, которые, по его мнению, могли негативно сказаться на результате эксперимента. Они сидели в кабинете Ленца, когда сладкая узнаваемая мелодия, как лунный свет разлилась по комнате. Ленц закрыл глаза и застонал, – свершилось величайшее открытие в истории музыки.

Ленц создал радиостанцию "Мелодии Братства" и волшебные сонаты звучали из каждой квартиры, отвлекая измученных людей от рабского труда на гетто-заводах. Это были настоящие шедевры, по сравнению с которыми меркли даже произведения великих композиторов прошлого. Музыка настолько не соответствовала сущности Поп Державы, что уже по этой причине могла считаться крамольной.

За Ленцом пришли через несколько дней после ареста Штейна. Радиостанцию закрыли, вместо неё был построен музыкальный завод "Ритм". Изобретение Ленца в руках чиновников Братства оказалось оружием массового поражения слуха. Созданную квантовая нейронная сеть переконфигурировали на создание военных и религиозных гармоний, потратив немислимые средства из пенсионного фонда.

Гимны Главногокомыслящему звучали по утрам не давая опомниться, так называемая духовная музыка залезала в подсознание и травила своей депрессивностью. Всевозможные отделения завода создавали военные марши, поднимающие даже самых трусливых солдат в смертельную атаку,

несмотря на шквальный огонь и артиллерийские обстрелы. Одной патриотической мелодии было достаточно, чтобы заставить молодых людей мечтать о военной карьере.

Бессвязная и косноязычная речь Папатриарха Мифодия вгоняла людей в транс только благодаря божественным гармониям созданным на заводе “Ритм”. Религиозно-гипнотическая музыка придавала полной бессмыслице его слов некое подобие проповеди. Гипнабельные люди принимали этот бред за закодированное толкование священного писания.

Музыка в Братстве навсегда превратилась в мощный инструмент психологического воздействия и пропаганды. Ни о каком научном применении созданном Ленцом музыкальном инструменте не могло быть и речи. Проект засекретили. Все без исключения работники завода были завербованы службой безопасности Братства. Им запрещалось вести разговоры о музыке не только с друзьями и родственниками, но и друг с другом.

Одно из отделений завода занималось созданием музыкальных ритмов для управления толпой. Вызвать неконтролируемую агрессию огромной массы людей было так же просто как и заставить её подчиняться. Привести толпу в состояние религиозного экстаза или вызвать в ней патриотический угар теперь не составляло особого труда. При необходимости музыка могла свести с ума или вызвать эмоции сравнимые с инъекцией героина; стать инструментом пытки или цели-

тельным средством для выздоровления.

Секретное отделение завода обслуживало частных клиентов. Члены Арист-Элиты наперебой заказывали романтические мелодии для своих жён и любовниц. Эту прекрасную музыку не было суждено услышать рядовым жителям Братства. Она звучала только в стенах Дворцов, на оргиях и свальных греховных вечеринках.

Аппетиты меломанов из аристо-элиты росли с каждым днём. На завод инкогнито поступали заказы музыки для проведения сектантских ритуалов и тайных обрядов. В некоторых недвусмысленно звучали намёки на жертвоприношение. Иногда работники завода, выполняющие подобные заказы, сходили с ума не выдержав эмоционального напряжения, вызванного леденящей душу музыкой. Страшные мелодии проникали в подсознание и лишали воли. То что должно было принести в мир радость и гармонию, власти Братства превратили в инструмент пыток и подавления.

Ленц испытал действие своего детища на собственной нервной системе, когда агентам, взявшим его в разработку, показалось что сотрудничает маэстро без должного энтузиазма. Несколько часов мрачных мелодий, которыми он принудительно "наслаждался" в тюрьме "Кричащая Тишина", подавили его волю и заставили работать на совесть, раскрыв властям все тонкости своего открытия. Если бы он мог представить, как на самом деле распорядятся его изобретением власти, то скорее всего предпочёл бы просто родиться глу-

хим.

Только в страшном сне музыка, созданная квантовой нейронной сетью, могла побуждать сектантов приносить в жертву клонированных индивидуумов или толкать молодых людей к совершению террористических актов замаскированных под самопожертвование во славу державных поллюций отчизны.

Теперь уродливый завод Ритм казался страшнее гетто-предприятия по синтезу искусственных драгоценных металлов или биохимического завода по производству человеческих органов. Ленц чувствовал что скоро сойдёт с ума, слыша погребальную музыку у себя в голове, которая звучала как призыв к путешествию в братские могилы. От нее не было спасение даже во сне.

Величайшее открытие сделанное им в конце жизни явилось величайшей бедой для жителей страны в которой ему посчастливилось родиться. Бедой вечной, как сама музыка.

IV

Дверь в камеру резко отворилась. Двое охранников вбежали, не дав Элис опомниться. Ей надели на голову мешок и поволокли к выходу с подчёркнутой жестокостью.

Пройдя по нескольким длинным коридорам и просчитав количество ступенек на лестницах, Элис легко поняла, что её ведут в медицинский центр. Голову закрыли для устрашения. Послушался скрип уже знакомой двери, её втокнули в

кабинет и грубо сорвали мешок. Пыточная медицинская камера больно ослепила глаза яркими люминесцентными лампами.

Доктор смотрел на Элис прозрачным равнодушным взглядом, она вызывала у него чисто профессиональные эмоции без тени какого-либо участия. Элис хорошо знала, – любая апелляция к человеческим чувствам, в стенах Теремов не могла вызвать ничего, кроме искреннего недоумения. Она не понимала только почему до сих пор находится в кабинете врача, а не в пыточном подземелье.

Окажись она под пытками, была бы видна логическая развязка; тогда тревога неопределённости сменилась бы скорбным принятием собственной участи.

– Я же сказал, что буду ждать Вас в медицинском центре, – сухо сказал Доктор. – Имею честь выполнять свои обещания.

Элис не сразу сообразила что ответить, но хорошо понимала, что имеет дело с конченным циником. Она решила вести разговор максимально рационально.

– Скажите, – Элис осеклась, не зная как называть этого человека.

Доктор приподнял уголки губ, изображая улыбку утопленника, отчего стал ещё более омерзительным:

– Доктор, милая. Называйте меня Доктором.

– Вы Доктор медицины? – Элис попыталась внести в свой тон уважительные ноты, в надежде хоть как-то умиротворить профессионального живодёра.

– Спасибо за вопрос, Элис, – теперь доктор улыбнулся уже по настоящему. – Докторская степень в области медицины и философии. Настоящие исследования мозговой деятельности человека, или даже клона, невозможны без глубоких знаний философии. Неграмотным профессорам из Института Нейронного Клонирования этого не объяснить. Но вам, – Доктор опять скривил рот, – Вам, Элис, это скоро станет понятно.

От последнего замечания у Элис прошёл легкий холодок по нижней части спины.

– Вам даже не надо пытаться меня, – сказала она, стараясь говорить ровно, неумело скрывая животный страх, который уже добирался до горла. – Вы можете просто залечить мне здоровый зуб без наркоза и я сама расскажу Вам все, в чём не участвовала, от нестерпимой боли. Вы сами прекрасно знаете, современный человек не в силах противостоять пыткам, тем более слабая женщина.

– Неужели? – цинично перебил Элис доктор, легко пустив пять сигарных колец, так что они проникали друг в друга и рассеивались прямо перед ее носом. – Во первых, я так не уверен в вашем постулате о физических муках. – Я читал, что вам, революционерам, делают маленькую операцию на мозжечковой миндалине, перед тем как послать на очередное задание.

– И вы, доктор с двумя степенями, верите в эту чушь, – усмехнулась Элис. – Кто мне сделает такую операцию? Зна-

харь из рабочего района? Вы часто бываете за стенами Красного Дворца, доктор? Медицина существует только в стенах ваших Теремов. За ними вам не смогут удалить даже ноготь вросший в палец, а скорее запишут в очередь на пересадку всей ступни. Да хоть в очередь на трансплантацию головы. Вы сами знаете, что все это фикция и кому в действительности пересаживают органы вплоть до детородного.

– Я не объясняю Вашу глупую храбрость одними медицинскими причинами, – равнодушно продолжил Доктор. Да и не надо делать из нас Святую Инквизицию. Это бы меня лично оскорбило. – Мы намного профессиональнее, если Вы понимаете что я имею в виду. Физическая боль закалит Вас, если не убьёт. Ни одно ни другое не соответствует нашим целям. Смертная казнь запрещена в Братстве, делать из Вас мученицу никто не собирается.

Доктор стал говорить медленнее, его тон стал более мягким:

– Вы сами, кротко, но с достоинством, расскажите правду всему миру, о Вас, вашей террористической организации, о её целях и задачах. Нашу, правду, разумеется, но если будете слишком упорствовать и решите проявить стойкость, сами в эту правду поверите. Правду о том, что единственная цель членов вашего Штаба Сопротивления, – борьба за личные блага, лидерство и устранение конкурентов. Признайтесь, что члены Вашей организации взорвали город на стыке геттополисов, устроили аварию на кварк-глюонном заво-

де и отравили детей кокаином, цинично заправив его в матрешки. И будьте говорить так что поверите в это сами. Под камеры стран Нектарии и Северо-Балистического Пасьянса. Вам не будут верить, но вы убедите их, так как сами уверуете в эту страшную правду.

Элис, наконец-то, доходчиво объяснили её дальнейшую судьбу. Не просто предать своего отца и весь Штаб Сопротивления, – лично опорочить революционеров, извратив цели организации перед всем цивилизованным миром. Сделать это искренне, демонстративно обозначив полный переход на сторону Спецслужб Братства.

– Вы не похожи на романтика, доктор – сказала Элис. – Нет, Вы, конечно, выбьете из меня под пытками всё что угодно. – Но, неужели Вы думаете, что я сяду с вами за один стол переговоров и, под вспышки телекамер, опорочу последних настоящих людей на этой проклятой территории, в которых еще живет человеческое достоинство? – Вы, не допускаете, что я, например, брошусь в зал, возьму, Вас в заложники или что-то в этом роде?

– Вы этого не сделаете, Элис – брезгливо вздохнул доктор. – Абсолютно исключено.

Элис почувствовала, глядя на этого спокойного, умного и уверенного подлеца, что именно он сможет дать ей ответ на давно мучающий вопрос:

– Скажите, доктор, как вы сами себе объясняете ваши, так сказать, цели. Каковы они вообще? Как оправдываете себя

перед своими детьми, перед самим собой, наконец? Я не понимаю, но хочу понять. Очень хочу. Спрашиваю Вас как философа, если хотите.

Прошло пару минут прежде чем доктор начал говорить снова. У Элис создалось впечатление что он давно ждал подобного вопроса. Похоже, он колебался между серьёзным ответом и переходом на другую тему. В конце концов философ взял верх над медицинским следователем:

– Знаете, лет сто пятьдесят назад, или около того, на одной из территории сегодняшнего Братства закончилась очередная гражданская война. Дело обычное, – миллионы убитых, искалеченные судьбы, горе, страдания. Когда умер лидер одной из сторон, его забальзамировали каким то примитивным способом, построили гробницу, правда намного примитивнее гробницы Фараона, и положили под стекло на всеобщее обозрение. Этот древний экспонат, кстати, был похож на нашего многоуважаемого лидера. Всё это происходило не пять тысяч лет, а всего лишь полтора века назад. Я бы не поверил, но послал запрос в министерство исторических квантовых событий. Мне ответили, я посмотрел отсканированный в обсерватории горизонтальный временной фрагмент. Забальзамированного называли бессмертным. Более того, утверждали, что он жив и будет жить. И, что самое странное, – были уверены в том, что бездыханная мумия, законсервированный живчик, продолжает своё земное существование, и, в какой-то степени всё ещё живее всех живых. Кто то бы

над этим посмеялся, но не философ. Именно тогда, моя милая маленькая девочка, и была сформулирована цель элит – Бессмертие. В руках тех несчастных правителей не было мощных научных инструментов какими обладаем сегодня мы. Примитивные политические деятели прошлого выдавали желаемое за действительное. Времена, были дикие, племенные, – верховных правителей называли вождями. И бессмертие для аристо-элиты они понимали также неотёсанно: вечная память и прославление потомками. Но, позвольте, какой смысл в абсолютной власти, если завтра ты отправляешься, нет, не в вечность – в прах, или ещё хуже – в стеклянный гроб, выставленный на всеобщее обозрение. Но, слава Богу, мы с вами живём в конце второго тысячелетия, – получив бессмертие мы отождём у Господа вечность научно-медицинским рейдом и сами станем Богами, встав у руля вселенной. Не все, конечно, только избранные.

Профессор стряхнул пепел с сигары:

– Вы знаете сколько лет Главнокомыслящему?

Элис отрицательно покачала головой:

– Этого, не знает никто, с чего бы вдруг посвятили Вас?

Профессор пропустил оскорбление мимо ушей:

– Никто кроме нескольких человек. Вы поверите, если я скажу Вам что около ста тридцати?

– Да, – ответила Элис не задумываясь. – На него работает всё Братство.

– Не ожидал такого быстрого ответа, но дело не совсем в

этом, – сказал доктор. – Наш лидер не долгожитель, и спорт тут не причём. Он – плоть от плоти собственный народ. В прямом смысле, без аллегорий и высокопарных фраз. Пересадка органов, отнятых у честных налогоплательщиков, продолжает его жизнь, если конечно это можно ею назвать. Можно ли назвать жизнью, пересадку сердца по два раза в день? – Вы думаете он специально обрек себя на вечные муки?

– Мне кажется он прекрасно жил бы без сердца, – парировала Элис.

– Милая шутка, но дело в другом, – наш бессмертный лидер знает, что спасение близко.

– Его воскресит Мифодий, как Иисус Лазаря?

– Ценю Ваше остроумие – усмехнулся доктор, но не совсем он. Глубокоуважаемый Духоведец лишь благословит Главнокомыслящего на новую жизнь полную спецопераций, мирских удовольствий и лёгких геополитических побед. Мы уже сейчас можем создать его точную копию клеточным клонированием и даже составить нейронную сеть с памятью и знаниями. Но, несмотря на полную внешнюю и нейронную идентичность, сама личность лидера продолжит пребывать в старом брэнном теле. Современной науке не хватает одного шага до окончательного решения проблемы бессмертия. По научному это называется «материальный экстракт сознания». Если бы мы знали, что роль волшебного эликсира выполняют, например, нейроны спинного мозга или моторной

памяти, то пересадили бы их в клон, и настоящий Главно-ломыслящий, состоящий из разваливающихся органов, отнятых у законопослушных граждан, сделал бы первый в истории нейронный переход сознания в здоровое молодое тело клонированное от себя самого. Он бы совершил транзит. *Транзит Власти!* Это касается не его одного, конечно. Все хотят жить вечно, но не все достойны получить в подарок небесный маятник.

– Мне кажется все вы этого и не достойны, – прошипела Элис. – Оставив миллионы людей в аду позади себя, а иначе всё Ваше Братство и назвать нельзя, вы собираетесь проскочить в рай на каком-то экстракте? – По моему это противно законам вселенной. Вы не должны там быть даже по чисто эстетическим соображениям. И мой Вам совет, – не рассказывайте Папатиарху ничего о душе, иначе он не согласится на квант-нейронный переход сознания, решив, что душу можно купить как орган для трансплантации.

Доктор пустил пять колец из сигары прямо в лицо Элис и продолжил, как будто не слышал ее детских причитаний:

– Давным давно, один из философов предложил такое философское понятие, как «Вечное Повторение». Он исходил из того что время не имеет верхней границы, а количество элементарных частиц во Вселенной, которую вы только что упомянули – конечно. Если это так, то все события в мире повторялись бы через определенные промежутки времени. Тогда нам всё приходилось бы начинать сначала. Ко всем

событиям заново прикреплялись бы те же самые ярлыки, – добро, зло, счастье, трагедия. Но древний философ не знал про аннигиляцию материи, и ещё много о чём не имел представления. Сегодня мы знаем, что нет никакого повторения, есть Вечность, в которую мы войдем, как в операционную, а для вечности нет морали. Если параллельные прямые пересекаются в бесконечности, то вечность сводит добро и зло к одной общей точке. Этот нейронный переход сознания мы назовём транзитом, так будет записано в новейшей Библии. Действительно спастись смогут только члены “сплотившихся”, аристо-элиты, их дети и родственники; все остальные будут просто верить. Вы бы тоже могли спастись, Элис. С вашими талантами, Вы вполне могли бы войти в состав “сплотившихся”.

– А почему бы просто не пристрелить Главногомыслящего? – спросила Элис проигнорировав комплемент. – Или Вы действительно считаете его протухший мозг сто тридцати летней давности чем-то сверх гениальным?

Доктор поднял указательный палец вверх и встал из за стола, первый раз за все время разговора:

– Вот тут мы приходим к самому главному, моя милая девочка. Хотя Вы, с Вашим умом, могли бы догадаться сами.

– Ну знаете где находится пульт управления от квантового оружия – кнопка реликтового излучения?

Элис посмотрела на сидящего перед ней изувера с недоумением. Доктор хотел что-то сказать, но она прервала его

резким жестом. Затем обхватила голову руками, как будто поняла что-то очень важное:

– Вы утверждаете, что один сто тридцатилетний старик шантажирует весь мир квантовым оружием, продлевая таким образом свою жизнь?

– Скорее всю солнечную систему – ответил доктор. Если верить учёным, при применении квантового оружия она аннигилирует, рассыпется на кусочки и исчезнет, превратившись в волновую функцию. Он шантажирует даже научные станции Северного Пасьянса, находящиеся на Марсе, так как от них не останется ничего, кроме фотонов света, нажми он на кнопку запуска. Как и от самого Марса. Этой информацией обладают несколько человек из “сплотившихся”, и два высокопоставленных военных эксперта из генштаба.

– Для чего вы мне это рассказываете? – резко спросила Элис.

– Для того чтобы вы поняли как глупы или наивны ваши революционеры из Штаба Сопротивления. Вот уж кто толкает мир к исчезновению. Вы призываете прекратить работу одновременно на всех заводах Братства. И что произойдет в этом случае?

– У вашего Главнокомыслящего сгниют последние органы через час – прошипела Элис.

– Ну не через час, а через три с половиной – задумчиво ответил Доктор. – И это будут последние три часа всего человечества. Вы знаете, почему не происходит второе прише-

ствие?

Элис с удивлением посмотрела на доктора:

– А почему Вы спрашиваете это у меня? Спросите у своего духовного лидера. Уж он то знает наверняка.

– Потому что евреи не соблюдают шабат, Элис. Не понимаете?

Элис начинала терять нить разговора. Кто то из них двоих сходил с ума.

– Сейчас поймёте. Второе пришествие наступит сразу же, как евреи дружно начнут соблюдать шабат. Понимаете? Все и одновременно! Если жители Братства сорвут с себя ошейники министерства трансплантации, Лидер нашей с вами Поп Державы умрёт через три часа, а скорее всего ещё раньше. Мы будем просто не в состоянии найти для него подходящий био-материал для пересадки. Но сорвать их должны все без исключения, вот в чём фокус! А теперь позвольте Вас спросить, знаете ли Вы что удерживает квантовую ракету Братства от немедленного старта?

Элис уже не успевала за мыслями Доктора.

– Его сердцебиение! Как только пропадёт пульс в теле, запуск квантовой ракеты произойдёт в автоматическом режиме. Так что ваш Штаб Сопротивления – это сборище мало информированных тупиц, которые и ведут мир к катастрофе. Он должен быть немедленно уничтожен, и морально и физически.

Элис вспомнила церемонию награждения. Доктор не

врал. То, что неестественным образом выступало из под пиджака Главногокомыслящего на церемонии награждения, было ни чем иным, как пультом управления от квантовой бомбы. Элис стояла в метре от самоубийцы, готового уничтожить не просто пару зданий, а четверть млечного пути

Доктор подошел к Элис вплотную и посмотрел ей в глаза, деловито взяв за руку:

– Теперь вы поняли почему можете нам по собственной воле?

Доктору показалось что его слова убедительно подействовали на собеседницу, но через несколько секунд Элис отдернула руку с отвращением:

– Знаете, Доктор, можете даже разорвать меня на части вашей квантовой бомбой, но нам с Вами не по пути. Пусть этот мир исчезнет. Вы все своим присутствием сделали его ничтожным как атом антивещества. Пусть вся солнечная система превратится в чёрную дыру, раз на самой прекрасной планете живёте Вы, вместе с Вашим протухшим Лидером и со всей аристо-элитой, от которой меня физически выворачивает на изнанку. Я отказываюсь от какого-либо сотрудничества, можете бросить меня в термохимический ров, как это делают ваши, обезумевшие от алчности, слуги крестопьян.

Элис посмотрела на доктора с презрением. Ей показалось что он, напротив, смотрит на неё с сочувствием, первый раз за всё время разговора.

– Жаль, – сказал доктор потушив сигару. – Вы всё равно будете сотрудничать, Элис. Это не угроза и не уговор. Я констатирую факт. Я просто пытался Вам помочь, искренне хотел уберечь Вашу психику от ненужных перегрузок. Теперь Вам придётся встретиться с людьми, у которых нет ни воображения ни здравого смысла, ни философии. И только после этого мы с Вами продолжим разговор ровно с того, на чём закончили. Для меня это будет просто потерянное время, для Вас же, – не самое лучшее в жизни, поверьте. Доктор нажал кнопку. Элис увели.

V

Элис прекрасно отдавала себе отчёт в том, что после разговора с доктором уже не выйдет из Теремов живой. Она не понимала лишь одного, – почему её жизнь до сих пор представляет ценность для спецслужб. Крот был раскрыт, она ни разу не встречалась ни с одним революционером Штаба и всего месяц назад даже не знала о его существовании. Её могли заставить учавствовать в теле-конференции, но ждать сотрудничества со спецслужбами в прямом эфире, на глазах всего цивилизованного мира представлялось Элис полным абсурдом.

Доктор ничего не говорил про отца, – значит он был ещё на свободе и в безопасности. В противном случае его использовали бы против неё как заложника.

Элис бросили в узкую одиночную камеру без окон, с ост-

рыми зубчатыми стенами, холодным полом и кишасим клопами потолком. Она лежала на железной кровати, припаянной к бетонному полу в полной тишине, отчего мысли путались и переплетались между собой, как трупные черви. Пердю, доктор, отец, Ром, – все сливалось в едином потоке сознания, который уже не подчинялся её воле.

На доске, определяющей распорядок дня, появилась запись необычного для тюремного распорядка мероприятия, – посещение театра обскура. Час назад Элис не обратила на него никакого внимания из за мерзкого послевкусия от встречи с доктором. Теперь же она ясно вспомнила свой разговор с Ромом. Подонок сдержал слово, обещав сводить на настоящее театральное представление.

Элис решила, что театральная постановка будет ни чем иным, как очередным претенциозным средством пропаганды или, в крайнем случае, ещё одной психологической попыткой давления на заключённых. Мероприятие скорее обрадовало Элис, – появлялся призрачный шанс на общение с другими узниками тюрьмы, – она снова увидит Меру и Лавуазье.

Автоматическая дверь бесшумно открылась за десять минут до назначенного представления. Снаружи уже ждал охранник с лицом, напоминающим посмертную маску крысо-бабуина с медными пятаками вместо глаз.

Они прошли через сеть тёмных узких коридоров и остановились у чёрной шёлковой занавески с золотыми гербами

Братства, которая отделяла проход от фойе театра. Охранник снял с Элис наручники и с силой втолкнул внутрь зала. Чьи-то сильные руки тотчас подхватили её с двух сторон и жёстко усадили на холодное железное кресло.

В зале была крошечная тьма. Кто-то привязал руки к ручкам кресла толстыми кожаными ремнями, на ногах закрепились металлические колодки. Элис всё еще думала, что находится в театральном зале, списав всё произошедшее на меры безопасности от потенциально возможного побега заключённого.

Глаза стали привыкать к темноте. Через несколько секунд она могла различить сцену, на которой были едва заметны силуэты сидящих на креслах людей. Всё это напоминало последние минуты приготовлений перед началом представления, за исключением одной детали: после громкого звонка, совсем не похожего на театральный, занавес стал медленно опускаться, как будто спектакль был уже закончен. Более того, за полностью опустившимся занавесом, Элис всё еще могла видеть силуэты сидящих на сцене людей. Это означало, что зрительный зал хорошо просматривался со стороны сцены.

Внезапно чья-то рука собрала её волосы грубым садистским движением. Элис почувствовала, как голова проваливается в узкое жёсткое отверстие, – на неё надевали шлем. Она попыталась вырваться, но не смогла даже шевельнуться, – тело намертво привязали к железному креслу плотны-

ми кожаными ремнями. Послышался стальной скрип и запах гари, словно кто-то пустил под откос неисправную паровую машину.

Удар, похожий на разряд электрического тока, пробежал по телу как рой зубастых голодных насекомых. Яркая вспышка света сильно ослепила глаза. Что-то взорвалось прямо в метре от кресла. Запах горелого человеческого мяса, перемешанного с экскрементами прошиб носоглотку, как острая отравленная спица. Вспышка света сработала как фотокамера, проявив в глазах негатив всего что происходило в зале в момент взрыва. От увиденного Элис на мгновение потеряла сознание, но тут же пришла в себя, – сильная доза нашатыря снова вернула её в зрительный ад.

Это была массовая казнь заключённых на расставленных в три ряда электрических стульях. Секунду назад, заряд в несколько тысяч вольт разорвал голову приговорённого прямо перед глазами Элис. Послышались истошные вопли. Время остановилось, мысли, напротив, полетели с необыкновенной быстротой, как в день теракта в кафе Барро.

На сцене появились яркие светящиеся точки, – люди, сидящие по ты сторону занавеса наблюдали за происходящим в зале в бинокли ночного видения. Слева от Элис кто-то бешено затрясся всем телом. Она повернула голову и через секунду поняла, что сама бьётся в конвульсиях от увиденного, – у сидящего рядом смертника расплавились глазные яблоки. Её вывернуло наизнанку и вырвало прямо на него. На

голове приговорённого вздулся уродливый мозговой колпак, затем голову разорвало в клочья, как переполненный мусорный бак с мертвечиной. Куски человеческой плоти вместе с обгорелыми кожаными ремнями разлетелись по залу, как осколки грязной бомбы, оседая на сошедших с ума смертников.

Треск, похожий на короткое замыкание пробежал по стульям переднего ряда. Одно из них резко задымилось, – человек с вздувшейся головой горел заживо. Яркое красное пламя вспыхнуло из под шлема другого смертника, сидевшего через кресло. Едкий желтоватый дым распространялся по всему залу, вызывая приступ удушья.

Что-то вязкое стекало со шлема на лицо, затем отлип целый кусок. Элис увидела человеческие мозги, плавающие в её собственной рвоте. Она заходилась диким хохотом, не понимая почему так истошно орут остальные. Прямо перед ней вырос огромный железный монстр с острыми чугунными копытами. Элис захотелось оседлать его и прокатиться по залу. Дикая смех выворачивал внутренности, – взрывы черепных коробок отдалились, как при контузии, напоминая треск перегоревших лампочек. Элис показалось, что она слышит крики "Браво" и громкие аплодисменты. Затем стало совсем темно, на глаза опустили тяжёлый железный занавес, похожий на кованые ворота Кричащей Тишины.

Элис пришла в себя от болезненного укола в шею. Она лежала на кожаном медицинском кресле под железным панцирем, напоминающем рыцарские доспехи. Медсестра, делавшая ей прививки при въезде в Терема, бросила ампулу в мусорную корзину, бережно завернула шприц в марлю и молча удалилась. Доктор возился с детектором правды, не обращая на Элис никакого внимания. Ей показалось, что с момента их последней встречи прошло лишь несколько минут. Всё произошедшее в театре обскура казалось страшным ночным кошмаром и мутило сознание.

– Я предупреждал, Вас, – неожиданно сказал доктор не оборачиваясь. – У этих людей совсем нет воображения. Я хотел избавить Вас от лишних потрясений, совершенно ненужных и бесполезных для всех сторон. Эти недоумки решили показать Вам подобие страшного суда, не выяснив даже, верите ли Вы в Бога.

Укол начинал действовать, сладкая наркотическая волна пробежала по телу, развязывая язык.

– Я поверила в него, когда первый раз увидела Вашего Папатриарха у себя в геттополисе, – тихо сказала Элис, как будто разговаривала сама с собой. – Раз есть нечисть, есть и Бог.

Доктор, наконец, удостоил её взглядом, закончив настраивать прибор.

– Никто не будет судить Вас страшнее чем Вы сами, Элис. Это и есть страшный суд атеиста. Я пытался объяснить это работникам спецслужб, но они не способны понять даже та-

кие элементарные вещи. Решили напугать Вас сценой массовой казни. Кстати, по-моему, им это удалось, – берём лучшие идеи у западных партнёров и усовершенствуем. Не знаю кому пришла в голову мысль превратить электрический стул в электрический зал со сценой, но это разрывает все стереотипы.

– Тому, кто первый понял, что даже массовую казнь можно превратить в развлечение, – прошипела Элис. – Я видела людей на сцене. Они наблюдали за происходящим в бинокли. Вы не знаете, сколько стоит билет на сеанс?

– Это не входит в мою компетенцию, – сухо сказал доктор.

– Может Вам просто не хватило денег?

Доктор зло посмотрел на Элис:

– Как бы то ни было, из за своего наивного упрямства, Вы невольно стали свидетельницей довольно гнусного мероприятия. Говорю Вам открытым текстом, – если не согласитесь сотрудничать добровольно, каждую ночь будете судить себя ещё более страшным судом, пока не приползёте умолять меня прекратить Ваши мучения. Театр обскура покажется Вам милым развлечением, поверьте. Нам будет принадлежать либо Ваша душа, либо органы. Выбор за Вами.

Последняя фраза ещё больше разозлила Элис:

– Почему Вы так в этом уверены? – спросила она с вызовом, решив, что лучше умрёт от страха во время адского спектакля, чем доставит Доктору удовольствие затянуть себя на сторону спецслужб.

– Человек способен всю жизнь бороться со смертью, но сон одолевает его максимум за три дня, – сказал доктор. – И очень скоро Вы поймёте что я имею в виду.

Странная фраза не произвела на Элис должного впечатления, провоцируя на последнюю дерзость:

– А Вы не боитесь, что я повешусь на проводах от Вашего чёртового нейронного детектора?

– Нет, моя милая девочка, – зло улыбнулся доктор. – У Вас потом будет сильно болеть шея.

VI

Воспоминания о смерти матери и младшей сестры были странным образом вычеркнуты из памяти Элис. Она хорошо помнила их в раннем детстве, но, с некоторого момента фрагменты стали крошиться, как гнилой чёрствый хлеб. Отец уходил от разговоров о прошлом, повторяя лишь то, что Элис слышала много раз: её мать и сестра умерли от эпидемии, когда Элис была ещё ребёнком. Странное подсознательное чувство вины преследовало её при редких разговорах с отцом на эту тему. В конце концов Элис сама поверила в его версию, точнее заставила себя поверить.

Теперь же с ней стали происходить странные вещи, – воспоминания возвращались назад, как дезертиры с военных сражений. С каждым часом в памяти проявлялись всё новые и новые фрагменты. Она могла ясно видеть лицо сестры, как будто расстались они только вчера. Все эпизоды детства, свя-

занные с матерью, ясно всплывали перед глазами. Элис чувствовала, что очень скоро доберётся до самого главного. Ей становилось страшно, интуиция безысходно подсказывала, – правда намного ужаснее того, что рассказывал отец.

Во сне рваные фрагменты воспоминаний невероятным образом складывались в правильном порядке, словно неведомый режиссёр склеивал из них гениальный монтаж. Мать, младшая сестра Анна, коньки, подаренные отцом, гигантская статуя Главногомыслящего со смотровой площадкой, министерство трансплантации – все это имело некую связь, единую трагическую историю.

Даже сквозь лёгкий полудрём загадочные картины детства появлялись с удивительной ясностью. Она вспомнила слова доктора: «человек может всю жизнь бороться со смертью, но сон одолевает его максимум за три дня». Странное пророчество, сказанное как угроза.

Элис закрыла глаза, сопротивляться мысленному потоку больше не было сил. Сон гнал нежные волны воспоминаний, как южный ветер, разбивая их на яркие фрагменты об острые скалы подсознания.

Анна неуверенно стоит на детских коньках, Элис держит сестру за руку. Коньки блестят на солнце, Анна вне себя от счастья, – она чуть дрожит и смотрит на Элис, заливаясь звонким детским смехом. Они медленно идут по направлению к катку, – через несколько минут Анна встанет на лёд, первый раз в своей короткой жизни.

Элис счастлива за сестру, – хотя бы на пару часов она забудет о мучительных приступах астмы, протекающих при полном отсутствии медицинской помощи и медикаментов. Дышится на удивление легко, в воздухе не чувствуется даже запаха реактивов. Что-то вызывает сильную тревогу.

Взгляд Элис падает на белые коньки Анны, издающие странный шаркающий звук. То, что она видит разрывает душу на мелкие осколки, – у Анны нет ног, коньки закреплены на деревянных протезах. Элис в ужасе смотрит на сестру, но Анна, как будто не знает о случившемся и продолжает весело смеяться.

Элис проснулась от собственного истошного крика. Это был не просто ночной кошмар, – сон подготавливал психику ко встрече с неизбежным. Она чувствовала что, подсознание медленно подбирается к самым тёмным эпизодам детства, рождая жуткие болезненные ассоциации. В “Кричащей Тишине” её не слышал ни один человек. Звать на помощь бесполезно, – она полностью беззащитна перед своим мучителем – перед сном.

Элис внезапно вспомнила, что похожий фантом уже являлся к ней сразу после медицинского обследования в Термах. Никогда раньше мать и сестра не приходили к ней во сне.

Память о них словно вытянули из мозга вакуумным насосом. Теперь же детские воспоминания начинали выворачивать душу наизнанку, как спятивший костоправ. Она ещё

раз вспомнила слова доктора: «Никто не будет судить тебя страшнее чем ты сама, . . . можно всю жизнь бороться со смертью, но сон одолевает человека за три дня».

Невероятное совпадение, – фразы на сто процентов подходили к её ночным кошмарам. Если не принимать это за случайность, приходилось признать, что доктор всё знал заранее: чувство вины будет проникать в каждый сон всё сильнее и отчётливее.

Она вспомнила про детектор правды, затем вопрос о сестре и матери, как бы заданный по ошибке во время теста. Затем странные прививки. Представить, что между всеми этими событиями была какая-то связь было просто невыносимо.

Усталость снова сдавила виски, биологические ритмы подсказывали, – ночь только в самом начале. Сон медленно тащил её на территорию собственных владений сетью ненужных, мрачных воспоминаний. Она вновь поддалась своему мучителю в надежде, что на этот раз провалится в чёрную бездну беспомощности. Веки опустились как тяжёлые жалюзи крематория.

Вместо чёрной бездны перед глазами расстелилась белоснежная, искрящаяся на солнце простыня. Анна несёт коньки в своём маленьком рюкзаке, жребий выпал ей первой встать на лёд. Элис держит сестру за руку, они приближаются к катку, уже слышны задиристые крики детей, и приятный трест льда под стальными лезвиями. Остаётся лишь осторожно пройти железнодорожное полотно, отделяющее

их от ледовой площадки.

Анна весело кружится вместе с рюкзачком, в предвкушении самых счастливых минут своей жизни. Нелепая, непонятно откуда взявшаяся мысль, врывается в голову Элис как чужеродное тело, – первой попасть на каток. Она вырывает у сестры рюкзачок и бежит к ледовой площадке. От неожиданности Анна машинально бросается за ней, пытаясь догнать Элис и вернуть себе законное право первой встать на лёд. Элис быстро перебегает рельсы и вдруг приходит в себя, очнувшись от глупого бессознательного порыва.

Внезапно появляется поезд, Анна пытается остановиться, сила инерции толкает её вперёд к катку, она спотыкается о замёрзшую рельсу и падает, закрывая лицо руками. Сдавленный крик оглушает Элис как набат, сливаясь с пронзительным гудком локомотива. Небо краснеет и падает на землю, навсегда сбивая её с ног.

Элис проснулась в оцепенении, судорога сковала конечности, страх пронизывал тело насквозь холодными толстыми иглами. Жуткие воспоминания детства вырывались из глубин памяти как проснувшийся вулкан. Всё произошедшее с ней в Теремах, казалось невинной детской игрой по сравнению с одним эпизодом из прошлой жизни.

Мрачные пророчества доктора сбывались как по волшебству, – Элис хотелось, чтобы кто-то разом прекратил её мучения. Сон хлестал по щекам ударами чудовищной правды, которую она не хотела переживать ни во сне ни наяву. Смут-

ное, бессознательное чувство вины, жившее с ней все эти годы, внезапно стало проявлять очертания, как негативное изображение на фотоплёнке.

Нервное истощение затягивало в болезненный полудрём, сопротивляться не было сил, даже под страхом токсичных видений. Она снова провалилась в бездну событий далёкого прошлого.

Мать сидела на кровати Анны, что-то шёпотом говорила ей, гладила по голове, прикладывалась губами ко лбу. Слов не было слышно, но Элис знала – мать просит у Анны прощение. Она не понимала за что, – в произошедшем была лишь её вина.

Она увидела отца, он стоял у письменного стола и разговаривал с чиновником из министерства трансплантации. Элис поняла это по характерной одежде и фирменному значку, на левом кармане пиджака. Чиновник что-то объяснял отцу, воровато поглядывая на Анну, до Элис долетали лишь короткие обрывки фраз. Отец обречённо соглашался со всеми доводами чиновника, мать гладила Анну по руке, еле сдерживая рыдания.

Слова были излишни. Элис знала почему этот человек находится в их доме, знала почему плачет мать, а отец мрачно молчит, соглашаясь с каждым циничным словом чиновника, – Великое Братство отказывалось спасти её сестру. Локомотив отрезал Анне ноги, для министерство трансплантации она представляла интерес лишь как полуживой мешок

ещё функционирующих органов.

Элис проснулась от собственного крика, – она сжимала зубами стальной прут, пытаясь вырвать его из основания кровати, как бешеная собака. Она могла выдержать ещё двадцать сеансов театра обскура, но детские сны, прорвавшиеся как гнойное кровотечение из самых тёмных глубин памяти, сломали её волю в одночасье.

Сон не придавал силы, а лишь приближал к чудовищному нервному срыву. Элис рыдала и звала на помощь доктора, как он и предсказывал ей во время последнего разговора. Сон и явь перепутались в сознании.

Перед глазами возникла огромная статуя Главногомыслящего, которую она последний раз видела из окна вертолёт-та. Мать медленно поднималась по широким ступенькам к торговому центру, у основания постройки. Она мечтательно улыбалась, глаза святились потусторонним неземным светом. Элис никогда не видела её такой красивой и такой отрешённой от внешнего мира, как в тот день. Мать направлялась в элитную парикмахерскую, находящуюся на первом этаже здания.

Парикмахер услужливо принялся за дело, – мать заказала самую дорогую и модную причёску, первый раз в жизни не пожалев на себя средств из семейного бюджета. Через час она вышла под аплодисменты оставшихся посетителей. Прическа сделала из неё древнегреческую Богиню. Элис наблюдала за всем происходящем в молчаливом оцепенении. Мать

медленно поднималась к смотровой площадке по внутренней винтовой лестнице, совершая “восхождение”. Элис следовала за ней как ангел.

Мать шла по лестнице, как на Галгофу, – величественно и обречённо, с чувством собственного достоинства, не обращая внимание на суетящихся вокруг людей. Она сильно выделялась среди остальных, – это было, как минимум, порочным поступком, если не преступлением. Стук каблучков летел вверх по лестнице, как нарастающий колокольный звон.

Она дошла до вершины и вышла на смотровую площадку. Элис поняла, что мать отчужденно идёт к самому краю, не обращая никакого внимания на окружающий мир. Элис не могла окликнуть её, обнять, или оттащить от края платформы. Охранники заметили неладное слишком поздно. Женщина встала на парапет, широко раскинула руки и бросилась вниз с трёхсот метровой высоты.

VII

Элис проснулась от сильного холода и не сразу поняла где находится. Она лежала на бетонном полу, голову прижимала кровать, тело распласталось поперёк камеры, ноги упирались в дверь. Стопы болели от ударов, – во сне она пыталась выбить дверь ногами и бешено барабанила голыми пятками по железному основанию. Её не слышал ни один человек, но камеры молчаливо сканировали происходящее.

Правда о судьбе матери и младшей сестры оказалась для

Элис страшнее любых догадок и вымыслов. Она была косвенно виновна в смерти самых дорогих и близких людей. Локомотив отрезал Анне ноги, после чего министерство трансплантации просто выпотрошило из неё все жизненно важные органы в пользу Главногокомыслящего. Мать не вынесла чудовищного цинизма со стороны государства и покончила жизнь самоубийством на глазах у всего геттополиса.

Подняться на кровать уже не было сил, ни физических, ни моральных. Через несколько минут в комнату вошли два санитары. Элис сделали укол в позвоночник, положили на носилки и крепко застегнули кожаными ремнями. Она не сопротивлялась – нервный срыв привёл к полной апатии. Через несколько минут её внесли в уже знакомое помещение, стащили на пол, затем усадили на медицинское кресло.

– Всё это было совсем не обязательно, – сказал доктор обыденным тоном, как будто они и не расставались вовсе. – И театра обскура, и пафоса Ваших душевных мук можно было легко избежать, не будь Вы такой наивной и упрямой, Элис. Теперь Вы понимаете, что не выиграли ровным счётом ничего и мы начнём точно с того, на чём расстались в прошлый раз?

Укол начал действовать, тёплая розовая волна спокойствия разливалась по венам. У Элис больше не было сил сопротивляться неизбежному.

– Развяжите ремни. В этом нет смысла, мне некуда бежать. Доктор посмотрел на неё с лёгким удивлением, переходя-

щим в молчаливое поощрение.

Он осторожно расстегнул замки и протянул Элис салфетку.

– Теперь Вы признаёте, что напрасно подставили себя под двойной удар?

Элис с трудом подтянулась на кресле и приняла сидячее положение. Нежная истома пробежала по телу, она была даже благодарна доктору за отсутствие физической боли.

– Не совсем, – ответила Элис и не узнала своего голоса. – По крайней мере теперь я узнала правду о том что произошло с моей семьёй.

Доктор посмотрел на неё то ли с осуждением, то ли с сочувствием.

– И Вам нужна такая правда?

– Правда не кокаин, доктор; она не даёт забвения, но прибавляет силы. Я узнала что произошло с ними, теперь хочу понять что стало со мной.

– Вы не договорили, – сказал доктор и посмотрел на неё в упор.

Элис отвернулась, затем обречённо посмотрела в потолок и закрыла глаза:

– Узнать всю правду, а потом забыть навсегда.

Доктор оживился.

– Я могу считать это началом нашей новой дружбы?

Элис не ответила.

– Тогда спрашивайте всё что хотите, моя девочка, – сказал

доктор, посчитав что молчание является согласием на скрепление договора. – Я расскажу всё, что пожелаете, даже то, что не имею право говорить по подписке о неразглашении. Вы в любом случае не будите помнить ничего из рассказанного мной через несколько дней.

Элис охватило сильное волнение, она не знала с чего начать:

– Кошмарные сны, отрывки воспоминаний детства, почему я ничего не помнила об этом раньше? Этот ужас стал происходить только после разговора с Вами и моего категорического отказа сотрудничать. Откуда Вы могли знать что сны будут пропитаны чувством вины? Как это возможно? Это похоже на магию. Это..

Элис не думала останавливаться, но доктор прервал её, вежливо взяв за руку.

– Я бы и сам так решил, будь я на Вашем месте. Современная наука действительно похожа на магию. Но спешу Вас разочаровать, – я не маг, а учёный. Нейронный детектор правды, – вот банальный ответ на Ваш вопрос. Хотя, – доктор встал и закурил сигару, – всё не так уж и просто. В Вашем случае были ещё некоторые обстоятельства.

Доктор пустил несколько сигарных колец. Элис не перебивала, из предыдущих встреч она знала, что данное действие предшествует началу длинного монолога.

– Вы будете удивлены, Элис, если я скажу, что всё началось с Вашего отца? Он обратился к нам за помощью, узнав

о моём изобретении.

Элис посмотрела на доктора с искренним удивлением.

– Так это Вы..?

– Да, – прервал её доктор. – Нейронный детектор правды – моё изобретение. Я был таким же, как Ваш отец.

Элис сдержала себя, дав доктору договорить.

– Таким же наивным, как он, – поправился доктор. – На самом деле помощь действительно требовалась, только не ему. Его маленькой дочери, то есть Вам, Элис. После серии трагических событий, произошедших в вашей семье, Вы отказывались жить из за сильнейшей депрессии. Психологи разводили руками, квантовое исследование сознания набирало ход, так что ваш отец зацепился за технологию нейронного сканирования памяти, как за соломинку. Он попросил нас стереть некоторые фрагменты вашего детства.

Элис с силой сжала ручку кресла.

– Не спешите его судить, – продолжал доктор. Ребёнку и впрямь ни к чему помнить такие жуткие подробности. Я никогда не ставил подобные опыты раньше, поэтому с радостью согласился.

– Использовать меня как подопытного кролика? – зло процедила Элис.

Доктор резко повернулся и положил сигару.

– Я могу закончить рассказ прямо сейчас и пожелать Вам спокойного сна!

Резкий тон доктора отрезвил Элис. Её бравада навсегда

закончилась этой ночью. Она поспешила исправить свою ошибку:

– Простите, мои нервы на пределе. Я вообще не понимаю, как до сих пор не сошла с ума. Продолжайте, я не скажу больше ни слова.

Доктор взял сигару, пустил несколько колец, затем, после небольшой паузы, продолжил:

– Я согласился помочь Вашему отцу, потому что, как и он, верил в науку, свободную от предубеждений и политики. Я блокировал нейронную активность Вашего мозга, отвечающую за определённые промежутки времени, связанные с трагическими событиями. И сделал это совершенно бескорыстно. Небольшую услугу от Вашего отца потребовали совсем другие люди, под руководством которых я, ровно как и он, занимался своими исследованиями. Вам не сложно догадаться кто они и из какой организации.

– Я догадываюсь, – успела вставить Элис. – Имела честь лично познакомиться.

Доктор нервно стряхнул пепел:

– Ваш отец согласился на все условия, но затем либо передумал, либо просто решил перехитрить самую циничную и могущественную организацию в мире. Сначала он нелегально залез куда не следовало с помощью своего проектора, а затем и вовсе отказался сотрудничать. Эти люди не прощают даже косога взгляда на кончики своих ботинок, не говоря уже об откровенном плевке на погоны. Как бы то ни было, –

Вашему отцу решили отомстить.

Доктор подал Элис стакан воды.

– Теперь Вы должны ответить мне на вопрос, действительно ли хотите знать всё, что с Вами произошло?

– Да, – Элис ответила не задумываясь.

– Извольте, – сказал доктор и нервно втянул сигарный дым в лёгкие. – Как я уже упоминал, у этих людей нет воображения, но они спасли Вам жизнь, – Ваш детский мозг не распался на части от жутких воспоминаний. Не знаю что нашло на Вашего отца, но он нарушил соглашение. Кто-то посчитал, что справедливость восторжествует, если Ваш мозг всё же разорвёт на части и устроил попытку теракта.

Элис вздрогнула всем телом и попыталась вскочить с кресла. Она закричала сильнее чем в ночном бреду:

– Вы хотите сказать, что я и являлась настоящей целью теракта!?

Доктор подбежал к креслу.

– Сядьте, иначе прибегут санитары! Я снял ремни ради Вашей же безопасности, не заставляйте меня прибегать к силе.

– Господи, но там же были дети! Почему нельзя было просто выстрелить мне в затылок в тёмном переулке "хлопушки"!?

Элис почувствовала внезапное жжение в предплечье, – доктор ввёл ей успокоительное.

– Я предупреждал, хотите ли Вы это знать, так что не на-

до истерик! Успокойтесь, иначе Вам придётся провести ещё одну ночь наедине с матерью и сестрой.

Элис сидела, опустив голову, стараясь не сорваться в истерику:

– Вы сделали то, что не удалось им, – разорвали на части мою душу и остатки веры в человеческий род.

Она посмотрела на доктора, как будто вспомнила что-то важное:

– Но если всё так, как вы говорите, какого чёрта меня пригласили на работу в Терема и почему я вижу эти сны, если вы стёрли их у меня из памяти?

Доктор налил ещё один стакан воды и передал Элис.

– Ваш неординарный поступок в кафе Барро, перед лицом смерти, дошёл до самого Главногомыслящего. А уж у него воображения не занимать, поверьте мне, я знаком с ним лично. Он решил совместить приятное с полезным, – наказать Вашего отца и использовать Вас в спецоперации по извлечению агента штаба сопротивления. Признаться я был сильно удивлён, что им оказался поп. Во истину гениальный человек. А сны, потерянные в детстве, Вы видите по очень простой причине: я реактивировал эту временную зону в памяти во время вашего теста на детекторе правды, затем сделал данный нейронный контур наиболее активным в фазе глубокого сна с помощью специальных прививок. Никакой магии.

Элис, наконец поняла, что имел в виду доктор, когда говорил о страшном суде атеиста.

– То есть я буду видеть всегда одни и те же сны?

– Да, если мы не заблокируем их снова, или не сделаем менее активными, – победоносно улыбнулся доктор. – По вашему усмотрению. Мне жаль, что вы не дали мне возможности объяснить всё это в нашу первую встречу. Очень много можно было бы избежать.

– Я ни о чем не жалею, – сказала Элис. – Вы знаете что сейчас происходит с моим отцом?

– Нет, – резко сказал доктор.

Элис показалось, что он начинает терять интерес к разговору после того, как сообщил Элис всю имеющуюся информацию.

– Это не в моей компетенции. Я могу считать, что мы, наконец, пришли к мирному соглашению?

Элис медленно опустила затёкшие ноги с кресла:

– Последний вопрос, доктор. Что означает цвет браслета на руках детей, улетающих с Папатриархом на святонебоходе?

Доктор удивился вопросу, но ответил незамедлительно:

– Зелёные, – расход на органы, синие, – сексуальные услуги, красные, – обряды с жертвоприношением, жёлтые, – "Золотой Фонтан Афродиты". Есть ещё вопросы?

XVII

Прохладным августовским утром все информационные трансляции Братства открылись демонстративным показом

незапланированной экстренной теле-конференции. На пропагандистских слинфобачках Поп Державы появились представители силовых структур, – Потрох-Петруша, Шайбу, ассенизатор, Артур-Аурофоб, несколько полковников Элит-Кавалерии и хмырь-сексот. Силовики расположились за длинным серым столом, крайнее место, справа от ассенизатора оставалось свободным.

Мероприятие явно отличалось ото всех остальных, – представители зарубежных СМИ Нектарии, Северо-Баллистического Пасьянса и Агонии, были приглашены в Братство, получив беспрецедентное право освещения данного события на весь мир.

Через несколько минут в зале появилась Элис. Она прекрасно выглядела, на лице не было ни одной царапины, взгляд был спокойный и доброжелательный ко всем окружающим, включая агентов спецслужб.

Её появление на пресс-конференции стало полной неожиданностью для журналистов. В зале послышались злобные выкрики, заглушаемые редкими аплодисментами. Двое из ларца вежливо провели её к столу, закрепили микрофон и молча удалились. Табличка с именем Элис появилась в самый последний момент, для усиления сценического эффекта.

Потрох-Петруша проверил слышимость, постучав пальцем по микрофону, и взял слово:

– Попрошу тишины. Просьба ко всем находящимся в за-

ле, – соблюдать дисциплину и следовать установленному регламенту. Настоящая конференция посвящена попытке теракта, на объекте Братства, имеющим важное стратегическое значение для всей Поп Державы. Час назад мы узнали о желании Элис Найтингел пообщаться со СМИ и нашли для этого легальные возможности. Решение об участии Элис было принято в самый последний момент.

Один из корреспондентов Нектарии демонстративно покинул зал в знак протеста, заявив, что выступление происходит под давлением спецслужб Братства и ими же инициировано.

Элис дали слово не сразу. Артур-Аурофоб осветил известные всем подробности теракта, отметив близость кафе Барро к биохимическому гетто-предприятию. Он возложил всю вину за произошедшее на Штаб Соппротивления и Северо-Баллистический Пасьянс:

– Со всей ответственностью заявляю, – данный теракт имел целью уничтожение важнейшего биохимического предприятия страны внутренней боевой организацией при поддержке западных союзников. Достоверные данные и неопровержимые доказательства находятся в нашем распоряжении и будут предоставлены прессе через несколько минут. Все сидящие в зале могут задавать вопросы в порядке очереди.

Артур-Аурофоб посмотрел на Элис. Она поправила причёску и пододвинулась ближе к микрофону:

– Немного волнуясь, ещё час назад не знала, что мне предоставят такую возможность. Я хочу сделать заявление: мною был подготовлен теракт в Кафе Барро по заданию Штаба Сопротивления, при финансовой поддержке Северо Баллистическим Пасьянсом.

Зал загудел. Из первого ряда поднялась женщина. Представившись корреспондентом "Радио Пасьянса" она обратилась напрямую к Элис:

– Правда ли, что вы подвергались пыткой сном, то есть методом выборочной активации нейронных событий в фазе глубокого сна, основанном на технологии детектора правды?

– Хорошо, что Вы начали разговор с шутки, – улыбнулась Элис. – Комментировать это просто смешно. Я прекрасно сплю, здорова, и хорошо себя чувствую. Меня не пытаются никакими нейронными детекторами, не колют прививки, сыворотки правды или инъекции лжи. Если не верите, так и скажите.

Скептиков в зале нашлось действительно много.

– Я не верю ни одному Вашему слову, – сказала одна из журналисток, представившись работницей радиостанции "Свободная Нектария". – Просто держитесь и не падайте духом.

– Я могла бы доказать Вам это на детекторе правды, но боюсь Вы не поверите даже всему научному сообществу, – отшутилась Элис.

Затем лицо её сделалось непроницаемым, она говорила

более чем серьёзно:

– Никакого торга со следствием у меня не было и быть не могло. Моё участие в подготовке теракта было добровольным. Это исключительно мой выбор.

– Зачем Вы выступаете на этой пресс-конференции? – спросил молодой журналист из второго ряда, с подозрением смотревший на Элис с момента её появления.

Элис оживилась, как будто вспомнила что-то очень важное:

– Я понимаю какой ущерб нанесла Поп Державе и хочу сделать всё от меня возможное, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Я всегда хотела служить обществу, по этой причине работала в агенстве "Будни Братства". Теперь у меня есть возможность искупить тот вред, который я нанесла своей стране.

Элис говорила искренне. Несмотря на это, у сидящих в зале возникало ощущение, что она через силу хочет убедить корреспондентов в своей правоте.

– Вы можете привести хоть одно доказательство своим словам? – спросил журналист.

Потрох-Петруша сделал жест рукой в направлении зала и что-то шепнул на ухо Артуру-Аурофобу. На сцену поднялся человек. Элис узнала полицейского, который задавал ей вопросы сразу же после теракта.

– Вы знакомы с этой женщиной? – обратился Артуру-Аурофоб к сержанту, показывая на Элис.

– Да, – ответил тот не задумываясь. – Я допрашивал её сразу же, после того, как террористы были обезврежены.

– Как Вы поняли, что она принадлежит к Штабу Сопротивления?

– Она назвалась своим запрещённым урождённым именем. Дальнейшее не требует доказательств.

– Спасибо, – Артуру-Аурофоб победоносно посмотрел в зал. – Пока свободны.

Сержант послушно вернулся на место. Из зала встал журналист, представившийся работником "Будни Братства".

– Скажите Элис, как вы относитесь к Главкомыслящему?

Элис ответила без заминки, как будто ответ был заучен заранее:

– Когда мы готовили террористов боевиков для совершения террористических актов на территории стратегических государственных объектов, всегда мотивировали их, рассказами о сладкой жизни на небесах в окружении гурий-клонов. Так нас учили консультанты по диверсионной деятельности из Штаба Сопротивления. Некоторые смертники сомневались, – молодые здоровые парни не понимали чем будут ублажать свой небесный гарем гуклонок, если бомба разорвёт их собственные тела на части. Тогда Ной, вдохновитель штаба, нашёл необычный выход из положения. Он предложил боевикам заматывать гениталии стальной проволокой, сохраняя достоинство для мира иного. Дико, конечно, но на

наше удивление это сработало.

– А какое это имеет отношение к моему вопросу? – спросил растерянный журналист.

Элис мечтательно улыбнулась.

– Стальные яйца даются человеку от рождения! У Главногомыслящего они сделаны из стали. Проволока ему не требуется. Вот какое отношение.

Зал опять загудел, журналист одобрительно засмеялся и сел на кресло с чувством полного удовлетворения.

– Скажите, как Вы попали в Штаб Сопротивления?

Элис выдержала паузу.

– Меня завербовал в боевую организацию мой собственный отец.

По залу прокатились возгласы удивления и порицания. Крики "Позор!" журналистов Братства заглушали возмущённые "Не верю!" корреспондентов Нектарии и Северного Пасьянса.

Потрох-Петруша сделал жест рукой, призывая к спокойствию, затем обратился к Элис:

– Что Вы ещё хотели бы сообщить жителям Братства? Сейчас самая подходящая возможность.

Элис игриво посмотрела на сидящих в зале людей:

– Я бы хотела загадать несложную загадку думающему населению.

– Пожалуйста, – Потрох-Петруша деловито сложил руки и победоносно поднял голову.

Элис затейливо окинула взглядом сидящих в зале журналистов:

– Кто мне скажет, как называется самая высокая золотая гора Агонии, которой владеет всего один человек?

Зал молчал. Элис насладилась тишиной, потом торжественно заявила:

– Ной!

VIII

Профессор не видел дочь уже месяц. С тех пор, как её увезли в Терема, он потерял мотивацию не только работать, но и просто выходить из дома. От Элис не было никаких вестей, ни хороших, ни плохих, и именно это делало его существование невыносимым. Полное отсутствие информации вгоняло профессора в жесточайшую депрессию. Он сидел на девятом этаже своей крошечной квартиры и пытался не пропустить ни один новостной выпуск в надежде получить хоть какие-то сведения о дочери. Он не видел даже церемонию награждения, – мероприятие не демонстрировалось публично из за присутствия разведчиков и секретных сотрудников.

Снаружи слышались пьяные вопли, профессор растерянно подошёл к окну: толпы людей собирались около центрального слинфобака, полиция никак не реагировала на происходящее. Люди расталкивали друг друга локтями, сыпали проклятиями, хватались за голову и рвали на себе

остатки волос. За месяц ничего подобного не происходило в геттополисе даже близко. Профессор выбежал на лестничную клетку и понёсся вниз как сумасшедший. Блеснула слабая надежда – услышать хоть что-то, что могло иметь отношение к дочери.

У стендов, в благородной ярости, заходило буйное месиво грязных и возбуждённых людей. Праведная злоба искривляла и без того уродливые лица. Профессор понял что произошло событие державного масштаба. В нескольких метрах от него громко разговаривали две опустившиеся, сморщенные бабы.

– А говорила я, а? Я знала, я говорила, – орала одна.

– Вшивые интеллигенты! – брызгала слюной другая. –

Прочухала ты их.

Заметив профессора они замолчали и шарахнулись от него как от огня, провожая ненавистными мутными взглядами. Профессор направился к слинфобачку. Все, кто знал учёного в лицо, отбегали и отворачивались от него, как от прокажённого. Беззубая старуха, молилась, глядя на слинфобачок, как на икону Дамского Угодника Николая. Увидев профессора, она перекрестила его, как ночной кошмар и в ужасе попятилась назад, словно искала спасение в разъярённой толпе людей.

Кто-то подошёл к нему сзади и сочувственно обнял как лучшего друга. Это был Вейц. Сейсмолог был пьян; говорить он не мог, но хорошо понимал что делал. Вейц плюнул в

бесформенную массу крестопьян, поднял огромный кулак и пригрозил всем, кто волком смотрел на учёного.

Профессор подошёл в тот момент, когда Элис признавалась в совершении теракта. Земля задрожала у него под ногами, как в день прилёта религиозного картеля Папатриарха. Он пошатнулся, Вейц подхватил его из последних усилий, так как сам еле стоял на ногах. Профессор отцепился от друга и, как пьяный крестопьянин, попятился обратно к подъезду. Подниматься на девятый этаж не было сил. Он прислонился к холодной стене лбом и вызвал лифт, первый раз за несколько лет жизни в геттополисе.

У входа в квартиру лежала раскрытая книга. Кто-то подбросил её, когда учёный, всего на пять минут, выходил из дома. Профессор зашёл в квартиру, рухнул на кресло и прочитал несколько первых страниц. Книга была написана блестящим языком, – так умели творить только до рождения Братства. В ней рассказывалось о человеке, которого судили лишь за то, что он посмел быть прозрачным. Циничный привет от спецслужб, – профессору сообщали, что знают о нём каждую мелочь и видят всего насквозь. Ему негласно вручили повестку, – повестку на казнь.

Он посмотрел вниз, – Вейца избивала толпа, зомбированная свежими информационными новостями. Профессор ничем не мог ему помочь. Он настезь распахнул окно, затем позвонил другу, единственному оставшемуся на свободе из научного сообщества старой школы.

– Послушай, – сказал он, пропуская мимо ушей приветствия, – если вдруг позвонит Элис, скажи ей..

Профессор слеповато прищурился, – поток солнечного света, прорвавшийся в открытые ставни, как луч снайперского прицела, внезапно осветил комнату.

– Скажи ей, что она навсегда *останется для меня последним утром в незнакомой стране.*